

Минувшее

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Марфа Посадница4
<i>Денис Логинов</i>	Два цвета одного генерала 50

Штрихи к портрету

<i>Светлана Марлинская</i>	И — в аорту, неведомо чью, наугад... 18
----------------------------	--

Забытые страницы

<i>Аркадий Аверченко</i>	Страшный мальчик 38
	Урок литературы 45

Новое имя

<i>Ольга Займенцева</i>	Когда рисунок оживет 65
-------------------------	--------------------------------------

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Марианна Веревкина72
---------------------	-----------------------------------

Это интересно

<i>Виктор Ом</i>	Самое последнее письмо А.С. Пушкина...86
------------------	---

Из российской истории

<i>Татьяна Харламова</i>	Кафтан с царского плеча90
--------------------------	--

Поэзия

<i>Владимир Силкин</i>	Стихи104
------------------------	-----------------------

Неизвестное об известном

<i>Денис Логинов</i>	Темная сторона Чарльза Диккенса 108
----------------------	--

Рассказ

<i>Екатерина Асорина</i>	После любви118
<i>Стив Аллен</i>	Двадцать пятый кадр96

Криминальный роман

<i>Иосиф Гольман</i>	Пробег132
----------------------	------------------------

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Мирошник Константин, Кургузова-Мирошник Наталья
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуева, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №277

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.05.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Кирилл Тетерин

хутор Степной, Кочубеевский район,
Ставропольский край, 20 лет

Лебедь

Словно в зеркале волшебном,
Отогнав ночное небо,
Как при вздохе сокровенном,
С теплотою, с блеском лета
Призрак-лебедь возродился,
И живой, горящий кровью,
Он к любви своей явился
И позвал ее к раздолью,
Где златые небеса
Над полями роз сияют
И с судьбою не играют...
Где всегда цветет весна.

Лебедь, вняв словам видений
И не чая прегрешений,
В воду темну окунулась,
В саван тины завернулась...
А над ней сомкнулась мгла,
Круговая рябь пошла...
Только перышко осталось,
Вместе с звездами плескалось,
Отраженными в воде...
И пришел покой душе.

Светлана
Бестужева-Лада

МАРФА

Посадница

Имя этой женщины когда-то было широко известным и символическим для россиян. Оно отождествлялось со стремлением к свободе, борьбе против угнетателей и героической гибелью во имя народа и за народ. Известный историк Николай Карамзин написал историческую повесть, в которой вывел образ некой бесстрашной амазонки, пытавшейся спасти Новгород от захвата его великим князем Московским Иваном III.

Все это так, но... сильно украшено фантазией, как народной, так и историков. На самом деле жизнь и смерть Марфы Борецкой была куда более драматичной и куда менее романтичной и возвышенной.

Впрочем, судите сами

О детстве и юности Марфы, дочери новгородского боярина Лошинского, известно очень мало. Существует легенда, что мать родила ее... на поле битвы, куда якобы прискакала, чтобы поддержать своего супруга, а заодно произвести на свет достойную гражданку свободного города. Во все это верится с великим трудом: разве что мать Марфы случайно оказалась в гуще какого-то сражения, и пришлось рожать там, где было, мягко говоря, некомфортно. Но подтверждений обстоятельств рождения будущей героини Новгорода, увы, не существует.

Не известна и фамилия ее первого супруга — некоего боярина Филиппа, в браке с которым она родила двоих сыновей — Антона и Феликса, погибших еще в отрочестве на рыбалке в Белом море. Потом скончался и супруг, но об этом вообще нет никаких данных. Зато достоверно известно, что второй раз Марфа вышла замуж за новгородского посадника Исаака Борецкого и родила ему двух сыновей и дочь.

Долгое время она была всего лишь верной, заботливой женой и матерью, жила во втором супружестве счастливо и богато, так что никаких перемен в устоявшейся жизни наверняка не хотела. Но время было тревожное.

Новгород своими богатствами всегда привлекал захватчиков из разных земель. Во время одного из набегов (кто нападал в тот раз на Новгород — неизвестно) во главе

войска, оборонявшего границы княжества, встал муж Марфы. И тут существует еще одна легенда о том, что, отправляясь в поход, посадник якобы взял с жены клятву, что в случае его гибели она заменит мужа в Совете старейшин.

Скорее всего это — возникшее позднее оправдание неслыханного

Существует легенда, что мать родила Марфу... на поле битвы, куда якобы прискакала, чтобы поддержать своего супруга, а заодно произвести на свет будущую достойную гражданку свободного города

для женщины поступка: участие в политических делах Новгорода. Да и как можно взять с нее подобную клятву, зная, что никто подобной замены никогда не допустит?

Тем не менее, впервые Марфа заявила о себе в 1470 году во время выборов нового епископа новгородского. Она поддерживала некоего Пимена, яркого сторонника союза с Литвой, а сан получил Феофил — ставленник Москвы. Отношения новоявленной посадницы с церковью были, таким образом, основательно испорчены в самом начале ее политического пути.

Посадником в Новгороде стал старший сын Марфы и Исаака —

Дмитрий, который, кстати сказать, не имел ни твердости характера матери, ни ее ораторских способностей. Но в 1471 году он (не без активного содействия Марфы) выступил за выход Новгорода из зависимости от Москвы, установленной в 1456 году мирным договором между Василием II Темным, великим князем Московским и Владимирским, и правительством Новгородской республики.

подорвана. Москва еще не управляла им напрямую, но республика была сильно урезана в правах. Однако некоторые пункты постоянно нарушались: новгородцы продолжали давать убежище врагам великого князя.

В свою очередь, Василий II и его наследник Иван III нарушали статьи, касавшиеся территориальной целостности новгородской республики. Обе стороны постоянно обвиняли друг друга в нарушении усло-

Долгое время Марфа была всего лишь верной, заботливой женой и матерью, жила счастливо и богато и никаких перемен в устоявшейся жизни не желала. Но время было тревожное...

Тогда новгородцам удалось настоять на нескольких пунктах, ограничивавших влияние великого князя на внутреннюю политику Новгорода. С другой стороны, в договоре были условия, ограничивавшие их независимость. Во-первых, Новгород обязывался не давать убежища врагам Василия. Во-вторых, он лишался возможности вести самостоятельную внешнюю политику и принимать собственные законы. В-третьих, великий князь стал высшей судебной инстанцией Новгорода. В-четвертых, печать новгородского веча и его посадников была заменена печатью великого князя.

После подписания договора независимость Новгорода была серьезно

увязана в течение следующих пятнадцати лет. Но понадобилось появление на политической арене Марфы Борецкой, чтобы глухое недовольство перешло в открытое военное столкновение.

Марфа была, как бы сейчас выразились, неформальным лидером боярской оппозиции, причем располагала значительными денежными средствами, что тоже было немаловажным. Она лично вела переговоры с великим князем Литовским и королем Польши Казимиром IV о вступлении Новгорода в состав Великого княжества Литовского на правах автономии, при сохранении политических прав Новгорода. В результате, московский великий князь послал на

Новгород свои войска и одержал достаточно убедительную победу. Дмитрия Борецкого казнили как политического преступника. Однако право Новгорода на самоуправление в его внутренних делах было сохранено.

Марфа принадлежала к числу сильных натур, которые, пережив смерть любимого человека, не только не ломаются, но обретают железную, нечеловеческую волю. Больше ничего не может их поколебать, заботы, сомнения частной жизни уступают место общественным ценностям, высоким идеям. Гибель сына лишь добавила энергии в переговоры с Казимиром, который обещал ей поддержку.

В Новгороде возник конфликт между литовской и московской партиями (ибо далеко не все граждане свободной республики поддерживали амбиции «посадницы»), о котором стало известно Ивану III. Так что вскоре знаменитый вечевой колокол в очередной раз призвал новгородцев на Великую площадь.

Новгородское вече давно стало притчей во языцех. Этот прообраз современных митингов мог возникнуть тогда, пожалуй, только в Новгороде, счастливо избежавшем татаро-монгольского ига и кичившемся своими богатствами и вольностями. При этом как-то забывалось, что вся «воля» для простых людей сводилась к возможности всласть подрать глотку на площади, а важные дела решали богатые бояре и купцы, меньше всего думавшие о народном благе.

Тем не менее, и тогда уже существовавшая демагогия объявляла Великий Новгород оплотом свободы и равноправия, а его граждан — людьми, свободными духом. Немудрено, что именно там появилась такая фигура, как Марфа Борецкая — не столько революционерка, сколько мятежница, во что бы то ни стало стремившаяся сохранить за Новгородом все его свободы и привилегии.

Московское же княжество к XV веку настолько окрепло, что начало собирать под свои знамена все русские земли. Неизбежно дошла очередь и до «вольного города», который, кстати, давно утратил большую часть своей независимости. От князя Ивана прибыл посол, предложивший новгородцам добровольно пойти «под руку» Москвы. Тут-то и наступил звездный час Марфы Посадницы.

Марфа без колебаний приняла на себя идейное руководство в борьбе против посягательств Ивана. Но она не только могла горячо и страстно убеждать, у нее были и несомненные политические способности. Один из ее сыновей был казнен, второй никоим образом не годился на роль вождя и полководца. Известные и достаточно влиятельные новгородцы не решались открыто выступить против сильного московского князя. Но Марфа нашла выход.

Поскольку сама она встать во главе ополчения никак не могла, то предназначила эту роль выросшему в ее доме юноше-сироте Мирославу, которого за воинские доблести

отличал еще Исаак Борецкий. Чтобы поддержать своего ставленника морально, гордая посадница отдала ему в жены свою единственную дочь — Ксению, безропотно подчинившуюся материнской воле.

Свадебные торжества превратились во всенародный праздник. На Великой площади накрыли столы для жителей свободного города, ударили в колокол, сзывая всех на торжество. Яства подавались роскошные. Мирослав и Ксения ходили среди гостей и просили граждан веселиться. Главная цель Марфы была достигнута: новгородцы почувствовали себя одним семейством, в единстве которого и заключалась сила. В чаду пира никакой враг, казалось, уже не страшен.

Впрочем, сама Марфа в общую эйфорию не впала. Она прекрасно понимала расстановку сил — явно не в пользу Новгорода, и потому обратилась за помощью к Пскову, напомнив псковичам, как благосклонно и щедро всегда относился к ним Новгород.

Увы! Псковичи, настроенные куда более трезво, нежели жители «вольного города», помогать отказались и ограничились добрыми советами и пожеланиями удачи Господину Великому Новгороду. Марфа с презрением разорвала ответ «изменников» и на маленьком клочке начеркала: «Доброму желанию не верим, советом гнушаемся, а без войска вашего обойтись можем».

Гордыня недаром считается одним из тяжелейших грехов, и имен-

но она в конечном итоге погубила и Марфу, и новгородские вольности. К тому же, бескомпромиссный характер не способствует удачной политической карьере. Марфа прекратила и переговоры с польским королем, не желая зависеть от его помощи. «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей», — отвечала гордая посадница на письмо Казимира.

В русских летописях Марфа Борецкая обычно сравнивается с Иезавелью, Далилой, Иродиадой, императрицей византийской Евдоксией — словом, с женщинами, злоупотреблявшими властью ради удовлетворения собственных амбиций, часто преступных. Сравнение не слишком удачное: Марфа обладала только безмерным честолюбием и стремлением защитить прежний статус Новгорода, надежно хранивший ее богатства.

Правда, ее обвиняли в намерении выйти замуж за польского короля, чтобы владеть Новгородом после его присоединения к Литовскому княжеству, но сам Казимир вряд ли был в курсе подобных планов и уж точно никак их не разделял. Тем более, что Марфа отвергла его предложение — о помощи, а не брачное. Чем, собственно, и решила исход дела.

Хотя в любом случае знаменитые «новгородские вольности» все равно были бы утрачены: попав между двумя крупными и сильными державами, Великий Новгород был обречен присоединиться к одной из них или

Впервые Марфа заявила о себе в 1470 году во время выборов нового епископа новгородского. Она поддерживала некоего Пимена, яркого сторонника союза с Литвой, а сан получил Феофил — ставленник Москвы. Отношения посадницы с церковью были основательно испорчены

просто исчезнуть. Что Марфу Борецкую, равно как и ее сторонников, категорически не устраивало. Не жалея себя, Марфа проводила дни на Великой площади, вдохновляя воинов на подвиг во имя отечества, поддерживая патриотический дух горожан, запугивая новгородцев московским рабством.

Прекрасно и величественно, но... Но посаднице было что терять в слу-

чае покорения Новгорода. Подобные соображения ничуть не умаляют силы ее личности, но делают весьма сомнительным «величие деяний» во имя народа. Знатная и богатая мятежница защищала, прежде всего, свой статус и свой кошелек. Хотя надеяться оставалось только на собственные силы, а их у Новгорода было явно недостаточно. Вот и приходилось изо дня в день митинговать,

Житие Зосимы Соловецкого рассказывает, что основатель Соловецкого монастыря предсказал падение Марфы. Это пророчество связано с посещением Зосимой Новгорода во время конфликта монастыря и Новгородского княжества по поводу прав монастыря на рыбную ловлю. Марфа прогнала преподобного из города, и он предрек:

«Настанет время, когда жители этого дома не будут ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не откроются; этот двор опустеет».

Через некоторое время по приглашению архиепископа Феофила Зосима вновь посетил Новгород, и

Марфа стала лидером боярской оппозиции, причем располагала значительными денежными средствами. Она лично вела переговоры с великим князем Литовским и королем Польши Казимиром IV о вступлении Новгорода в состав Великого княжества Литовского на правах автономии, при сохранении политических прав Новгорода

дабы хоть чем-то компенсировать свою слабость.

Оставалась, конечно, еще надежда на промысел Божий. Но вот тут у самой Марфы Борецкой были определенные трудности, о которых воспевавшие ее подвиг поэты и писатели предпочитали не упоминать.

Марфа, раскаявшись, принимала его в своем доме. Она даже якобы дала Соловецкому монастырю грамоту о правах на тони (места для рыбной ловли), хотя, на самом деле, выдавать подобные документы Марфа не имела никакого права: просто народная память пыталась обелить свою героиню.

Но в трудную минуту все средства хороши. Марфа приказала отворить все храмы города и непрерывно служить молебны во имя победы войска новгородского.

Наконец военные приготовления были закончены, новгородцы приведены в состояние патриотической эйфории — и можно было выступать. К тому же, войско московского князя было уже совсем близко от города. Во главе новгородцев встал молодой зять Марфы Мирослав, и ополчение устремилось навстречу противнику.

Потянулись долгие дни ожиданий вестей с поля боя. Сама посадница представляла собой образец оптимизма и уверенности — была весела и энергична. Дочь ходила за ней, как верная тень, и повторяла ее слова, молясь в душе за сражающегося супруга, от которого сначала приходили короткие письма, а потом время от времени лишь прибывали гонцы с лаконичной вестью:

«Сражаемся!»

Тем внезапнее было отчаяние, охватившее новгородцев, когда в город вернулись уцелевшие после разгрома воины. Погибли и Мирослав, и сын Марфы. Улицы Новгорода наполнились причитаниями женщин и стонами раненых. По преданию, Марфа спросила:

— Убиты ли сыны мои?

— Оба, — услышала она в ответ. Иотреагировала уже совершенно в стиле древнегреческих трагедий:

— Хвала небу! Отцы и матери новгородские! Теперь я могу утешать вас!

Марфа все-таки решила пойти на компромисс, хотя понимала, что шансов достигнуть желаемого мало. Новгород предложил Ивану выкуп — все свои богатства. Для нее это было действительно героическим поступком: пожертвовать деньгами. Но жертва запоздала.

— Покорность без условия или гибель мятежникам! — гневно ответил московский князь и выгнал новгородских послов.

Оставалось последнее средство. Дед Марфы по матери, пустынный Феодосий, давно уже покинул город и жил отшельником на берегу озера Ильмень. Марфа решила, что старец должен теперь вернуться в Нов-

Житие Зосимы Соловецкого рассказывает, что основатель Соловецкого монастыря предсказал падение Марфы, когда она выгнала преподобного из Новгорода

город. Народ общим криком изъявил радостное удивление появлению Феодосия.

— В счастливые дни твои, любезное отечество, я молился в пустыне, но братья мои гибнут... — начал свою речь старец.

Народ в едином порыве избрал Феодосия посадником, что было,

в общем-то, нелепо и бессмысленно. Но ведь утопающий не то что за соломинку — за бритву схватится, а отчаявшиеся целовали руки и полы одежды старца-посадника, величая его избавителем и заступником. Марфа же... устроила им очередное всеобщее пиршество, чтобы горожане забыли ужас поражения и воспряли духом. Право, она очень

*Приносили голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленное;
Села Марфа за расшитою*

тесьмой:

*«Уж ты, счастье ль мое загубленное!»
И писал Господь своей верной рабе:
«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой
гульбе
Продал душу свою антихристу...»*

В русских летописях Марфа Борецкая сравнивается с Иезавелью, Далилой, Иродиадой — с женщинами, злоупотреблявшими властью ради собственных амбиций

опередила свое время: подобные приемы стали нормой лишь много столетий спустя.

Четыреста лет спустя в цикле стихов, посвященных Марфе Посаднице, Сергей Есенин изобразил некую великомученицу-святую, гонимую вместе со всем народом новгородским князем-антихристом московским:

*«В зарукавнике Марфа Богу
молилась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала.
«Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новгородским
дверям!»*

Менее эмоциональный и куда более компетентный в истории Николай Карамзин в предисловии к своей исторической повести «Марфа Посадница» писал в начале девятнадцатого века:

«Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например, Ярославом. Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новгороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы.

**Марфа
Посадница
над разбитым
вечевым
колоколом.**

Памятник
«Тысячелетие
России»

В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и — сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный. Все главные происшествия согласны с историею. И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики...»

Собственно, больше ничего примечательного Карамзин не сообщил: повесть не удалась. За исключением одного момента: изложение эффектного события, не зафик-

сированного, однако, ни в одной из летописей:

«Вдруг раздается треск и гром на великой площади... Земля колеблется под ногами... Набат и шум народный умолкают... Все в изумлении. Густое облако пыли закрывает от глаз дом Ярослава и лобное место... Сильный порыв ветра разносит, наконец, густую мглу, и все с ужасом видят, что высокая башня Ярославова, новое гордое здание народного богатства, пала с вечевым колоколом и дымится в своих развалинах... Пораженные сим явлением, граждане безмолвствуют... Скоро тишина прерывается голосом — внятным, но подобным глухому стону, как будто бы исходящему из глубокой пещеры: «О Новгород! Так падет слава твоя!

Так исчезнет твое величие!..» Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно место, но след голоса исчез в воздухе вместе с словами: напрасно искали, напрасно хотели знать, кто произнес их. Все говорили: «Мы слышали!», никто не мог сказать, от кого? Именитые чиновники, утраченные народным впечатлением более, нежели самым происшествием, старались успокоить граждан. Народ требовал мудрой, великодушной, смелой Марфы: посланные нигде не могли найти ее».

Новгородцы попали в самую настоящую блокаду: голод доводил людей до сумасшествия. Горожане взбунтовались — на сей раз против своей избранницы и героини. Тогда Марфа прибегла к способу, отчего-то столь любимому русскими властителями. Она упала на колени перед толпой и смиренно стала молить новгородцев о решительной битве.

Прием сработал безотказно: новгородцы из последних сил двинулись защищать свой город и свои вольности. Но чуда, о котором все

В 1478 году Иван III окончательно лишил Новгородские земли привилегий самоуправления. В знак упразднения новгородского вече вечевой колокол был торжественно снят и увезен в Москву. Народ долго шел за скорбной процессией, словно провожал гроб

Башни в Новгороде не падали, но самим новгородцам от этого было не легче. Князь московский все крепче сжимал кольцо осады вокруг городских стен, и в городе начинался голод. Надеялись на осенние дожди, которые делали болотистую местность вокруг Новгорода непроходимой. Но... осень впервые за долгие годы выдалась на удивление теплая и сухая. Не помогали ни моления Феодосия, ни раздача скудного пайка, ни долгие размышления Марфы у могилы мужа. Хотя сама посадница считала эти средства весьма действенными, увы, пользы от них было мало.

так истово молились, не произошло. Московский князь одержал окончательную победу и вступил в объятый ужасом Новгород.

Правда, Иван III тут же объявил горожанам, что с его стороны мести никому не последует. Но понимать это следовало лишь как отказ от массовых казней. Действительно, князь Московский ограничился тем, что выслал несколько тысяч самых богатых и влиятельных семей за пределы новгородских земель, лишив их всего имущества, но сохранив жизнь.

В 1478 году Иван III окончательно лишил Новгородские земли при-

вилегий самоуправления, распространив на них власть самодержавия. В знак упразднения новгородского вече вечевой колокол был торжественно снят и увезен в Москву. Народ долго шел за скорбной процессией, словно провожал гроб. Действительно, это были фактические похороны последних остатков «вольностей новгородских» — народ лишился возможности митинговать.

По летописным источникам, Марфа Борецкая разделила судьбу большинства знатных новгородцев: ее земли и имущество были конфискованы, а саму «трибуншу» сначала привезли в Москву, а затем выслали в Нижний Новгород, где постригли в Зачатьевском (с 1814 года — Крестовоздвиженский) монастыре под именем Мария. Там она и умерла в 1503 году, уже основательно всеми забытая.

Но народная героиня просто не могла так скучно закончить свой земной путь. Не сразу, но возникли легенды о героической кончине Марфы Борецкой. По одной из легенд (ничем не подтвержденной), Марфа была казнена по дороге в Москву в селе Млеве Тверского княжества. Весьма сомнительно, во-первых. Потому, что обычным наказанием для женщин на Руси было пострижение в монастырь — смертная казнь полагалась лишь за мужеубийство. И не логично, во-вторых: если бы действительно Марфу намеревались казнить, то сделали бы это не тайно.

Гораздо логичнее и романтичнее выглядит другая легенда, горячо поддержанная Карамзиным и многими другими. Согласно ей, Марфа Посадница была казнена в самом Новгороде на Великой площади с превеликою помпой — если верить исторической повести знаменитого историка.

«На рассвете загремели воинские бубны. Все легионы московские были в движении. Народ трепетал, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Там, на эшафоте, лежала секира... Наконец железные запоры упали, и врата Борецких растворились: выходит Марфа в золотой одежде и в белом покрывале. Старец Феодосий несет образ пред нею. Бледная, но твердая Ксения ведет ее за руку. Копья и мечи окружают их...

Народ и воины соблюдали мертвое безмолвие, ужасная тишина царствовала; посадница остановилась пред домом Ярослава. Феодосий благословил ее. Она хотела обнять дочь свою, но Ксения упала; Марфа положила руку на сердце ее — знаком изъявила удовольствие и спешила на высокий эшафот — сорвала покрывало с головы своей: казалась томною, но спокойною — взглянула на мрачное, облаками покрытое небо — с величественным унынием опустила взор свой на граждан... приблизилась к орудию смерти и громко сказала народу:

«Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!..»

Не стало Марфы... Многие невольно воскликнули от ужаса, другие закрыли глаза рукою. Тело посадницы одели черным покровом...»

Затем московский воевода огласил княжеский указ:

«Слава правосудию государя! Так гибнут виновники мятежа и кровопролития! Народ и бояре! Не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова; на вас милующая десница его. Кровь Борецкой примиряет вражду единоплеменных; одна жертва, необходимая для вашего спокойствия, навеки утверждает сей союз неразрывный. Отныне предадим забвению все минувшие бедствия; отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий — отцом и главою. Народ! Не вольность, часто гибельная, но благо устройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья: Иоанн обещает их вам пред лицом бога всемогущего...»

И граждане Новгорода, наконец, воскликнули: «Слава государю российскийскому!»

Старец Феодосий снова удалился в пустыню и там, на берегу великого озера Ильменя, погреб тела Марфы и Ксении. Гости чужеземные вырыли для них могилу и на гробе изобразили буквы, смысл которых доныне остается тайною.

Карамзин свято соблюл все правила романтической трагедии: эшафот, барабанный бой, тайная могила с неведомыми письменами. В своей повести он вложил в уста Марфы

еще одна пламенную речь, обращенную, правда, только к дочери Ксении. Марфа, якобы, сказала в ночь перед своей казнью:

«Я могла бы наслаждаться счастьем семейственным, удовольствиями доброй матери, богатством, благотворением, всеобщую любовью, почетом людей и — самую нежную горестию о великом отце твоём, но я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца — и хотела ужасов войны... Теперь я спокойно ожидаю смерти!.. Знаю Иоанна, он знает Марфу и должен одним ударом сразить гордость новгородскую: кто дерзнет восстать против монарха, который наказал Борецкую?.. Герои древности, побеждаемые силою и счастьем, лишали себя жизни; бесстрашные боялись казни: я не боюсь ее».

Желая показать народную героиню в наиболее выгодном ракурсе, Карамзин, помимо своей воли, подчеркнул главный мотив ее действий — бешеное честолюбие и непробиваемое упрямство. На ее месте любой более или менее здравомыслящий мужчина отказался бы от дальнейшей борьбы после Шелонского поражения — или погиб бы в сражении за свои идеалы. Но Марфа не взяла в руки оружие, она лишь посылала на бой других, воодушевляя их патриотическими речами и обрекая тысячи сограждан на голодную смерть — опять же во имя сохранения своих идеалов в неприкосновенности. Потеряв всех своих

*К.В.Лебедев.
Марфа Посадница.
Уничтожение
новгородского веча*

Марфа Борецкая разделила судьбу большинства знатных новгородцев: ее земли и имущество были конфискованы, а саму ее выслали в Нижний Новгород, где постригли в Зачатьевском монастыре под именем Мария. Там она и умерла, основательно всеми забытая

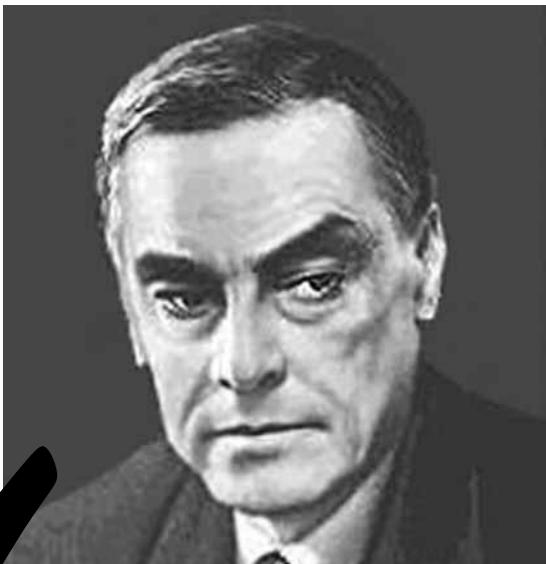
детей, даже это сумела возвести в доблесть. А ведь действительно могла бы спокойно принять предложение князя Московского и жить практически прежней жизнью. Или принять предложение о помощи короля польского — и бороться с Москвой уже равными силами.

Но Марфе важнее всего было остаться «той самой Борецкой, гор-

достью новгородской, достойной дочерью и гражданкой вольного города». Тысячные человеческие жертвы не имели при этом ровно никакого значения...

Гордыня, помноженная на чисто женское упрямство, — не самое лучшее сочетание для политика во все времена. ▣

Светлана
Марлинская

Ж — в аорту,

К 105-летию со дня рождения

К настоящим поэтам признание приходит либо мгновенно, либо поздно. И это не зависит ни от таланта, ни от самого поэта — исключительно от судьбы. Но замечено, что поздно вспыхнувшие звезды набирают яркость постепенно, подспудно, чтобы затем — внезапно — ослепительно вспыхнуть и уже не гаснуть. Арсений Тарковский принадлежит именно к таким поэтам: негромким, искренним и бесконечно талантливым. Его стихи — это магия: после первого прочтения они врезаются в память и остаются в ней навсегда.

Арсений Александрович Тарковский... Мастер. Поэт. Шутник с вечно грустными глазами и нелегкой судьбой. Моя любовь, моя боль, МОЙ ПОЭТ

Он родился 25 июня 1907 года в Елисаветграде (теперь Кировоград) в семье банковского служащего. Но Александр Карлович Тарковский, отец будущего поэта, был воспитанником драматурга и актера, одного из основателей украинского национального театра, Ивана Карпенко-Карого. В семье преклонялись перед литературой и театром, писали стихи и пьесы для чтения в кругу семьи. Сам Александр Карлович, помимо занятий журналистикой, писал стихи, рассказы и переводил для себя Данте, Виктора Гюго и других поэтов. В такой атмосфере вырос

томик стихов Михаила Лермонтова, и мелодика его поэзии настолько поразила воображение мальчика, что он начал писать свои первые стихи.

Как впоследствии говорил сам Тарковский — писать стихи он начал «с горшка». Но всерьез к его первым опытам никто из окружающих не относился: в их кругу все так или иначе сочиняли стихи, а, повзрослев и поумнев, находили себе более «достойное занятие». Вообще, в семье Тарковских стихи были естественной формой общения. Друг другу адресовались записки и

Неведомо чью, наугад...

АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Арсений и его старший брат — Валерий. Вместе с отцом они посещали поэтические вечера заезжих столичных знаменитостей — Игоря Северянина, Константина Бальмонта, Федора Сологуба. Тогда же, в 1913 году, родители подарили сыну

письма, в стихах запечатлевались семейные события, радостные и грустные. И эту привычку Арсений сохранил до конца жизни.

Но наступил октябрь 1917 года, и все перевернулось не только в стране, но и в семье Тарковских. Стар-

ший брат Валерий в шестнадцатилетнем возрасте погиб в перестрелке с бандитами, а Арсений от бушевавшего на Украине пламени гражданской войны и вечного страха насильственной смерти спасался в поэзии, просто бредил ею...

В 1921 году на Украине более или менее прочно установилась советская власть, четырнадцатилетний подросток с несколькими товарищами опубликовали в местной газетке акrostих, первые буквы которого нелестно характеризовали главу советского правительства — Ленина. Их почти тут же арестовали и отправили в Николаев — тогда административный центр Херсонской области. Арсений спасся чудом — спрыгнул с поезда по дороге и скрылся, а судьба его товарищей по несчастью так и осталась неизвестной. Домой он не вернулся, скитался по Украине и Крыму, брался за любую работу, лишь бы выжить. А два года спустя каким-то образом добрался до Москвы.

О первом времени своего пребывания в Златоглавой Арсений Александрович не любил вспоминать. Наверное, Москва, как обычно, ничьим слезам, даже скупым, не верила. Стихов того периода почти не сохранилось, но... в 1925 году Тарковский поступил на Высшие литературные курсы, возникшие на месте закрытого после смерти Валерия Брюсова Литературного института, где нашел учителя и старшего друга — поэта Георгия Шенгели.

Вместе с Тарковским на курсах учились Даниил Андреев, Мария Петровых и Юлия Нейман. На Литературных курсах Арсений познакомился с Марией Вишняковой, на которой женился в 1928 году.

Семейную жизнь Арсений начал с довольно своеобразным «имуществом»: голубым ватным одеялом, подушкой и... стопкой книг — все сплошь поэты Серебряного века. Среди них — купленный на книжном развале томик Марины Цветаевой, которую он уже тогда боготворил, даже дочь назвал в ее честь. А при личной встрече, много лет спустя, — растерялся. Но об этом позже.

Посвященное жене стихотворение стало первой публикацией Арсения Тарковского в сборнике «Две зари» в 1927 году. Словно подарок к двадцатилетию...

*«Мерцающая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем —
Душа горит, и тело тает».*

В браке у Арсения и Марии родилось двое детей — в 1932 году сын Андрей, будущий кинорежиссер, и в 1934 году дочь Марина. Содержать семью Арсению Тарковскому помогала ежемесячная стипендия Фонда помощи начинающим писателям при Государственном издательстве, которую он получал в течение двух лет.

Второе стихотворение «Хлеб» было опубликовано в журнале «Прожектор» в 1928 году.

*«Вы нашей земли не считаете
раем,
А краем пшеничным, чужим
караваем.
Штыком вы отрезали лучшую
треть.
Мы намертво знаем, за что
умираем:
Мы землю родную у вас
отбираем,
А вам — за ворованный хлеб —
умереть».*

В 1924–1929 годы Тарковский был сотрудником газеты «Гудок» — писал судебные очерки, стихотворные фельетоны и басни (один из его псевдонимов Тарас Подкова), а в 1931-м работал на Всесоюзном радио «старшим инструктором-консультантом по художественному радиовещанию», писал пьесы для радиопостановок. Сначала все шло хорошо, но когда по заданию литературно-художественного отдела Всесоюзного радио Арсений Александрович написал пьесу «Стекло», которая была передана по Всесоюзному радио (с участием актера Осипа Наумовича Абдулова), то она тут же подверглась резкой критике за «мистику» — в качестве литературного приема он ввел голос родоначальника русского стекла Михаила Ломоносова. Призванный в высочайший кабинет, Тарковский на все нападки ответил:

— Какие вы все скучные!

И навсегда покинул радиовещание.

В 1932 году Тарковский узнал о смерти Марии Фальц, своей юношеской любви, которой он посвятил около двадцати стихотворений. Арсений тяжело переживал эту утрату, Мария была для него не просто светлым воспоминанием юности, а музой его поэтических прозрений:

*«Что мне пропитанный польною
ветер.
Что мне песок, впитавший за день
солнце.
Что в зеркале поющем голубая,
Двойная отраженная звезда.
Нет имени блаженнее: Мария, —
Оно поет в волнах Архипелага,
Оно звенит, как парус
напряженный
Семи рожденных небом островов.
Ты сном была и музыкаю стала,
Стань именем и будь
воспоминаньем,
И смуглою девической
ладонью
Коснись моих полуоткрытых глаз,
Чтоб я увидел золотое небо,
Чтобы в расширенных зрачках
любимой,
Как в зеркалах, возникло
отраженье
Двойной звезды, ведущей
корабли».*

Примерно с 1933 года Тарковский начал заниматься художественным переводом, очень много ездил по стране — Киргизия, Крым, Кавказ, и все меньше времени проводил дома, с женой и детьми. Не удивитель-

но, что в его жизни появилась другая женщина — жена критика и литературоведа Владимира Тренина Антонина Бохонова.

Летом 1937 года Арсений оставил семью. Дочь поэта, Марина Тарковская, вспоминает:

«... Расстались родители, когда мы с Андреем были совсем маленькими. Для мамы это была большая тема. Мы это понимали и старались не тревожить ее. Папа был человеком, целиком погружающимся в страсть. К маме он испытывал любовь глубокую и безумную, потом, когда чувство к ней перегорело, так же неистово относился к своей второй жене. У него была натура поэта, совершенно лишенная рациональности. Он Андрея предупреждает в письмах, чтобы тот «не бросался в любовь, как в глубокий колодец, и не был, как листок на ветру». Не хотел, чтобы сын повторял его ошибки... А мама наша была нигилисткой, в быту ей ничего не нужно было — даже занавесок на окнах. Она представляла особый тип женщин, сформировавшийся в 20-е годы, для которых самым важным была духовная жизнь, а все остальное считалось мещанством. Замуж мама больше никогда не вышла, полагая, что никакой мужчина не заменит нам отца. Она любила только его всю жизнь... И все ему прощала, но в душе ее была боль... И папа в трудные минуты жизни, когда оставался один, и с ним случались разные происшествия, всегда звонил маме».

Уже после создания фильма «Зеркало», находясь за границей, Андрей Тарковский так ответил на вопрос одного из журналистов «Что вам дали родители, вообще ваши близкие?»:

«Получилось так, что, по существу, меня воспитывала мать. Отец с ней расстался, когда мне было три года. Он скорее на меня действовал в каком-то биологическом, подсознательном смысле. Хотя я далеко не поклонник Фрейда или даже Юнга... Отец имел на меня какое-то внутреннее влияние, но, конечно, всем я обязан матери. Она помогла мне реализоваться».

Из фильма («Зеркало») видно, что мы жили, в общем, очень трудно. И время трудное было. Мать воспитывала нас с сестрой сама. Всегда была с нами. Второй раз она уже не вышла замуж, всю жизнь любила нашего отца. Это была удивительная, святая женщина и совершенно не приспособленная к жизни».

Вместе с отцом она училась на Брюсовских курсах, но в силу того, что у нее уже был я, и она была беременна моей сестрой, она не получила диплома. Мать не сумела найти себя как человек, имеющий образование, хотя я знаю, что она занималась литературой (в мои руки попали черновики ее прозы).

Не имея никаких средств к существованию, она стала работать корректором в типографии. И работала так до самого конца, пока не получила возможность выйти на пенсию. И я просто не понимаю, как ей удалось дать нам с сестрой образование».

Причем я окончил школу живописи и ваяния в Москве, а за это надо было платить деньги. Откуда? Где она их брала?

Я просто всем обязан матери. Она на меня оказала очень сильное влияние. «Влияние» даже не то слово, весь мир для меня связан с нею. Я сделал «Зеркало» еще при ее жизни, но только потом понял, о чем фильм. Хотя он

вроде бы задуман был о матери, но мне казалось, что я делаю его о себе... Лишь позже я осознал, что «Зеркало» — не обо мне, а о матери...»

Может сложиться впечатление, что Арсений Александрович просто бросил семью и забыл о ее существовании. Но это не так, он никогда не забывал о своей первой жене и детях.

*Первая
жена — Мария
Вишнякова*

«Милая Марусенька! Как получить деньги за переводы... немедленно вышлю тебе... Я тебя очень люблю, потому что любил тебя все десять лет. В Москву я буду приезжать часто, будем с тобой друзьями, без этого мне будет плохо. Все, что вышло так странно — всему я виною, я это знаю, и мне горько, что я причиняю тебе боль».

Осенью 1939 года, находясь в командировке в Ленинграде, Тарковский заболел дифтерией и оказался в инфекционной больнице «Боткинские баракы». Можно считать чудом, что он вышел оттуда практически здоровым, но на всю жизнь запомнил свои ощущения и переживания того времени.

*«И страшно умереть, и жаль
оставить
Всю шушеру пленительную эту,
Всю челуху, столь милую поэту,
Которую не удалось
прославить...*

*Июнь пришел, я не томлюсь
по дому,
В котором жизнь меня терпенью
учит,
И кровь моя мутится в день
рождения,
И тайная меня тревога мучит, —
Что сделал я с высокою
судьбою,
О, Боже мой, что сделал я
с собою!»*

*А. Тарковский
с Марией
и сыном Андреем*

Только в 1940 году Тарковский официально развелся с Марией Тарковской и женился на Антонине Бохоновой. И в том же году он был принят в Союз советских писателей. Поэт и переводчик Марк Тарловский, рекомендуя Тарковского произнес:

«Поэт Арсений Александрович Тарковский является одним из немногих мастеров стиха, о котором мне на протяжении последних лет не приходилось слышать противоречивых мнений. Для всех, кто знает работы А.Тарковского, ясно, что это человек, в руки которого можно с полным спокойствием передать самую сложную, самую ответственную стихотворную работу. Я имею в виду стихотворный перевод. Но Арсений

Тарковский — не только мастер стихотворного перевода, он — поэт, и если бы он не был таковым, то не был бы и таким значительным переводчиком. Он не известен широко как поэт оригинальный, и это объясняется тем, что он не печатал своих стихотворений. Он их пишет давно, пишет по сей день, и стихи эти, по моему, замечательные...»

А осенью того же 1940 года Тарковский познакомился с Мариной Цветаевой. Позже он рассказывал:

«... Меня всегда привлекают несчастные любви, не знаю почему. Я очень любил в детстве Тристана и Изольду. Такая трагическая любовь, чистота и наивность, уж очень все это прелестно! Влюбленность —

так это чувствуешь, словно тебя накачали шампанским... А любовь располагает к самопожертвованию. Неразделенная, несчастная любовь не так эгоистична, как счастливая; это — жертвенная любовь. Нам так дороги воспоминания об утраченной любви, о том, что было дорого когда-то, потому что всякая любовь оказывает влияние на человека, потому что в конце концов оказывается, что и в этом была заключена какая-то порция добра. Надо ли стараться забыть несчастную любовь? Нет, нет... Это мучение — вспоминать, но оно делает человека добрей... Я ее любил, но с ней было тяжело. Она была слишком резка, слишком нервна... Она была страшно несчастная, многие ее боялись. Я тоже — немножко.

Ведь она была чуть-чуть черно-книжница...»

Дочь поэта, Марина Тарковская, позже написала, размышляя об отношениях отца и Марины Цветаевой:

«Не знаю, была ли там любовь, но способности любить, несмотря на все невзгоды и испытания, Марина Ивановна не утратила. Но думаю, тогда больше всего хотела иметь рядом родственную душу — человека, который бы ее понимал... Марина Ивановна могла позвонить папе ночью и сказать, что он оставил у нее свой носовой платок. Папа отвечал, что он ничего не забывает. «Нет, платок с вашей монограммой». А у папы в жизни не было платков с монограммой. «Нет, я вам его сейчас привезу». И она приезжала в четыре часа утра и привози-

ла незнакомый платок с вышитыми на нем буквами «АТ»...

Папа был моложе Цветаевой, к тому же боготворил ее как поэта, поэтому робел...»

Тарковский с юных лет и до конца жизни нравился женщинам. Еще бы — умный, талантливый, то добрый, то жестокий, как ребенок. Как правило, они были старше его. Арсений Александрович своими успехами в этой области никогда не хвастался: сказывалось благородство природы. Так что был у него роман с Цветаевой, или его не было, — никто не знает. При жизни Тарковский вообще избегал говорить на эту тему.

У него есть такие строки:

*«Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль».*

Он вспоминает в этом стихотворении покойного отца, брата. Но именно на эти строки горько-обиженно откликнулась Марина Цветаева:

*«Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...
... Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и все же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть
душ,
Меня не посадивший с краю».*

Романа не было, но легенда оставалась, и он, кажется, сознательно нагнетал эту легенду: тридцатитрехлетний, безупречно воспитанный, обращается в стихах к сорокавосемилетней женщине с прямым и твердым «ты», «Марина», «научи»... Хотя это было свойственно тогда всем поэтам: на «ты» обращалась сама Марина Цветаева к Маяковскому, Пастернаку, даже Пушкину. Но для Тарковского — большая редкость...

И потом — странно: она покончила с собой, повесилась, а он в стихах постоянно говорит о гибельных водах, ищет ее на дне («задыхаясь, идешь ко дну»)... Романа не было, взаимное прорастание душ — было! Нет, был роман, как с тем же Пастернаком — стихами любили

друг друга, отношения, в наше время более чем раритетные ...

Но и семейные отношения, и лирические круто оборвала, смешала, изменила война. Ее начало застало Тарковского в Москве, и, прежде всего, он позаботился об эвакуации в Ивановскую область своей первой семьи. Вторая жена уехала в Чистополь, куда эвакуировали членов Союза писателей и членов их семей. Цветаева с сыном уехала в городок Елабугу, а 31 августа 1941 года покончила жизнь самоубийством. В первых числах сентября Тарковский узнал о трагической гибели Марины Цветаевой и отозвался на нее горестными стихами:

*«Чего ты не делала только,
чтоб видеться тайно со мною,
Тебе не сиделось, должно быть,
за Камой в доме невысоком,*

*Ты под ноги стлалась травой,
уж так шелестела весною,
Что боязно было: шагнешь —
и заденешь тебя ненароком.
Кукушкой в лесу притаилась
и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
Ярославна твоя прилетела!
И если я бабочку видел,
когда и подумать о чуде
Безумием было, я знал:
ты взглянуть на меня захотела...
Приснись мне, приснись мне,
приснись,
приснись мне еще хоть однажды.
Война меня потчует солью,
а ты этой соли не трагай.
Нет горечи горше, и горло мое
пересохло от жажды.
Дай пить. Напои меня. Дай мне
воды
хоть глоток, хоть немного».*

Оставшись в Москве, Тарковский прошел вместе с московскими писателями военное обучение. По заключению медкомиссии, мобилизации в действующую армию он не подлежал. В середине октября вместе с престарелой матерью Арсений Александрович покинул столицу. Они отправились в Чистополь, где Тарковский создал цикл «Чистопольская тетрадь», состоявший из семи стихотворений.

За два месяца пребывания в Чистополе Тарковский написал в Президиум Союза писателей одиннадцать писем-заявлений с просьбой направить его на фронт. Но направление в действующую армию получил лишь в январе 1942 года и был «зачислен на должность писателя армейской газеты». Арсений Александрович стал военным корреспондентом газеты «Боевая тревога».

На передовую для сбора информации Арсений Александрович ходил, либо ездил через день. Ему не раз довелось участвовать в боевых действиях. Он был награжден орденом Красной Звезды, о чем вспоминал и говорил впоследствии крайне редко.

Как корреспонденту фронтовой газеты, ему приходилось работать в разных жанрах — на страницах «Боевой тревоги» печатались стихи Тарковского, воспевавшие подвиги солдат и офицеров, частушки, басни, высмеивавшие гитлеровцев. Солдаты вырезали его стихи из газет и носили в нагрудном кармане вместе с документами и фотографиями близ-

ких, что можно назвать самой большой наградой для поэта.

По приказу командующего фронтом генерала Баграмяна Тарковский написал песню «Гвардейская застольная»:

*«Редко, друзья, нам встречаться
приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, выпьем,
как водится,
Как на Руси повелось!
Выпьем за тех, кто командовал
ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался
болотами,
Горло ломая врагу!
Выпьем за тех, кто неделями
долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался
на Волхове,
Не отступал ни на шаг!
Выпьем за русскую удаль кипучую,
За богатырский народ!
Выпьем за Армию нашу могучую,
Выпьем за доблестный Флот!
Встанем, товарищи! Тост наш
кончается.
Выше бокалы с вином!
Выпьем за Родину, выпьем
за Сталина,
Выпьем и снова нальем!»*

Спорю на что угодно: для подавляющего большинства читателей имя автора этого стихотворения стало такой же неожиданностью, как и для меня.

Несмотря на трудные условия военного быта и на повседневную работу для газеты, Тарковский продолжал писать стихи и для себя, для будущего читателя — такие лирические шедевры, как «Белый день», «На полоски несжатого хлеба...», «Ночной дождь» и другие.

В конце сентября 1943 года он получил кратковременный отпуск в качестве поощрения за боевой подвиг. Какой? Арсений Александрович в ответ на этот вопрос только улыбался.

После долгой разлуки состоялась, наконец, встреча с родными, к тому времени вернувшимися из эвакуации. 3 октября, в день рождения дочери, Тарковский приезжал в Переделкино, где тогда жила его первая семья.

Декабрь 1943 года расколосил жизнь Тарковского на две половины: до ранения и после него. Разрывная пуля попала в ногу, в полевом госпитале началась газовая гангрена. Шесть (!) ампутаций и лишь последняя, произведенная профессором Вишневским в Москве в Институте хирургии, спасла жизнь Арсению Александровичу. В это время, так и не узнав о несчастье с сыном, скончалась от рака его мать. Нужно было приспособливаться к новому самому себе...

«Стол повернули к свету.

Я лежал

Вниз головой, как мясо на весах,

Душа моя на нитке

колотилась...»

Это строки из стихотворения «Полевой госпиталь», очень редкое

в творчестве Тарковского описание своих физических страданий. Потому что инвалидом его нельзя было назвать никогда: он игнорировал увечье, никогда ничьей поддержки не просил, сам всегда бросался на помощь, хотя протез причинял ему боль, натирал рану, он предпочитал ему костыли. Была не только физическая, но и душевная рана: свое увечье он воспринимал как уродство, но при этом сохранял чувство юмора и не выносил жалости к себе.

Впрочем, его и не жалели. В 1945 году Тарковский подготовил к изданию книгу стихов, которая получила одобрение на собрании секции поэтов в Союзе писателей, рукопись была подписана издательством к печати и дошла в производстве до стадии «чистых листов» и сигнального экземпляра. Но... в силу политических «несоответствий» (в книге не было ни одного стихотворения, воспевавшего Сталина, и лишь одно — с упоминанием имени Ленина), а главное, после печально известного Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года печать книги была остановлена, набор рассыпан, уже отпечатанное пошло «под нож».

Для Арсения Тарковского начались годы, когда даже мечта о диалоге с читателем казалась невозможной, хотя он с легкостью мог бы войти в обойму печатающихся авторов, создав несколько стихотворений о «ведущей роли партии в жизни страны», и несколько стихотворений о Сталине. Написал же он знаменитую «Гвардейскую застольную». Но тог-

*А. Тарковский
с третьей женой
Татьяной Озерской*

да, на фронте, это было естественным порывом души, а теперь прозвучало бы фальшивой нотой, которую сам Арсений Александрович никогда бы себе не простил.

Друзья советовали Тарковскому опубликовать свои стихи под видом переводов. Но и это означало ложь, а потому было также неприемлемо. Чтобы зарабатывать себе на жизнь, он продолжал заниматься поэтическими переводами.

Впрочем, 1946 год ознаменовался важнейшим событием в жизни поэта — в доме Георгия Шенгели он познакомился с Анной Ахматовой. Постановление партии, жесто-

ко ударившее по Тарковскому, было призвано уничтожить и ее творчество. И она была вынуждена зарабатывать на жизнь переводами — с любого языка, даже с корейского. Дружба поэтов продлилась до самой кончины Ахматовой.

Для Тарковского начались долгие годы «молчания». Но этому молчанию советская культура обязана переводами на русский язык классика туркменской литературы Махтумкули и каракалпакской эпической поэмы «Сорок девушек». Местная творческая элита заискивала перед Арсением Александровичем, быть переведенным им значило — попасть

в высшую лигу поэтов. Но сам Тарковский с горечью писал в одном из лучших, на мой взгляд, своих стихотворений «Переводчик»:

*«Заучил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?*

...

*Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова».*

Луч надежды блеснул в 1949 году, во время подготовки празднования семидесятилетия Сталина. У кого-то из высокопоставленных идеологов возникла идея выпустить сборник переводов на русский язык юношеских стихов «вождя всех народов», а поручить это — Тарковскому. Поэт уже получил подстрочники, но Сталин наложил на верноподданнический проект свое «вето».

А на творческие проблемы накладывались трагические события личной жизни. В конце 1950 года Арсений Тарковский развелся с Антониной Бохоновой и через несколько месяцев женился на Татьяне Озерской, которая до того несколько лет сопровождала поэта в командировках в качестве секретаря. И почти сразу после этого Бохонова скончалась от рака. Всю оставшуюся жизнь Арсений Александрович упрекал себя за то, что «недотерпел», хотя не знал о том, что дни Антонины сочтены...

Он продолжал писать стихи, ездил в творческие командировки, участвовал в декадах национальных литератур, встречался с поэтами и писателями, серьезно занимался астрономией... И при этом не переставал писать для себя, в стол. Его рукописные тетради пополнялись новыми стихами. И в этом — немалая заслуга его третьей жены, Татьяны Озерской.

Поэтесса Инна Лиснянская писала о ней:

«... Но властной и практичной матерью оказалась для Тарковского его третья жена Татьяна Алексеевна Озерская, этому уже я сама свидетельница. Она отлично поняла характер Арсения Александровича... Что же до самой Т. Озерской, пусть земля ей будет пухом, то, признаюсь, мне не особенно по сердцу женщины этого типа: крупные, твердые, тертые, экономически-житейски целенаправленные, такие «бабы за рулем». Особенно мне было неприятно в Татьяне то, как она подчеркивала детскую беспомощность, детскую зависимость Арсения Александровича от нее, даже в некотором смысле культивировала в нем эту беспомощную зависимость. И уже последние годы жизни, как мне рассказывали, Арсений Александрович совершенно не мог без нее обходиться, и, если она ненадолго отлучалась, оглядывался и твердил: «Где Таня, где Таня?» Но надо воздать должное Татьяне Алексеевне Озерской. Она долгие годы непечатающемуся поэ-

ту почти ежедневно повторяла: «Арсюша, ты — гений!» Об этом мне неоднократно (а, скорее всего, — себе) напоминал Тарковский именно тогда, когда был удручен какой-нибудь Татьяниной грубостью. А как долгие годы непечатающийся поэт нуждался в такой поддержке — «Арсюша, ты — гений», — и говорить нечего! Возможно, благодаря именно тем чертам характера Озерской, которые мне противопоказаны, вышли в свет книги «Перед снегом», «Земле — земное».

*«Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.
Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой.
За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг.
За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя».*

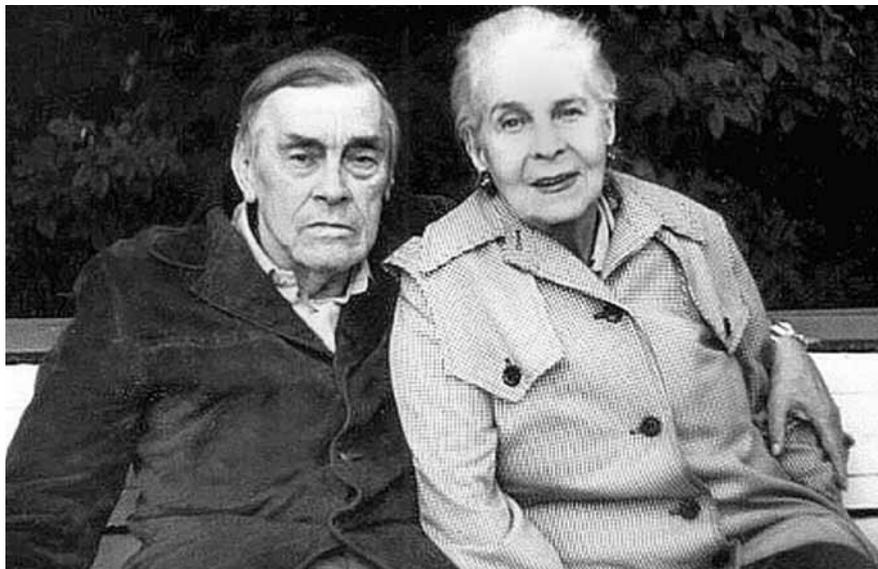
Трагическая история с публикацией первой книги надолго отбила у Тарковского желание предлагать свои стихи к изданию. Даже с наступлением хрущевской «оттепели» он не хотел нарушать свой принцип. Татьяна Озерская и друг поэта Виктор Виткович, люди куда менее «прин-

ципальные», подготовили подборку стихов «Перед снегом» и отнесли ее в издательство «Советский писатель». Книга вышла, когда ее автору исполнилось 55 лет.

И вот совпадение — в августе того же 1962 года сын Тарковского, Андрей, получил Гран-при Венецианского международного кинофестиваля за свой фактически первый фильм «Иваново детство». Таким образом, отец и сын дебютировали в одном году. Книга «Перед снегом», вышедшая небольшим тиражом в 6000 экземпляров, мгновенно разошлась, став открытием для читателя. Анна Ахматова оценила ее чрезвычайно высоко.

В шестидесятые годы вышли еще две книги Тарковского: в 1966 году — «Земле — земное», а в 1969 году — «Вестник». Его начали приглашать с выступлениями на ставшие тогда популярными вечера поэзии. В 1966–1967 годах он вел поэтическую студию при Московском отделении Союза писателей, у него появилась возможность в составе писательской делегации посетить Францию и Англию.

Но продолжались жизненные утраты. В марте 1966 года умерла Анна Андреевна Ахматова, с которой Арсений Александрович по-настоящему дружил почти двадцать лет. Эта смерть потрясла Тарковского не меньше, чем в свое время известие о гибели Марины Цветаевой. Он лично сопровождал гроб с телом Анны Андреевны из Москвы в Ленинград,

выступал там на гражданской панихиде по ней. Памяти Анны Ахматовой Тарковский посвятил множество стихотворений — она навсегда осталась незримо присутствующей в его творчестве.

*«Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все.*

*Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать
лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь
и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом
свете.*

*Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком».*

Раз прочитав это стихотворение, его уже невозможно забыть. Как и другое, воспевающее жизнь. Но как воспевающее!

*«Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло
Только этого мало».*

Это стихотворение вошло в сборник «От юности до старости», за который Тарковскому была присуждена Государственная премия. Увы, по-смертно. Но до этого оставалось еще почти двадцать лет, до краев наполненных творчеством, растущим признанием и... новыми потерями.

Государственная премия Каракалпакской АССР в 1967 году. Государственная премия Туркменской ССР в

1971 году. Орден Дружбы народов в связи с семидесятилетием со дня рождения. Гордость за сына, который выпускал один прекрасный фильм за другим... Кстати, в 1974 году Андрей Тарковский снял фильм «Зеркало», где роль матери в пожилом возрасте исполнила... Мария Ивановна Вишнякова, а стихи за кадром читал... сам Арсений Тарковский.

Воздействие отца на сына только в «биологическом, подсознательном смысле»? Брошенная семья, разорванные связи? Мне кажется, творчество Андрея Тарковского говорит о семейных отношениях больше и правдивее, чем его воспоминания.

Мария Ивановна умерла в 1979 году, и Арсений Тарковский был на ее похоронах. Он провожал в последний путь не бывшую жену и даже не мать своих детей, а целый этап собственной жизни, большую любовь, неизбывное чувство вины...

*«В последний месяц осени,
на склоне*

*Суровой жизни,
Исполненный печали, я вошел
В безлиственный и безымянный
лес.*

*Он был по край омыт молочно-
белым*

*Стеклом тумана. По седым ветвям
Стекали слезы чистые, какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.*

*И тут случилось чудо: на закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,*

*Как птичьей песни легкое копьё,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных
Щедрот
Счастливых бурь, клубящихся
в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних
НОТ».*

В начале восьмидесятых годов вышли сразу три книги поэта: «Зимний день», «Избранное» и «Стихи разных лет». Книга «Избранное», состоявшая из стихотворений, поэм и переводов, стала самым значительным из изданий, вышедших при жизни поэта. И... запись в дневнике, неожиданно горькая и пророческая:

«Я как-то очень постарел в последние годы. Мне кажется, что я живу на свете тысячу лет, я сам себе страшно надоел... Мне трудно с собой... с собой жить...»

В июле 1984 года на пресс-конференции в Милане заявил о своем невозвращении в Советский Союз Андрей Тарковский, уехавший ранее в Италию для съемок фильма «Ностальгия». Арсений Александрович принял решение сына, уважая его гражданскую позицию, но в письме к нему выразил свое убеждение в том, что русский художник должен жить и работать на родине. Принято утверждать, что письмо было написано под сильным давлением «сверху». Это неправда. Арсений Александрович

не лукавил никогда и ни перед кем и написал сыну именно то, что думал. Заставить его написать что-то, противоречащее его внутренним убеждениям, было абсолютно невозможно.

Он тяжело переживал разлуку с сыном, и смерть Андрея от рака в конце декабря 1986 года стала для него страшным ударом, оправиться от которого он так и не смог. Состояние его здоровья стало стремительно ухудшаться.

Усилиями Секретариата Союза кинематографистов с имени Андрея Тарковского был снят запрет, что сняло опалу и с его отца. В связи с восьмидесятилетием Арсений Тарковский был награжден орденом Трудового Красного Знамени, и вышли его сборники

«От юности до старости» и «Быть самим собой».

Но в подготовке этих книг к изданию Тарковский уже не участвовал из-за плохого состояния здоровья. Последние годы Арсений Александрович провел в Доме ветеранов кино. К концу 1988 года его состояние совсем ухудшилось, и он был направлен на лечение в Центральную клиническую больницу, где скончался вечером 27 мая 1989 года.

Для прощания с поэтом был предоставлен Большой зал Дома литераторов. Похороны состоялись 1 июня на кладбище в Переделкине после отпевания в храме Преображения Господня ... Почитателям поэта удалось получить для него участок земли рядом с могилой Пастернака.

*«Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам
гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться по смертно,
как слово...»*

Для него в мире не было никогда ни страха, ни одиночества, он всегда был окружен братьями, друзьями, единомышленниками, хранящими для будущего врученный им прошлым вечный огонь, озаряющий и согревающий землю и жизнь на земле:

*«Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо
горели».*

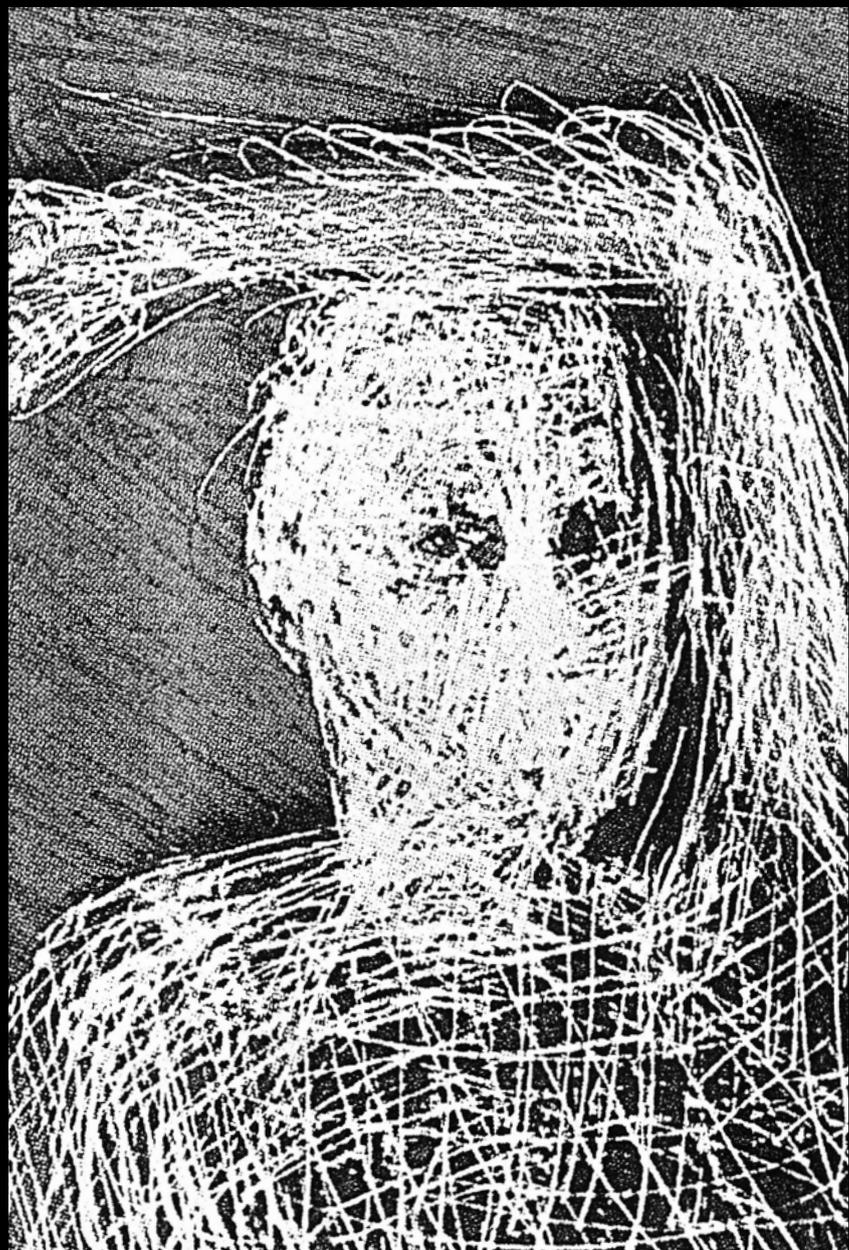
Судьба распорядилась так, что мне посчастливилось несколько раз встретиться с этим удивительным человеком. Общее ощущение — благоговение. Но... Арсений Александрович не допускал к себе подобного отношения. Он был прост, естествен и абсолютно чужд того эгоцентризма, которым бывают поражены служители муз. Никакой величавости, никакой дистанции. Он был так заразительно жизнелюбив, что рядом с ним вдруг ощущались за спиной крылья.

Страстный книголюб, сам пред- ставал перед собеседниками живой энциклопедией, чувствовал себя как дома в просторах мировой культу- ры. Предупредительный, отзывчи- вый, не ведающий, что такое тщеславие и зависть, он был благород- ден, обаятелен — сама доброта. Но не в ущерб правдивости. Истинный интеллигент — большая редкость в наши дни. Впрочем, и тогда они встречались нечасто. Мне просто сказочно повезло.

*«Мне бы только теперь до конца
не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела
мне птица,
Белый день наболтал, наморгала
звезда,
Намигала вода, накисло
кислица,
На прожиток оставить себе
навсегда
Крепкий шарик в крови, полный
света и чуда,
А уж если дороги не будет назад,
Так втянуться в него, и не выйти
оттуда,
И — в аорту, неведомо чью,
наугад».*

Я бережно храню книгу с этим стихотворением и дарственной над- писью. Обычной — сколько таких автографов оставил Арсений Алек- сандрович в своей жизни! Но пол- ный света и чуда шарик попал в мою аорту раз и навсегда.

Думаю, не только в мою. □

Страшный мальчик

Обращая взор свой к тихим розовым долинам моего детства, я до сих пор испытываю ужас перед Страшным Мальчиком...

...Его христианское имя было Иван Аптекарев, уличная кличка сократила его на «Ваньку Аптекаренка», а я в пугливом, кротком сердце моем окрестил его: Страшный Мальчик.

Действительно, было в нем что-то страшное: жил он в местах совершенно неисследованных — в нагорной части Цыганской Слободки, ходили слухи, что у него были родители, но он, очевидно, держал их в черном теле, не считаясь с ними, запугивая их. Говорил он хриплым голосом, поминутно сплевывая тонкую, как нитка, слюну сквозь выбитый Хромым Возжонком (легендарная личность!) зуб. Одевался же так шикарно, что никому из нас даже в голову не могло прийти скопировать его туалет: на ногах рыжие, пыльные башмаки с чрезвычайно тупыми носами, голова венчалась фуражкой, измятой, переломленной в не-

подлежащем месте и с козырьком, треснувшим посредине самым вкусным образом.

Пространство между фуражкой и башмаками заполнялось совершенно выцветшей форменной блузой, которую охватывал широченный кожаный пояс, спускавшийся на два вершка ниже, чем это полагалось природой, а на ногах красовались штаны, столь вздувшиеся на коленках и потрепанные внизу, что Страшный Мальчик одним видом этих брюк мог навести панику на население.

Психология Страшного Мальчика была проста, но совершенно нам, обыкновенным мальчикам, непонятна. Когда кто-нибудь из нас собирался подрасть, он долго примеривался, вычислял шансы, взвешивал и, даже взвесив, долго колебался, как Кутузов перед Бородино. А Страшный Мальчик вступал в любую драку просто, без вздохов и приготовлений: увидев не понравившегося ему человека, или двух, или трех, он кричал, сбрасывал пояс и, замахнувшись правой рукой так далеко, что она чуть его самого не хлопала по спине, бросался в битву.

Знаменитый размах правой руки делал то, что первый противник летел на землю, вздымая облако пыли, удар головой в живот валил второго, третий получал неуловимые, но страшные удары обеими ногами... Если противников было больше, чем три, то четвертый и пятый летели от снова молниеносно закинутой назад правой руки, от методического удара в живот — и так далее.

Если же на него напали пятнадцать, двадцать человек, то сваленный на землю Страшный Мальчик стоически переносил дождь ударов по мускулистому гибкому телу, стараясь только повертывать голову с тем расчетом, чтобы приметить, кто в какое место и с какой силой бьет, дабы в будущем закончить счета со своими истязателями.

Вот что это был за человек — Аптекаренок.

Ну, не прав ли я был, назвав его в сердце своем Страшным Мальчиком?

Когда я шел из училища в предвкушении освежительного купания на «Хрусталке», или бродил с товарищем по Историческому бульвару в поисках ягод шелковицы, или просто бежал неведомо куда по неведомым делам, — все время налет тайного, неосознанного ужаса теснил мое сердце: сейчас где-то бродит Аптекаренок в поисках своих жертв... Вдруг он поймает меня и избьет вконец — «пустит юшку», по его живописному выражению.

Причины для расправы у Страшного Мальчика всегда находились...

Встретив как-то при мне моего друга Сашку Ганнибоцера, Аптекаренок холодным жестом остановил его и спросил сквозь зубы:

— Ты чего на нашей улице задавался?

Побледнел бедный Ганнибоцер и прошептал безнадежным тоном:

— Я... не задавался.

— А кто у Снурцына шесть солдатских пуговиц отнял?

— Я не отнял их. Он их проиграл.

— А кто ему по морде дал?

— Так он же не хотел отдавать.

— Мальчиков на нашей улице нельзя бить, — заметил Аптекаренко и, по своему обыкновению, с быстротой молнии перешел к подтверждению выказанного положения: со свистом закинул руку за спину, ударил Ганнибоцера в ухо, другой рукой ткнул «под вздох», отчего Ганнибоцер переломился надвое и потерял всякое дыхание, ударом ноги сбил оглушенного, увенчанного синяком Ганнибоцера на землю и, полюбовавшись на дело рук своих, сказал прехладнокровно:

— А ты... — Это относилось ко мне, замершему при виде Страшного Мальчика, как птичка перед пастью змеи. — ...А ты что? Может, тоже хочешь получить?

— Нет, — пролепетал я, переводя взор с плачущего Ганнибоцера на Аптекаренка. — За что же... Я ничего.

Загорелый, жилистый, не первой свежести кулак закачался, как маятник, у самого моего глаза.

— Я до тебя давно добираюсь... Ты мне попадешь под веселую руку. Я тебе покажу, как с баштана незрелые арбузы воровать!

«Все знает, проклятый мальчишка», — подумал я. И спросил, осмелев:

— А на что они тебе... Ведь это не твои.

— Ну, и дурак. Вы воруете все незрелые, а какие же мне останутся? Если еще раз увижу около баштана — лучше бы тебе и на свет не родиться.

Он исчез, а я после этого несколько дней ходил по улице с чувством безоружного охотника, бредущего по тигровой тропинке и ожидающего, что вот-вот зашевелится тростник и огромное полосатое тело мягко и тягело мелькнет в воздухе.

Страшно жить на свете маленькому человеку.

Страшнее всего было, когда Аптекаренко приходил купаться на камни в Хрустальную бухту. Ходил он всегда один, несмотря на то, что все окружающие мальчики ненавидели его и желали ему зла.

Когда он появлялся на камнях, перепрыгивая со скалы на скалу, как жилистый поджарый волчонок, все невольно притихали и принимали самый невинный вид, чтобы не вызвать каким-нибудь неосторожным жестом или словом его сурового внимания.

А он в три-четыре методических движения сбрасывал блузу, зацепив на ходу и фуражку, потом штаны, стянув заодно с ними и ботинки, и уже красовался перед нами, четко вырисовываясь смуглым, изящным телом спортсмена на фоне южного неба. Хлопал себя по груди и если был в хорошем настроении, то, оглядев взрослого мужчину, затесавшегося каким-нибудь образом в нашу детскую компанию, говорил тоном приказа:

— Братцы! А ну, покажем ему «рака».

В этот момент вся наша ненависть к нему пропадала — так хорошо проколтый Аптекаренко умел делать «рака».

Столпившиеся, темные, поросшие водорослями скалы образовывали небольшое пространство воды, глубокое, как колодец... И вот вся детвора, сгрудившись у самой верхней скалы, вдруг начинала с интересом глядеть вниз, охая и по-театральному всплескивая руками:

— Рак! Рак!

— Смотри, рак! Черт знает, какой громадный! Ну, и штука же!

— Вот так рачище!.. Гляди, гляди — аршина полтора будет.

Мужичище — какой-нибудь булочник при пекарне или грузчик в гавани, — конечно, заинтересовывался таким чудом морского дна и неосторожно приближался к краю скалы, заглядывая в таинственную глуть «колодца».

А Аптекаренко, стоявший на противоположной скале, вдруг отделялся от нее, взлетал аршина на два вверх, сворачивался в воздухе в плотный комок, и, будто повисев в воздухе полсекунды, обрушивался в самый центр «колодца».

Целый фонтан — нечто вроде смерча — взвивался кверху, и все скалы сверху донизу заливались кипящими потоками воды.

Вся штука заключалась в том, что мы, мальчишки, были голые, а мужик — одетый, и после «рака» напоминал вытащенного из воды утопленника.

Как не разбивался Аптекаренко в этом узком скалистом «колодце», как он ухитрялся поднырнуть в какие-то подводные ворота и выплыть на широкую гладь бухты — мы совершенно недоумевали. Замечено было только, что после «рака» Аптекаренко становился добрее к нам, не бил нас и не завязывал на мокрых рубашках «сухарей», которые приходилось потом грызть зубами, дрожа голым телом от свежего морского ветерка.

Пятнадцати лет от роду мы все начали «страдать». Это — совершенно своеобразное выражение, почти не поддающееся объяснению. Оно укоренилось среди всех мальчишек нашего города, переходящих от детства к юности, и самой частой фразой при встрече двух «фрайеров» (тоже южное аргю) было:

— Дрястуй, Сережка. За кем ты стрядаешь?

— За Маней Огневой. А ты?

— А я еще ни за кем.

— Ври больше. Что же ты, дрюгю боишься сказать, что ли ча?

— Да мне Катя Капитанаки очень привлекает.

— Врешь?

— Накарай мне Господь.

— Ну, значит, ты за ней стрядаешь.

Уличенный в сердечной слабости, «страдалец за Катей Капитанаки» конфузится и для сокрытия прелестного полудетского смущения загибает трехэтажное ругательство.

После этого оба друга идут пить бузу за здоровье своих избраниц.

Это было время, когда Страшный Мальчик превратился в Страшного Юношу. Фуражка его по-прежнему вся пестрела противоестественными изломами, пояс спускался чуть не на бедра (необъяснимый шик), а блуза верблужим горбом выбивалась сзади из-под пояса (тот же шик), пахло от Юноши табаком довольно едко.

Страшный Юноша, Аптекаренок, переваливаясь, подошел ко мне на тихой вечерней улице и спросил своим тихим, полным грозного величия голосом:

— Ты чиво тут делаешь, на нашей улице?

— Гуляю... — ответил я, почтительно пожав протянутую мне в виде особого благоговения руку.

— Чего ж ты гуляешь?

— Да так себе.

Он помолчал, подозрительно оглядывая меня.

— А ты за кем стрядаешь?

— Да ни за кем.

— Ври!

— Накарай меня госп...

— Ври больше! Ну? Не будешь же ты здря (тоже словечко) шляться по нашей улице. За кем стрядаешь?

И тут сердце мое сладко сжалось, когда я выдал сладкую тайну:

— За Кирой Костюковой. Она сейчас после ужина выйдет.

— Ну, это можно.

Он помолчал. В этот теплый нежный вечер, напоенный грустным запахом акаций, тайна распирала и его мужественное сердце.

Помолчав, спросил:

— А ты знаешь, за кем я стрядаю?

— Нет, Аптекаренок, — ласково сказал я.

— Кому Аптекаренок, а тебе дяденька, — полушутливо, полусердито проворчал он. — Я, братец ты мой, стрядаю теперь за Лизой Евангопуло. А раньше я страдал (произносить «я» вместо «а» — был тоже своего рода шик) за Маруськой Королькевич. Здорово, а? Ну, брат, твое счастье. Если бы ты что-нибудь думал насчет Лизы Евангопуло, то...

Снова его уже выросший и еще более окрепший жилистый кулак закачался у моего носа.

— Видал? А так ничего, гуляй. Что ж... всякому стрядать приятно.

Мудрая фраза в применении к сердечному чувству.

12 ноября 1914 года меня пригласили в лазарет прочесть несколько моих рассказов раненым, смертельно скучавшим в мирной лазаретной обстановке.

Только что я вошел в большую, уставленную кроватями палату, как сзади меня с кровати послышался голос:

— Здравствуй, фриайер. Ты чего задаешься на макароны?

Родной моему детскому уху тон прозвучал в словах этого бледного, заросшего бородой раненого.

Я с недоумением поглядел на него и спросил:

— Вы это мне?

— Так-то, не узнавать старых друзей? Погоди, попадешься ты на нашей улице — узнаешь, что такое Ванька Аптекаренок.

— Аптекарев?!

Страшный Мальчик лежал предо мной, слабо и ласково улыбаясь мне.

Детский страх перед ним на секунду вырос во мне и заставил и меня и его (потом, когда я ему признался в этом) рассмеяться.

— Милый Аптекаренок? Офицер?

— Да.

— Ранен?

— Да. — И в свою очередь: — Писатель?

— Да.

— Не ранен?

— Нет.

— То-то. А помнишь, как я при тебе Сашку Ганнибоцера вздул?

— Еще бы. А за что ты тогда «до меня добирался»?

— А за арбузы с баштана. Вы их воровали, и это было нехорошо.

— Почему?

— Потому что мне самому хотелось воровать.

— Правильно. А страшная у тебя была рука, нечто вроде железного молотка. Воображаю, какая она теперь...

— Да. Брат, — усмехнулся он. — И вообразить не можешь.

— А что?

— Да вот, гляди.

И показал из-под одеяла короткий обрубок.

— Где это тебя так?

— Батареею брали. Их было человек пятнадцать. А нас, этого... Меньше.

Я вспомнил, как он с опущенной головой и закинутой назад рукой слепо бросался на пятерых, — и промолчал. Бедный Страшный Мальчик!

Когда я уходил, он, пригнув мою голову к своей, поцеловал меня и шепнул на ухо:

— За кем теперь стрядаешь?

И такая жалость по ушедшем сладком детстве, по книжке «Родное Слово» Ушинского, по «большой перемене» в саду под акациями, по украденным пучкам сирени, — такая жалость затопила наши души, что мы чуть не заплакали.

Урок

литературы

Новый учитель вошел в класс и, ласково поклонившись ученикам, сказал:

— Здравствуйте, дети!

— Здравствуйте, товарищ учитель!

— Все ли в сборе?

— А черт его знает!

— То есть, как это так?!

— А так. Что мы, за хвост будем ловить всякого, кто не пришел?

— А все-таки?

— Ну вот, например, Евдокимова Андрея нет, Переплюхина Егора...

— Что ж они, заболели?

— Евдокимов пошел на Сенную, батькин галстук и манжеты загонять, а Переплюхин женится нынче.

— Как женится? Вы шутите!

— Один такой шутил, — так его на мушку взяли.

— Но все-таки! Мальчишке четырнадцать лет, и в такие годы связывать себя на всю жизнь...

— Бросьте, товарищ, волноваться, печенка лопнет. Кой там черт на всю жизнь! Он обещал мне через неделю с ней развестись. Он, товарищ учитель, из-за интересу женится. По расчету: у невесты есть полфунта жиров и две банки сгущенного молока. Отберет, слопает и разведется.

Новый учитель вздохнул, свеся голову, и сказал:

— Итак, займемся мы сейчас...

Дятлов Степан подошел к нему с таинственным видом и шепнул:

— Есть комбинация!

— То есть?

— Отпустите меня сейчас — я вам раза нюхнуть дам...

— С ума ты сошел! Что это значит — «нюхнуть»?

— Кокаинчику...

— Пошел на место, скверный мальчишка! Если тебе нужно по делу, я тебя и так отпущу. А подкупать меня этой дрянью!!

— Да мне по делу и нужно: одно свиданице. То есть такая девчонка, товарищ учитель, — огонь! Препикантное создание. Хотите, потом познакомлю?

— Пошел вон на место!

— Ну, последний разговор: три понюшки хотите? Да другой бы зубами уцепился...

— Садись. Итак, господа, сейчас мы займемся Гоголем...

— Гоголь-моголь! Неужто устроите? Вот это по-товарищески!

Взоры алчно засверкали, языки облизнули губы, и все сдвинулись ближе.

— Гоголь! Это писатель такой.

Взоры у всех потухли, руки вяло опустились.

— Подумаешь, важное кушанье. Знал бы, сразу деру дал!

— Итак, Гоголь: «Мертвые души».

— Ловко! Кто ж это их угробил?

— Никто. Это умершие крестьяне...

— Так-с. Разрешили, значит, продовольственный вопросец. Ну, жарьте дальше.

— «В ворота гостиницы губернского города N въехала довольно красивая рессорная бричка, в какой ездят...»

— Комиссары, — подсказал Дятлов.

— Ничего не комиссары, — усмехнулся учитель. — Это был помещик Чичиков.

— Агент Антанты, — догадался кто-то сзади.

— «Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности...»

— Понимаем-с. Губчека помещалась!

— При чем тут Губчека? — нетерпеливо поморщился учитель и продолжил: — «...За Чичиковым внесли его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи... («Миллионов десять стоит! — вздохнул кто-то сзади.) Вслед

за чемоданом был внесен ларчик красного дерева, сапожные колодки... («Знаем мы, для чего эти колодки! При допросах пальцы завинчивают...») ... и завернутая в синюю бумагу жареная курица».

Все вдруг зашевелились...

— Как!.. Как?.. Прочтите еще раз это место!

— «Завернутая в синюю бумагу жареная курица...»

— Вот буржуй анафемский!

— Реквизнуть бы!

— Хоть бы ножку одну сковырнуть...

Учитель перешел на описание внутренности общей залы, и все опять потухли. Опущенные скучающие головы поднялись только при магических словах: «Чичиков велел подать себе обед».

— Как обед!! Какой обед? Ведь у него же жареная курица была?!

— «Покамест ему подавали разные, обычные в трактирах блюда, как: щи со слоеным пирожком, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок...»

— Да неужто ж не лопнул?!

— Брехня!..

— Стой, товарищ! Посчитаем, сколько такой обед должен стоить. Клади на щи с пирожком — пятьсот тысяч, мозги — восемьсот тысяч...

— Это, может, твои мозги! Где ты жареные мозги с горошком и хлебом за восемьсот тысяч найдешь? Тут миллионов на шесть будет!..

Учитель усмехнулся.

— То, что Чичиков ел в трактире, — вздор! А вот послушайте, чем его угостила Коробочка. «Прошу покорно закусить», — сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было...» «Пресный пирог с яйцами», — сказала хозяйка. Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. «А блинов?» — сказала хозяйка. Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой...»

— Брехня!..

— Тыфу-ты, черт! — сплюнул кто-то. — А где он еще обедал?

— Дело не в этом. Я вам лучше прочту гениальное описание характера как самого Чичикова, так и его слуг.

— Нет, к черту! Это мимо.

— Не надо!

— Ну, описание Собакевича... хотите? Замечательно выпукло. Будто изваян резцом гениального скульптора...

— А он у него обедал?

— Обедал.

— Что! Ну-ка, что? Чего обедал?

— «Щи, моя душа, сегодня хороши, — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками.

«Возьмите барана! — сказал Собакевич, обращаясь к Чичикову. — Это бараний бок с кашей. У меня, когда свинина, всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся». За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была больше тарелки, потом индюк ростом с теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем!..»

— Брехня! — простонал сзади страдальческий голос.

— Брехня? — обиделся учитель. — Нет-с, господа, Гоголь не врет! Вы возьмите, как он правдиво описывает характер Плюшкина...

— А у него обедал?

— Ну, знаете, у Плюшкина не пообедаешь...

— К черту тогда Плюшкина!

— У кого еще обедал?

— У Манилова, у Петуха обедал, завтракал у полицмейстера... Вы послушайте, как прекрасно описан тип полицмейстера...

— К черту тип! Что он там завтракал?

— «Появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросоленная, селедки, севрюжки, сыр, копченые языки и балыки, — это было все со стороны рыбного ряда. Потом появились изделия хозяйкиной кухни: пирог с головизной, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра, другой пирог с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы».

— Брехня!! — возопил Кустиков Семен, заткнув уши и мотая головой. — Не может этого быть!

Учитель задумчиво и сочувственно оглядел свою паству. Вздохнул:

— Нет, это было.

— А почему теперь нет? Ну, скажите! Ну, почему?

— Теперь нет потому, что нынешний коммунистический строй, разорив и разрушив экономическую жизнь страны и уничтожив священное право собственности, убил охоту к труду и...

Дятлов Степан вдруг вскочил и торопливо крикнул:

— Который час?

Учитель вынул часы.

— Ах, какие красивые! Можно посмотреть?

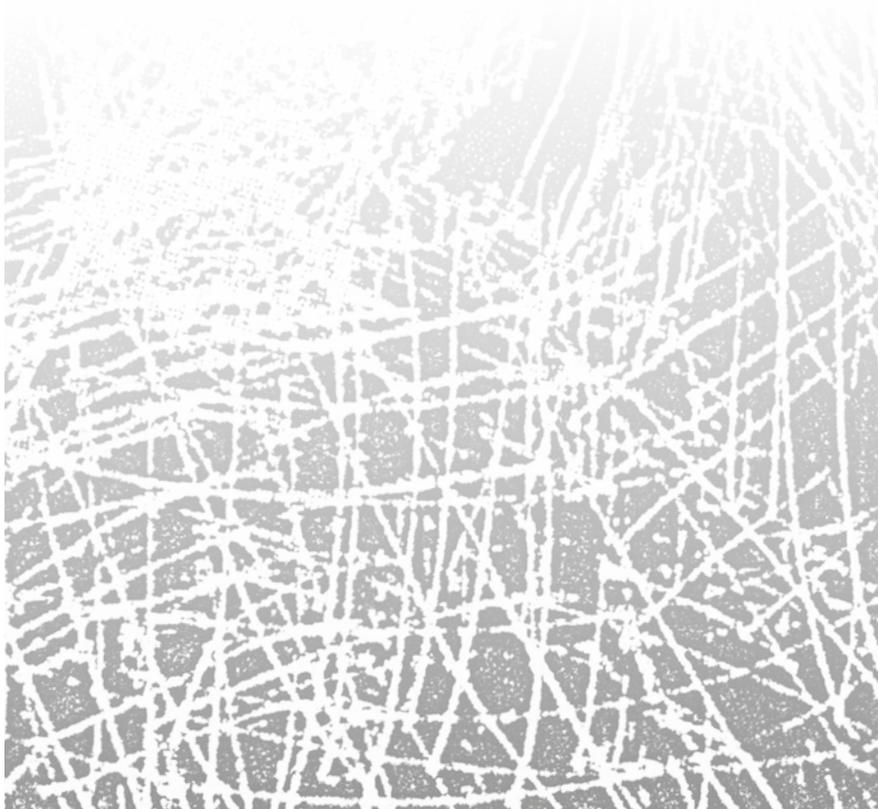
Степан подошел, наклонился к жилету учителя, будто рассматривая часы, и шепнул:

— О том, что вы говорите, после доскажете. При Цибикове и Вацетисе нельзя.

— Господи! Почему?

— Они легавые. В «ве-че-ка» служат. В момент засыпаетесь...

Учитель снова обвел взглядом худые лица с горящими глазами, в последний раз вздохнул и, ни слова не говоря, забрав своего Гоголя, вышел из класса. □

Ва ЦВЕТА

Д
Денис Логинов

ОДНОГО ГЕНЕРАЛА

Имя этого человека мало известно широкой публике. И это странно. Потому что именно он стал прообразом генерала Романа Хлудова в пьесе Михаила Булгакова «Бег» (а, следовательно, и в одноименном кинофильме). Именно он является одним из главных героев третьей и четвертой книги тетралогии «Адъютант Его Превосходительства» И. Болгарина, Г. Северского и В. Смирнова (а, следовательно, и одноименного телесериала). Именно он стал одним из второстепенных героев романа Андрея Валентинова «Флегонт», повествующем о Белом движении в Крыму. И, наконец, писатель Игорь Воеводин за книгу «Непрощенный» был удостоен Знака Тернового Венца. Это — книга о генерале Якове Слащеве

Жизнь его начиналась весьма обычно и почти тридцать лет была столь же обычной, сколь и благополучно-счастливой. Яков Александрович Слащев родился 29 декабря 1885 года в Петербурге в семье потомственного военного. Еще его дед принимал участие в русско-турецкой войне, а затем подавлял восстание в Польше. Отец-полковник не мыслил для сына иной карьеры, кроме военной, поэтому Яков после окончания гимназии поступил в 1905 году в элитное Павловское военное училище и был выпущен в лейб-гвардии Финляндский полк (в котором к 1917 году дослужился до помощника командира).

По возрасту принимать участие в Русско-японской войне Яков не мог, поэтому поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, которую окончил в 1911 году по 2-му разряду (без права причисления к

Генеральному штабу из-за недостаточно высокого среднего балла).

Затем преподавал тактику в Пажемском Его Величества корпусе. Надо сказать, что ни учащиеся Академии, ни коллеги по Пажемскому корпусу не считали Якова Слащева приятным в общении человеком — из-за резкости и неприкрытой убежденности в правоте собственных взглядов. Зато слушатели ломались на его лекции, как на театральное представление, настолько увлекательно излагал материал Яков Александрович.

В 1913 году он женился, не столько по взаимной любви, сколько по взаимной приязни и общности интересов, на единственной дочери командира Финляндского полка, генерала Владимира Аполлоновича Козлова — Софье. Через два года у супругов родилась дочь Вера, которую

отец практически не видел — уже шла война.

Войну 1914 года он встретил спойно — за столиком кафешантана. Сложил только что прочитанную газету и усмехнулся соседям:

— Ну, что ж, господа, драться, так драться. Я уже начал подзабывать, как это делается.

Он выступил с лейб-гвардии Финляндским полком на фронт командиром роты и за два года дослужился до чина полковника. Был четырежды ранен и один раз контужен, награжден всеми возможными орденами Российской империи — до ордена Святого Георгия 4-й степени включительно, а также Золотым Георгиевским оружием. Далеко не каждый офицер мог похвастать таким послужным списком.

Слащев был бесконечно далек от политики, интересовался лишь театром, литературой и, конечно же, военной службой. По воспоминаниям сослуживцев, Яков Александрович ненавидел большое скопление людей. И даже не подозревал о существовании политических партий, по причине стойкой внутренней монархической убежденности. Был предан императору и России. Переживал, глядя, как армия великой империи распадается.

Он писал:

«Старая армия умирала, поэтому неправы те, кто говорит, что фронт разложили большевики. Нет, несчастные войска разложили не большевики или немцы, а внутренний враг — взяточничество, пьянство,

воровство и, самое главное, — утеря ощущения гордости за звание русского офицера».

Простить этого высказывания многие офицеры и генералы ему так никогда и не смогли.

С 14 июля по 1 декабря 1917 года Яков Александрович был командиром Московского гвардейского полка. Но отречение императора от трона, крах империи и последовавший за ней крах русской армии стали непосильным испытанием для убежденного монархиста и кадрового офицера. Он подал рапорт об увольнении — по состоянию здоровья, и этот рапорт был мгновенно принят.

Но уже в январе 1918 года Слащев, по известным только ему причинам, снова оказался в строю. Однажды в штаб Добровольческой армии в Новочеркасске явился широкоплечий офицер с очень бледным лицом, на котором нервно дергались все мускулы. Это был полковник Слащев. Он щелкнул каблуками и, положив на стол документы, заявил комиссии, занимавшейся набором офицеров:

— Готов приступить к командованию подразделением.

Он не догадывался, к чему приведет этот такой естественный для военного человека поступок. Не мог знать, что в недалеком будущем станет «Слащевым-Крымским», «Слащевым-вешателем», «Генералом-предателем крымским». Это для сослуживцев, а для солдат Белой гвардии, которые его любили, он станет просто «Генерал-Яша». И, разумеется, не

догадывался, что именно этим званием — и только им! — будет гордиться всю оставшуюся жизнь.

Яков Александрович начал работу по формированию частей, которые могли бы вести борьбу с советской властью. В 1918 г. Слащев возглавил штаб А.Г. Шкуро, затем, одновременно с присвоением звания генерал-майора, — штаб 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Улагая. Под его командованием 3-й

жимая лавина Красной армии катилась на юг, сметая слабые заслоны добровольцев, хоть и героически сражавшихся, но малочисленных. Левобережная Украина и Крым оказались совершенно неприкрытыми. Ставка генерала А.И. Деникина смотрела на Крым «как на приговоренную к сдаче территорию».

Получив приказ двигаться на юг, Слащев собрал все силы, отбросил махновцев и ускоренными маршами

Войну 1914 года Слащев встретил спокойно — за столом кафешантана. Сложил только что прочитанную газету и усмехнулся соседям:

— Ну, что ж, господа, драться, так драться. Я уже начал подзабывать, как это делается

армейский корпус вел бои, прикрывая фланг и тыл белых армий, и с петлюровцами, и с махновцами. Наиболее трудными оказались сражения с анархистами Махно. При этом генерал откровенно завидовал популярности «батяки», более того, позднее, уже в Крыму, он часто говорил:

— Моя мечта — стать вторым Махно...

Но мечта так и осталась мечтой. Хотя... смотря с какой стороны посмотреть.

После неудачного авантюрного «Похода на Москву» к декабрю 1919 года над Добровольческой армией нависла угроза разгрома. Неудер-

двинулся в Таврию. Командование Белой армии с ужасом узнало, что 3-й корпус, не оказывая сопротивления бросившейся вслед ему 13-й армии красных, откатывается в Крым. Но любое столкновение с красными для 3-го корпуса было потенциально смертельным. Слащев вел за собой сборные части, лишь на бумаге громко именовавшиеся корпусом.

С этими силами он и вошел в Крым. Едва перейдя перешеек, Слащев объявил:

— Вступаю в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что пока я команду войсками — из Крыма не уйду, и ставлю

защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести.

Начался период «Слащева-Крымского»...

Крым, каким-то чудом благополучно переживший все катаклизмы,

Мне приказано удержать Крым, и я это выполняю, во что бы то ни стало, и не только попрошу, а заставлю всех помочь... не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть».

Отречение императора от трона, крах империи и последовавший за ней крах русской армии стали непостоянным испытанием для убежденного монархиста и кадрового офицера. Он подал рапорт об увольнении — по состоянию здоровья, и рапорт был мгновенно принят

был достаточно спокойным. Но одновременно пыльным цветом расцвели спекуляция, воровской разгул, бандитские налеты и почти повальное пьянство офицеров. С таким тылом нельзя было иметь надежный фронт, и 31 декабря 1919 года командующий Слащев издал свой знаменитый приказ:

«На фронте льется кровь борцов за Русь Святую, а в тылу происходит вакханалия. Лица же офицерского звания пьяными скандалами позорят имя добровольцев; в особенности отличаются чины дезертировавших с фронта частей. Вдобавок, спекуляция охватила все слои общества. Между тем, забывшие свою честь, видимо, забыли и то, что наступил серьезный момент, и накатился девятый вал. Борьба идет на жизнь и на смерть России...

Его план обороны Крыма был прост. Немногочисленный корпус генерала Слащева сумел защитить Сальковский и Перекопский перешейки благодаря остроумной тактике своего командира. Генерал предпочел не оборонять пустынную местность, а оставлять ее противнику, чтобы тот замерз там. Белые войска почти без боя отошли в глубь полуострова, где и закрепились.

Уворачиваясь от лобовых ударов и непрерывно контратакуя, выгоняя противника из населенных пунктов в степи, Слащев провалил планы красных ворваться в Крым. Части 13-й Красной армии трижды захватывали перешеек, и трижды Слащев заставлял их отойти. О нем заговорили, но... как о «Слащеве-вешателе». В глубоком тылу его имя произносили с содроганием. Естественно: он ведь под-

писал свыше сотни приговоров к повешению! Но более половины казненных были... свои же — белые, допустившие мародерство, грабеж, дезертирство, трусость.

С уголовщиной в Крыму и в самой армии Слащев боролся неистово. Так,

в одном из игорных домов Симферополя он лично арестовал трех офицеров, ограбивших еврея-ювелира, и велел их тут же повесить. Казнил солдата за гуся, украденного у крестьянина. Не посчитался с полковничьими погонами на плечах у избличенного

спекулянта и, приговаривая, что «погоны позорить нельзя», вздернул полковника, которому покровительствовал сам генерал-лейтенант Петр Врангель.

Такое, естественно, не забывалось и не прощалось.

Прославился Слащев и своей блестящей операцией против крымских анархистов. В Симферополе, в Собачьей балке, в марте 1920 года корпусная контрразведка изловила «неуловимых международных террористов» Витольда Бжостека и его знаменитую «полевую жену», известную просто как Марусяка. В Симферополь эта «сладкая парочка» прибыла с единственной целью: казнить от имени партии анархистов «свободной России» генерала Слащева. Оба повисли на столбах у Литовских казарм Симферополя.

Слащев ненавидел красных, не терпел либералов («Развалили армию!»), цинично отзывался о белой «верхушке», плевался при виде «тыловых шкур», хорошо зная им цену.

Генерал был действительно отчаянно храбр, склонен к рисковому авантюризму, презирал смерть. Храбрость Слащева стала почти легендарной. Он был ранен не менее семи раз, и не случайно: почти все атаки возглавлял лично.

Дисциплина в слащевском корпусе, не в пример другим белым корпусам, была железной, именно его корпус в Добровольческой армии считался надежнейшим. Генерал был талантливым тактиком и стратегом. Замечу, что еще в Гражданскую войну операции Слащева тщательно из-

учались в штабах Красной армии на самом высоком уровне.

Но... в Белой армии генерал считался «белой вороной». В недоброжелателях и просто врагах у Слащева никогда не было недостатка, но когда пост командующего вооруженными силами юга России перешел от А.И. Деникина к П.Н. Врангелю, они немедленно активизировались и пошли по проверенному пути: обвинили генерала в том, с чем он так жестко боролся. Журналисты вздохнули живописали психически неуравновешенного и социально опасного человека, «предававшегося болезненной страсти к возлияниям и наркотикам», потерявшего контроль над собой «в общей атмосфере распущенности».

Доля правды во всем этом была. Слащев пристрастился к наркотикам в офицерских госпиталях, где принимал эти препараты, чтобы заглушить боль. Но действие их имело и другие эффекты. Как-то в августе 1919 года ординарцы разыскали под Одессой знаменитого Александра Вертинского и молниеносно доставили в вагон к генералу Слащеву. Когда насмерть перепуганный шансонье вошел в штаб-вагон, на него уставились два ледяных глаза со зрачками, похожими на стволы револьверов. Яков Александрович указал на неизвестно как очутившийся в вагоне роуль и сказал:

— Прошу, господин Вертинский. Покажите, на что вы способны.

Вертинский взглянул на штабные карты на столе и ответил:

— Быть может, я буду мешать вашему совещанию?

Слащев усмехнулся и отвернулся к столу. Вертинский начал петь. Пропел он всю ночь и лишь под утро смог вырваться из прокуренного вагона, где бодрствовал лишь обезумевший от усталости, водки и кокаина генерал.

Правда это или фантазия, знал только сам Вертинский, мимоходом упомянувший об этом «эпизоде» в своих записках.

Но вот другой «эпизод» могли бы подтвердить тысячи очевидцев. В октябре того же года корпус генерала Слащева чуть «не загнал в землю» лихо-го Нестора Махно. Последний прорубился с небольшим отрядом через слащевские заслоны и ушел в Центральную Украину, где под его черные анархистские знамена встали более 100 тысяч крестьян.

Деникин в ярости послал генералу телефонограмму: «Приказываю немедленно разгромить махновские банды, а самого Махно повесить на железнодорожном семафоре». 16 ноября Слащев, под видом подготовки к праздникам, сконцентрировал основные силы корпуса под Екатеринославом и глубокой ночью нанес страшный удар по превосходящим силам противника.

Белогвардейские бронепоезда ворвались в город, прокладывая дорогу конникам генерала. Махно едва успел уйти из города. Наутро генерал раздавал солдатам и офицерам Георгиевские кресты и вешал на столбах пленных махновцев.

В этот момент Махно яростно атаковал город. Казалось, «золотопогонникам» пришел конец. Но в реши-

тельный момент в гущу махновских войск влетел обезумевший генерал Слащев. Он был в расстегнутом кителе, с шашкой в руках. Позади него неслась воющая дикими голосами сотня кубанцев-телохранителей. Отчаянные рубаки во главе с генералом в мгновение ока проложили шашками «просеку» из тел. Махновцы в ужасе бежали, но были настигнуты слащевцами и уничтожены. Нестор Иванович исчез где-то в степи.

Врангель (что, кстати, не делает ему чести) почувствовал в Слащеве не просто яркую личность, но и возможного политического конкурента. Поэтому пальцем не шевельнул, чтобы защитить командира корпуса. Хотя еще совсем недавно, когда положение Белой армии в Крыму было достаточно сложным, отвечал жалобщикам:

— Какое вам дело? Если он даже воткнет павлинье перо себе в з...цу, но будет продолжать так же хорошо драться, это безразлично.

А ведь еще летом 1919 года перед Слащевым трепетали, заискивали. Ведь именно он отстоял Крым в конце 1919 года при первом натиске красных. Крым стал подарком генералу Врангелю от Слащева. Генерал Врангель лично провозгласил здравицу в честь «Слащева-Крымского» за летнюю блестящую крымскую кампанию в районе Коктебеля. Десант Слащева в 5 тысяч штыков — тогда он оттеснил красных — вызвал панику в тылу Крымской Советской республики.

Но когда серьезная опасность миновала, тот же Врангель, описы-

вая свою встречу с генералом 18 августа 1920 года, заметил:

«...Слащев из-за склонности к алкоголю и наркотикам стал полностью невменяем и представлял собой ужасное зрелище. Лицо было бледным и подергивалось в нервном тике, слезы текли из глаз».

В итоге Врангель отстранил Слащева от должности. Тогда тот сам написал рапорт новому главнокомандующему, требуя суда над собой. Почти шесть лет непрерывной войны, двенадцать ранений, контузия, тяготы походной жизни, утраты, вынужденная жестокость не могли не сказаться на психике. Тем более, что многие ранения генерал переносил практически на ногах. Чтобы уменьшить невыносимую боль от ранения в живот в 1919 году, которое не зажило более полугода, он начал колоть

себе обезболивающее — морфий, а затем перешел на кокаин, что и позволило навесить на него ярлык «наркоман».

Слащев не был железным, он был всего лишь человеком, нервная система которого оказалась полностью истощена. Но Врангель не увидел этого или... не пожелал увидеть. В своих мемуарах он впоследствии написал:

«Генерал Слащев, бывший полномочный властитель Крыма, с переходом ставки в Феодосию, оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым.

Однако, полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко

нюансах, считал, что пока поляки наступают на красных с Запада, Белой армии из Крыма надо ударить им навстречу с юга. Но... Врангель получил недвусмысленные указания из

В Белой Армии генерал считался «белой вороной». В недоброжелателях и врагах недостатка у Слащева никогда не было. А журналисты захлеб живописали психически неуравновешенного и социально опасного человека, «предававшегося пагубной страсти к возлияниям и наркотикам» и потерявшего контроль над собой

поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же, подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался.

Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц...»

Ключ к такому поведению Врангеля следует искать в международной политике. Главнокомандующий всецело зависел от Антанты, поставившей его на эту высокую должность. Слащев, по-прежнему плохо ориентировавшийся в политических

Парижа: ударить всеми силами по Донбассу. Именно там до революции французам принадлежало немало шахт и заводов, а интересы сохранения и приумножения своих капиталов для них были важнее напрасно проливаемой русской крови.

Будучи реалистом, Врангель отлично понимал: Слащев прав! Но и ссориться с Францией он не мог. Из Франции в Крым шел поток оружия, обмундирования. Именно Франция, а не Англия (в свое время отказавшая в убежище Николаю Второму и его семье), в случае чего, обещала приютить белых у себя.

Впрочем, Петр Николаевич Врангель по мере сил пытался быть объективным. Далее в тех же мемуарах написано:

«...В заключение нашего разговора я передал генералу Слащеву при-

каз, в коем в воздаяние его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование «Крымский»; я знал, что это была его давнишняя мечта (приказ № 3505, 6 (19) августа 1920 г.). Слащев растрогался совершенно; за-

ние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения. По словам врачей, последнее возможно было лишь в санатории, и рекомендовали генералу Слащеву отправиться для лечения

Осенью 1920 года в Крым ворвалась Красная армия. Посадив жену и дочь на крейсер «Алмаз», Слащев до последнего человека собрал остатки родного лейб-гвардии Финляндского полка, нашел полковое знамя и буквально на последнем корабле вместе с ними покинул Крым

хлебывающимся, прерываемым следами голосом, он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть. В тот же день генерал Слащев с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка — Слащев в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина. Я настаивал на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Послед-

за границу, однако все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, он решил поселиться в Ялте».

Увы, этому решению не было дано осуществиться. Осенью 1920 года в Крым ворвалась Красная армия. Посадив жену и дочь на крейсер «Алмаз», Слащев до последнего человека собрал брошенные командованием остатки своего родного лейб-гвардии Финляндского полка, нашел полковое знамя и буквально на последнем корабле вместе с ними покинул Крым.

Слишком уж последовательное и мужественное поведение для «законченного неврастеника», как мне представляется. Кстати, его жена и дочь благополучно добрались до Франции. Больше они никогда в жизни не увиделись: гордой генеральше и дочери генерала не нужен был нищий эми-

грант, а рядом со Слащевым уже была другая женщина — Нина Николаевна Нечволдова («юнкер Нечволдов»), племянница... начальника Главного артиллерийского управления Красной армии. Нина Николаев-

на сражалась бок о бок с белым генералом с 1918 года и тоже была несколько раз ранена.

Очередная глава в жизни Якова Александровича закончилась. Добравшись с Ниной Николаевной до

Константинополя, он поселился в маленьком грязном доме на окраине. По воспоминаниям тех, кто оставался с ним, «он еще больше побелел и осунулся. Лицо у него было очень усталое. Темперамент куда-то исчез. Кокаин стоил дорого, и, лишенный его, он утих и постарел сразу на десять лет». Бывший боевой генерал занимался огородничеством и жил в лютой бедности.

Но окружающие ошибались: темперамент Слащева никуда не исчез. Больной и нищий, он резко и публично осуждал Главнокомандующего и его штаб, за что, по приговору суда чести (?!), был уволен со службы (?!!) без права ношения мундира. В ответ на это очередное издевательство Слащев в январе 1921 г. издал книгу «Требую суда общества и гласности. Оборона и сдача Крыма (Мемуары и документы)». Стоит ли говорить, что приятели со стороны бывших товарищей по оружию это ему не принесло?

Его снова начали осаждать журналисты. Слащева единодушно проклинали и красные, и белые. Верными ему остались лишь несколько офицеров, которые и принесли как-то генералу текст тайного соглашения Врангеля с Антантой.

Оказывается, тот столько пообещал Парижу и Лондону, что от «великой, неделимой России», в случае победы белых, остались бы только «рожки да ножки». И вот, Слащев открыто высказывает свое мнение: «Красные — мои враги, но они сделали главное — мое дело: возродили великую Россию!» И тут же отрезал в

своем духе: «...а как они ее назвали — мне на это плевать!»

Это его высказывание практически немедленно стало известно в Москве, и председатель ВЧК Феликс Дзержинский сделал абсолютно неожиданный ход. На заседании Политбюро он поставил вопрос «о приглашении бывшего генерала Слащева (правда, уже разжалованного Врангелем в рядовые) на службу... в Красную армию».

После первого шока мнения в Политбюро разделились. Против проголосовали: Зиновьев, Бухарин, Рыков и некоторые другие. За: Каменев, Сталин, Ворошилов. Воздержался — Ленин. И все же Дзержинский сумел настоять на своем предложении.

В ноябре 1921 года на итальянском пароходе «Жан» генерал Слащев с женой и ее двоюродным братом князем Трубецким прибыли в Севастополь. Новая старая Родина восприняла Слащева не как солдата, а как генерала. Чуть позже к нему присоединились бывшие белые генералы И. Клочков, Е. Зеленин, полковники Д. Житкевич, В. Оржаневский, Н. Климович, М. Лялин и другие. Они получили в РККА высокие командно-преподавательские должности, свободно выступали в дискуссиях по истории Гражданской войны.

В Севастополе Слащев был встречен главой ВЧК Ф.Э. Дзержинским и на его личном поезде доставлен в Москву.

Троцкий писал В. Ленину в связи с возвращением Слащева:

«Главком (С.С. Каменев) считает Слащева ничтожеством. Я не уверен

в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащев будет только «беспокойной ненужностью». Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то «25 шомполов».

Тем не менее, примирение красных с белыми, прекратившими со-

сковские курсы «Выстрел» — в то время фактически главную военную академию страны. Он обучал курсантов «борьбе с десантами», «маневру как залого победы». Между вчерашними смертельными врагами теперь разгорались кабинетные битвы, споры о тактике затягивались до полуно-

И при новой власти коллеги относились к Слащеву, как и до революции: с ненавистью и страхом. Любви он ни в ком не вызывал, да и не мог вызвать. Хотя бы потому, что сам откровенно никого не любил и даже бравировал своим равнодушием

противление в определенной степени состоялось. В 1922 году Слащев собственноручно написал обращение к офицерам и генералам бывшей Белой гвардии, находившимся в эмиграции, — последовать его примеру и вернуться на Родину. К исходу 1922 году в Россию вернулось 223 тысячи бывших эмигрантов.

А за границей в среде «непримиримых» генерала Слащева заочно приговорили к смертной казни. Узнав об этом, он только пожал плечами и проронил:

— Меня все равно убьют свои, какая разница, где.

Однако в России казнить «кровавого генерала» никто не собирался — слишком ценен был его боевой опыт и знание военного искусства. В 1924 году генерал Слащев возглавил мо-

чи, переходя в дружеское чаепитие в общежитии командного состава.

Правда, не все прощали Слащеву обиды. Анализируя поход на Варшаву, он высказал мысль, что основной причиной его неудачи стала тупость командования красных, а некоторые приказы открыто назвал «идиотскими». С места вскочил черный от ярости Буденный (на которого, кстати, и намекал Слащев), выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в преподавателя. К счастью, промахнулся. Слегка побледневший Слащев подошел к Буденному, которого к этому времени уже успели скрутить, и сказал:

— Как вы стреляете, так и воевали...

Один из бывших слушателей курсов «Выстрел» вспоминал впоследствии:

«Преподавал Слащев блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории было порой как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе, и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск».

Что ж, и при новой власти коллеги относились к Слащеву, как и до революции: с ненавистью и страхом. Любви он ни в ком не вызывал, да и не мог вызвать. Хотя бы потому, что сам откровенно никого не любил и даже бравировал своим равнодушием, иногда доходя до откровенных издевательств.

В 1925 году кинокомпания «Пролетарское кино» сняла исторический фильм о бароне Врангеле. В роли Слащева снимался... сам Слащев. Он не боялся мести своих бывших врагов и их родственников: давно был готов к смерти, слишком часто смотрел ей в лицо.

И все-таки она настигла его внезапно. 11 января 1928 года Яков Александрович Слащев был убит в собственной квартире выстрелом из пистолета неким Коленбергом, брата которого якобы повесили по приказу генерала в Крыму. Убийцу генерала подозрительно быстро выпустили на свободу еще до окончания следствия. Еще более странным было то, что «мстителю» понадобилось свыше пяти лет, чтобы убить человека, не укрывавшегося за толщей Кремлевских стен, а мирно, без охраны проживавшего в своей частной

квартире и ежедневно ходившего на службу — тоже без охраны.

Но если учесть, в какой момент произошло это «бытовое преступление», то возникает мысль о том, что человек, известный своей решительностью, беспощадностью и бесстрашием, стал очень неудобен и даже опасен. Несомненно, проживи генерал Слащев еще несколько лет, он бы неизбежно попал в страшную машину Великого террора. Но кто-то не захотел дожидаться еще несколько лет.

Так закончилась вторая или даже третья жизнь «генерала Яши». Через три дня его тело было сожжено в крематории при Донском монастыре, место захоронения урны — неизвестно. Так же, как и судьба его вдовы.

Но для целого поколения Слащев навсегда остался последним символом Великой России. Символом жестоким, ошибавшимся, но — несломленным...

Слащев был одной из самых противоречивых личностей периода Гражданской войны, воплотившей в себе все лучше и худшее, самое низкое и самое возвышенное из того, во что могли превратить человека эти трагические годы.

Генерал, согласившийся служить красным, но не опозоривший чести белого офицера...

Теоретически этого не могло быть, но жизнь создает порой ситуации, противоречащие любой логике и здравому смыслу.

Поправьте меня, если я ошибаюсь. □

КОГДА РИСУНОК

Ольга
Займенцева

ОЖИВЁТ

Мастерские художников похожи друг на друга, запах масляных красок и растворителя, загрунтованные холсты, стоящие вдоль стен на подрамниках, и мольберты, мольберты, мольберты... В художественной мастерской Всероссийского государственного университета кинематографии необычные мастерские, в них рисунки оживают и превращаются в мультфильмы. Здесь я и обнаружила замечательную девушку Варвару

*«Первые
молитвы»*

Варвара Яковлева родилась в Саратове в 1983 году. В 2005-м окончила калужское художественное училище, в 2007-м поступила во ВГИК, на факультет «художник анимации и компьютерной графики», мастерская Александра Михайловича Горленко, и уже многое успела сделать.

Работала художником-постановщиком на дипломном фильме Майи Ветровой «Станция Бесконечная», принимала участие в проекте «Фабрика мультфильмов» на Винзаводе и во многих выставках, была главным художником по фону анимационного сериала «Решето—Сити».

Ее персонажи преодолевают закон земного притяжения, без крыльев они могут летать, а самые близкие ее сердцу люди как птицы поселились среди листвы на ветвях высокого дерева. Она застаёт своих героев в самые неожиданные для них моменты, во время работы, сна или глубокомысленных раздумий. Наблюдает за увяданием цветов и за тем, как остывает в чашке горячий чай...

Любой неодушевленный предмет, увиденный ею, может стать одушевленным. Высокий строительный кран вдруг превращается в добродушного жирафа, на шее которого можно прокатиться и увидеть город с высоты птичьего полета, а белая тучка, которую мы невзначай заденем плечом, становится кудрявым барашком.

А еще иногда происходит чудо, и статичная картинка, застывшая на бумаге, вдруг оживает, и тогда пла-

тье ангела с растительным орнаментом превращается в пейзаж, и по дороге неспешно едет телега, запряженная лошадкой с седоком, а над ними летит ангел. Потом вдруг неожиданно небо озарится яркой вспышкой, сверкнет молния, пойдет сильный дождь, и ангел упадет на землю.

Иллюстрируя, а затем делая экранизацию по рассказу Габриэля Гарсия Маркеса «Очень старый человек с огромными крыльями», Варвара мучительно размышляет о том, почему ангел, упавший с неба, оказался не нужным людям. Почему спит душа человеческая?

А потом, будто желая оправдать людей, она над спящим городом запустит в полет по ночному звездному небу китов, в животах которых будут спать ангелы с белыми крыльями, и мы поймем, что не только люди, но и ангелы спят.

— Как ты думаешь, зло в этом мире делает сам человек, или это все происки дьявола?

— Зло и добро делает только сам человек, на то он и человек, на то и воля ему дана. Вот только дело в том, что понятия добра и зла сейчас нивелированы в большей степени, и многие люди творят зло, даже не понимая этого.

— Ты смотрела фильм «Фауст»? Если да, что о нем думаешь?

— Фильм вызывает восхищение, это очень глубокое произведение...

Как не было место Богу в сверхчеловеке Гете, так нет Бога и в картине Сокурова. Большое смущение у меня вызывала личность Бога у Гете, предающего душу Фауста дьяволу. Может, лучше ей совсем и не быть, так как все равно эгоцентризм героя не вмещает ее. Для меня фильм Сокурова стал заключительной мыслью, итогом идеи гетевского Фауста. Пустота, царящая внутри героя. Природа имеет какую-то магическую силу, которая завораживает, особенно в сцене погружения в воду с Маргаритой. В продолжение всего, Сокуров погружает зрителя в атмосферу призрачную, и там есть много сцен, пронизанных теплым светом и оставляющих глубокое впечатление после просмотра.

— Если говорить о переложении литературы на язык ки-

нематографа, ты иллюстрировала рассказ Маркеса «Очень старый человек с огромными крыльями». Как ты считаешь, о чем именно это произведение?

— Думаю, речь идет о бездуховности людей, не понимающих высшего смысла вещей, для них ангел, упавший с неба, оказался абсолютно не нужным и даже лишним.

— Есть ли кинокартина, к которой ты особенно часто обращаешься?

— Да. Фильм «Мертвец» Джима Джармуша и, соответственно, музыка Нила Янга. Я очень часто обращаюсь к этим двум произведениям и погружаюсь во время работы в атмосферу, которая им присуща. Этот фильм занял отдельную нишу в моей жизни. Сочетание грязи и красоты — поразительно, что мож-

*«Им снился
кит»*

но показать так много... Думаю, моя жизнь аналогично наполнена и тем, и другим. Периодически я пользуюсь возможностью остановить время, весь этот хаос, каламбур жизни. Сажусь в электричку и еду в монастырь, там время для меня останавливается. Работа, суета — все уходит. А потом снова возвращаюсь обратно со словами: «добро пожаловать в ад». И самое главное, что и в «аду» мне нравится жить. Дело не в «достоевщине», можно сказать, что в моей голове переключаются иконы и работы Модильяни.

— Давай поговорим об анимации. Пару лет назад ты много времени посвятила «Фабрике мультфильмов». Расскажи немного, что это вообще такое?

— К сожалению, в этом году я не участвовала в «Фабрике», а вот в 2010 — да. Там было очень весело, мы поделили цеха между собой для оформления, а дальше созывали друзей на помощь, дабы красить, устанавливать и веселиться. Очень забавное времяпрепровождение. Три дня и три ночи практически жили там. Это, конечно, коллек-

«Древо»

тивное творчество, но там я ощутила себя настоящим прорабом. Хотя цех высоких технологий и делался по моему эскизу, сама я почти не рисовала, в основном загружала работой других, замешивала колера и давала указания. Но добрые мои друзья меня, слава Богу, не поколотили. Мы все там отлично справились. А после открытия фестиваля детей в цехе учили делать флеш-анимацию.

— А почему в этом году не участвовала в проекте? Времени не было?

— К сожалению, да, я работала на мультипликационном сериале «Решето—Сити».

— Если бы тебе сказали, что у тебя есть выбор между статикой и ожившим изображением, что бы ты выбрала?

— Я выбрала бы статику. В статике намного глубже можно выразить мысль.

— А как бы ты сама охарактеризовала свое творчество?

«Букет сухих пионов»

— В своих творческих работах я обобщаю образы, так как мне ближе язык условного изображения, стараюсь говорить символами. Использую натуру, как материал для работы, никогда не следуя ей буквально, и просто стараюсь делать картинку красивой. Вообще, глупо говорить о своих работах, так как я нахожусь в процессе, в самом начале творческого пути, и с каждым разом открываю новые этапы понимания изображения.

— Кто твои любимые режиссеры?

— Ингмар Бергман, Терри Гиллиам, Тенгиз Абуладзе, Сергей Параджанов. В фильмах Абуладзе образы уживаются с притчей. Бергман останавливает время в кино, показывает, то, что не видно. А Гиллиам радуется своей свободой, потоком творческой мысли, удивительно в нем то, что он совсем не говорит об искусстве, но всегда его создает.

— Как творческий человек должен позиционировать себя, и может ли талантливая личность, будучи в изоляции, стать

*Эскиз к рассказу Г.Г. Маркеса
«Очень старый человек
с огромными крыльями»*

востребованной? Ведь принято говорить, что талант в любом случае пробьет себе дорогу. Или это лукавство?

— Художник общается со зрителем через свои работы. Общество получает информацию через Интернет, телевидение и СМИ. Но бывает и так, что люди, которые говорят о себе, становятся популярными, зачастую не имея особых талантов и дарований. Чтобы выжить или получить свое место под солнцем, приходится проявлять такого рода активность. Я думаю, проблема многих творческих людей именно в неумении раскручивать себя. То, что с легкостью получается у посредственности, за счет активного использования средств массовой информации, порой кажется абсолютно невозможным для многих талантливых людей. Поэтому замечательно, когда сочетаются два рода деятельности — творчество и умение позиционировать себя в обществе.

Увлеченные беседой, мы с Варварой и не заметили, «как Элисенда вздохнула с облегчением за себя и за него, увидев, как он пролетел над последними домами поселка, едва не задевая крыши и рьяно размахивая своими огромными, как у старого ястреба, крыльями...

...Элисенда следила за ним, пока не закончила резать лук, и пока ангел совсем не скрылся из виду, и он был уже не помехой в ее жизни, а просто воображаемой точкой над морским горизонтом».

Габриэль Гарсиа Маркес.

Из рассказа «Очень старый человек с огромными крыльями». □

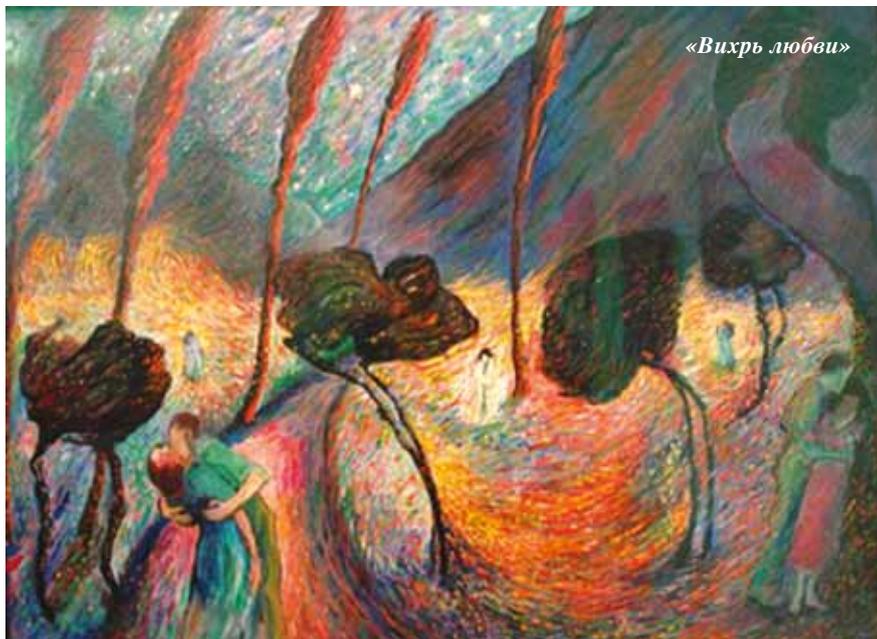
Марианна Веревкина

Ирина Опимах

*Портрет М. Веревкиной
кисти И.Е. Репина*

Имя этой художницы мало известно в России. А ведь на Западе она считается большим мастером, ей посвящаются научные монографии и роскошные альбомы, устраиваются персональные выставки. Ее имя носит одна из мюнхенских улиц, протянувшаяся между крупнейшими музеями баварской столицы, и музей в швейцарском городе Аскоте. Так кто же она, эта Марианна Веревкина, или баронесса фон Веревкин, как ее называют за границами нашей родины?

«Вихрь любви»

Марианна Веревкина, «повивальная бабка абстракционизма», как ее сегодня называют искусствоведы, родилась 10 сентября 1860 года в Туле. Ее родители были замечательными, неординарными людьми. Отец, Владимир Николаевич Веревкин, честный, благородный, истинный аристократ, настоящий русский офицер, был бравым генералом, участником Крымской войны. В его послужном списке было множество почетных должностей (он был витебским губернатором, начальником войск Виленского военного округа), заслужил за свою преданную службу России множество орденов, а закончил он свою карьеру комендантом Петропавловской крепости. Мать Марианны, Елизавета Михайловна, урож-

денная Дараган, принадлежала к старинному княжескому роду. В свободное время она писала портреты и иконы, и вплоть до 1941 годы ее работы украшали многие литовские православные церкви. Увидев, что у дочери явные способности к художественному творчеству, она дала ей первые уроки, приобщила к искусству. Марианна не только любила своих родителей, но и всегда ощущала с ними духовную связь, они были по-настоящему близкими, родными людьми. Очень любила она и двух своих младших братьев Петра и Всеволода. Надо сказать, что большую роль в семье генерала Веревкина играла бабушка, Анна Дараган, дама очень суровая, известная детская писательница и педагог, в

«Осень.
Школа»

свое время она даже была воспитательницей царских детей. Как-то она заметила, что внучка отнюдь не блещет красотой, и Елизавете Михайловне потом пришлось терпеливо убеждать дочь, что она мила и все у нее будет хорошо.

На самом деле бабка была права, и Марианна действительно не отличалась красотой, но в ней было такое обаяние юности, такая живость ума! А еще чувствовалось прекрасное образование, культура. И яркие, выразительные глаза, милая улыбка, темперамент... Все это делало ее центром любой компании, и в поклонниках недостатка она не испытывала никогда..

В 1880 году — Марианне 20 лет — она знакомится с Репиным и начинает брать у него уроки. Учитель ее тоже вполне молод — ему всего 36, и он с

удовольствием делится с Марианной всем, что знает и умеет сам. А она оказывается очень способной ученицей, и вот уже пишет портрет жены учителя Веры, участвует в выставках передвижников. Но эта самостоятельная, мыслящая девушка вдруг осознает, что реализм сковывает ее, ограничивает в средствах выражения. Она ищет новые формы. Позже, вспоминая Репина, она напишет: «Я относилась к нему с огромным уважением, но мы никогда не соглашались друг с другом. Меня тогда называли "русским Рембрандтом", я участвовала в известной выставке передвижников, в Академии художеств выставлялись мои картины. Несмотря на лестную критику, я впадала в отчаяние. Мир реализма был мне так же чужд, как и мир романтизма. У меня были смутные пред-

ставления о моем личном предназначении...Искусство будущего — эмоциональное искусство, реализм же, — искусство "разжеванное"».

Некоторые биографы, на основе их переписки, полагают, что отношения между Репиным и Марианной выходили за рамки отношений лишь преподавателя и ученицы. Бурный темперамент Репина, очарование ее юности и таланта... Так или иначе, ясно, что их связывали глубокие чувства. Они часто ссорились, порой между ними разыгрывались весьма бурные сцены, но все это не помешало им сохранить дружеские отношения, продолжавшиеся и после отъезда Марианны за границу. Они с удовольствием встречались в Венеции, в 1897 году, на выставке Репина, и позже, в 1911–м, в Германии. Марианна вспоминала: «...позднее он был у меня в Мюнхене и опубликовал в одном из журналов свои путевые заметки. Там он говорил обо мне как о "прекраснейшей сказке земли"». Похоже, эта непокорная, и такая обаятельная девушка глубоко запала в душу Репина. Он не раз писал ее портреты. На одном из них она изображена с рукой на перевязи. Беда произошла во время охоты — Марианна случайно прострелила себе правую руку. Можно понять, какая это была трагедия для нее, той, которая собиралась посвятить себя искусству! Как она сможет теперь держать кисть в этой изуродованной руке! К счастью, руку удалось спасти, но два пальца на ней с тех пор не сгибались. Пришлось сделать специальное приспособление, что-

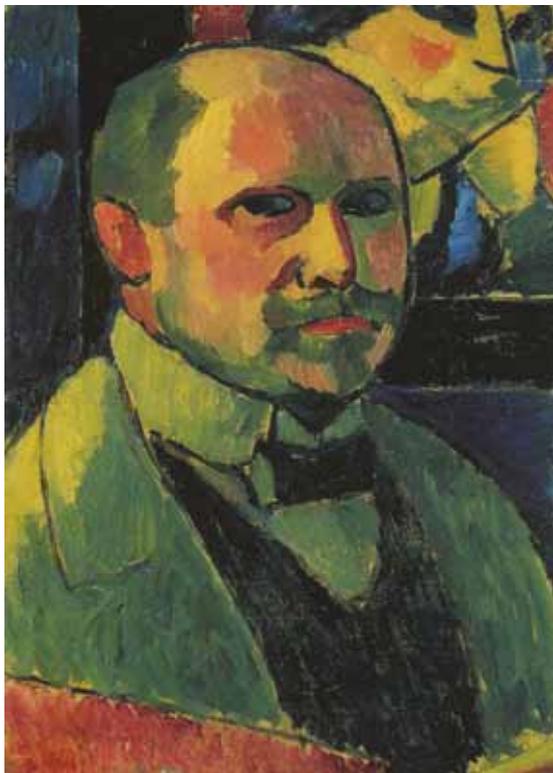
бы рука осталась рабочей. Зато в Марианну влюбился врач-хирург Василий Владимирович Лесин, который ее лечил. Но — все было как в известном романсе — «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь...» Бедный, без родовых поместий и особняков, разночинец Лесин никак не мог претендовать на генеральскую дочь. «Я обязательно разбогатею, построю дом и тогда женюсь на Марианне», — решил он. На то, чтобы стать богатым, ушел не один год. Добившись положения в обществе и некой обеспеченности, Лесин отправил отцу своей избранницы письмо, где просил ее руки. Тронутый до глубины души силой чувств доктора, Владимир Николаевич дал свое благословление и переслал его письмо дочери. Но было уже поздно — как это часто бывает в сентиментальных романах, послание доктора опоздало всего лишь на один день: буквально накануне Марианна приняла решение посвятить себя искусству и — другому мужчине.

Однажды Репин сказал своей ученице: «Знаешь, я думаю, тебе следует поступить в московское Училище живописи, ваяния и зодчества». Она последовала совету учителя в 1883 году и попала в класс художника-передвижника Иллариона Михайловича Прянишникова, у которого многому научилась. Она умела работать, эта казалось бы избалованная генеральская дочка. В Москве, а потом и в Петербурге Марианна познакомилась с замечательными художниками-передвижниками, позднее подружилась со многими художниками из

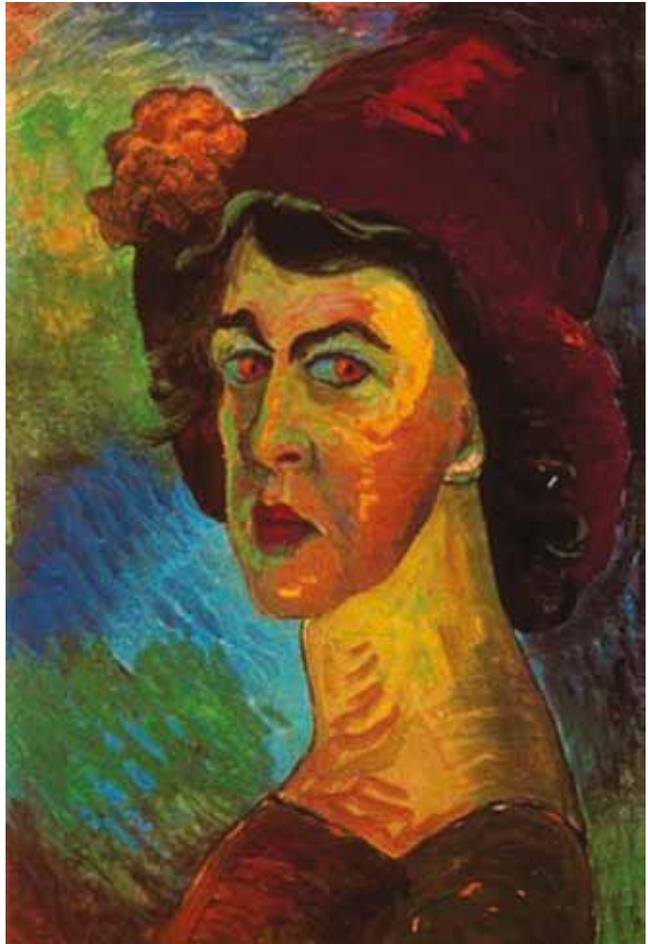
окружения Дягилева и Бенуа, будущими мирискусниками. Она попала в самый центр российской артистической и литературной жизни, среди ее друзей — и лучшие писатели и поэты того времени, к примеру, Мережковский и Гиппиус. А вскоре она познакомилась с человеком, ставшим ее судьбой. Звали его Алексей Явленский.

Однажды, придя в мастерскую Репина, она увидела молодого красавца-офицера. Оказалось, что он — начинающий и очень талантливый художник. (По другой версии, Репин

привел Явленского в мастерскую Вревкиной, которую она обустроила на территории Петропавловской крепости). Они быстро подружились — в обоих горело желание творить, делать что-то новое. Марианна пригласила Алексея работать в ее мастерской. Видя, как он пишет, она почувствовала в нем огромный талант и решила ему помогать. Ей казалось, она многое способна ему дать — ведь она опытнее, больше знает, да и старше, в конце концов (на четыре года). Он беден, а у нее деньги есть, ему по сути негде и не на что ни

*Алексей Явленский.
«Автопортрет»*

**Марианна
Веревкина.
«Автопортрет»**

жить, ни работать — и она ему предоставит жилье и мастерскую.

Он многого не знал, и она стала щедро делиться с ним своими знаниями и пониманием искусства. А потом он признался ей в любви, и она, по видимому, тронутая силой его чувств, сказала, что будет всегда помогать ему — в жизни и в искусстве.

Спустя годы она вспоминала о том времени в одном из писем: «Я любила его искусство и захотела помочь ему. Он мне понравился, хотя я знала, что он легкомысленный человек и ловелас». Она уже тогда понимала — умная, проницательная — что Алексей равнодушен к женскому полу... А между тем ее отец, обо-

жавший свою талантливую девочку, готовый сделать все, лишь бы она была счастлива, очень волновался, видя, как быстро развиваются отношения Марианны с этим юным, без гроша в кармане, офицером. Но дочь его успокаивала, говорила, что совсем не торопится замуж, и Явленский — просто один из многих, «с кем ей не скучно».

А потом Марианна взяла Алексея в Благодать, в поместье Веревкиных, недалеко от Каунаса — работать «на натуре». Название очень соответствовало духу этого места — здесь было удивительно красиво и спокойно. И вот там, в Благодати, однажды произошло нечто, о чем Марианна потом рассказывала весьма своеобразно: *«Явленский осквернил меня, хотя смелости взять меня у него не хватило. Что мне оставалось делать со своей жизнью? Все рассказать отцу и тем самым убить его? Вынудить моих братьев к дуэли?.. Прогнать Явленского? Я была обесчещена в собственных глазах и решила молчать, потому что с такой тайной на совести для меня не мог существовать никакой другой мужчина».*

Что же такое случилось? Трудно сказать, особенно если помнить, что она уже была далеко не девочка (ей перевалило за тридцать), и определенный опыт отношений с мужчинами у нее несомненно был. Но, так или иначе, это событие сподвигло Марианну принять вот такое решение: «Я сделаю из него великого художника и покрою мой позор славой и любовью!»

Явленский страстно мечтал о Европе — он считал, что только там

сможет найти тех учителей, которые ему нужны. Но, понятное дело, денег у него на путешествие за границу не было. И тогда Марианна просит у отца разрешение на гражданский брак и путешествие в Европу. Генерал Веревкин благословляет их. Но видно, все-таки его что-то смущает, и он берет с Явленского слово мужчины и офицера, что тот никогда не оставит его дочь. (Тогда в кругу этих людей такое слово, слово чести, много значило).

А в 1896 году генерал Веревкин умер. Марианна тяжело переживала эту потерю, но рядом с ней был Алексей, которого она уже очень любила. Весной ему удастся — с помощью ее многочисленных связей — выйти в отставку, и они уезжают в Германию. Марианну сопровождает юная горничная Елена Незнакомова — робкая, малообразованная девушка. Они решают поселиться в Мюнхене, который тогда был наряду с Парижем центром европейской художественной жизни. Теперь их адрес — Гизелаштрассе, 23. (Друзья потом называли их «гизелистами» — по названию улицы.)

Квартира, которую они сняли, была довольно большая и оборудованная по последнему слову техники. Там в туалете даже имелся сливной бачок, который приводил в восторг Кандинского, обожавшего «дернуть за веревочку».

И тут, в Мюнхене, Марианна принимает совершенно уж дикое решение — она оставляет свои занятия живописью и всецело посвящает себя Алексею. Она вообще всегда счи-

«Город в Лутве»

тала, что мужчинам в большей мере, чем женщинам, даны способности к творчеству.

«Если Лулу (так она нежно называла Явленского) с Божьей помощью достигнет своей цели, станет художником, какого я предчувствую в нем, я обрету смысл существования, моя жизнь будет прожита не зря», — писала она. Ее последней работой стал, конечно же, портрет Явленского (ныне он хранится в мюнхенской галерее «Ленбаххауз»).

Явленский записался в знаменитую школу художника Антона Ажбе. Там, у Ажбе, тогда уже работало много русских художников, и среди них — И. Грабарь, Дм. Кардовский, В. Кандинский. Марианна, полагая,

что ее Лулу нужно создать соответствующую творческую среду, организовала у себя дома настоящий салон. Постепенно здесь стали бывать актеры, художники, писатели — в общем, все знаменитости, приезжавшие в Мюнхен. И приходили они в ее «Розовый салон» не из-за Явленского, а из-за нее. Кто сюда только не заходил! Нижинский, Дягилев, Анна Павлова, Элеонора Дузе — все они были очарованы умом Марианны, пониманием современных тенденций в развитии искусства, ее преданностью Прекрасному. Им было в ее доме интересно и тепло, уютно.

А между тем Явленский мучительно искал свой путь в искусстве. Вскоре он ушел от Ажбе и стал работать

один. И все свое настроение, все свои неудачи он выливал на Марианну. Неудивительно, что часто в их доме вспыхивали ссоры, порой нелепые, но глубоко ранившие обоих. Марианна писала в своем дневнике: *«Ни одной светлой минуты... Что он дал мне, что я так за него дрожу?.. Когда мы встретились, мы сказали друг другу: помогите мне в жизни, а я вам помогу в искусстве. Я честно выполнила свое обещание, сделала все. Я свела его с Репиним, освободила от службы, дала ему ателье и возможность работать... вывезла за рубеж, сформировала его вкус, дала ему знания, друзей... А он что? Он разлучил меня с родными... Моя душа и нервы были раздерганы... Он уничтожил во мне всякую надежду на будущее творчество... Я не хочу, не хочу, не хочу его дальше любить!»*

Явленский искал утешение, и далеко ходить не пришлось, оно оказалось совсем рядом — в объятиях Елены Незнакомовой. И вскоре на свет появился их ребенок — сын Андрей. Елена была еще совсем юной, и вся эта история грозила Явленскому большими неприятностями, а посему было решено держать случившееся в глубоком секрете. И вот «семейство» Явленского на год уезжает в Россию (понятное дело, на деньги Веревкиной), а потом все возвращаются с младенцем, да еще и с сестрой Елены Марией — та будет выполнять работы по дому, ведь Елена теперь занята с ребенком.

В течение дальнейших нескольких лет отношения Веревкиной и Явленского складывались непросто. Иногда было хуже, иногда — лучше, и когда между ними устанавливался мир, они ездили во Францию, где

приобщались к искусству импрессионистов и постимпрессионистов. Эти поездки многое дали им обоим — Явленский нашел свой почерк в живописи, а Марианна решила вновь вернуться в искусство. Время «молчания» не прошло даром — она многое поняла, многое переосмыслила, и теперь ее кисть рождала потрясающие, выразительные, насыщенные цветом и мыслью работы. Одно из первых же ее полотен — «Осень. Школа» (1907) — ныне считается классическим, его можно увидеть на плакатах, обложках журналов и книг...

1908 и 1907 годы они провели вместе, в небольшом баварском городке Мурнау. Эти два года стали совершенно особенными и для Явленского, и для Веревкиной. Они творили — свободно, легко, а рядом были их друзья — Василий Кандинский и его преданная подруга и замечательная немецкая художница Габриэлла Мюнтер. Неудивительно, что ныне Мурнау — целая глава в истории европейской живописи XX века, место паломничества любителей прекрасного всего мира. Тут, в Мурнау, эти четверо, эти выдающиеся художники XX века, работали вместе, несомненно, влияли друг на друга... Так рождалось новое искусство, новый живописный язык, новая философия. (Кстати, тогда Мюнтер написала известный портрет Веревкиной и картину, на которой изобразила ее и Явленского — они рядом, но при этом — не вместе, порознь.

Здесь, а также в мюнхенском «Розовом салоне» Марианны возникла концепция Нового объединения ху-

дожников Мюнхена (НОХМ), которое возглавил Кандинский. И Марианна, не Явленский, стала рядом с Кандинским. Недаром Франц Марк, посетив выставку объединения, писал: «Марианна фон Веревкин — душа всего этого предприятия... Что касается вопросов искусства, она бьет не в бровь, а в глаз».

Так Марианна снова стала художницей. На ее знаменитом автопортрете 1910 года перед нами предстает зрелый мастер, в ее глазах — решительность и вдохновение человека, знающего, что он делает и что ему еще предстоит сделать в жизни. В тот год она создает целый ряд замечательных полотен — «Город в Литве», «Близнецы» и многие другие. В его работах очевидно влияние Тулуз-Лотрека и Мунка, но все переплавлено, осмыслено, пережито и выражено в совершенно самостоятельном стиле, окрашенном сильными чувствами и мощным интеллектом.

А потом в НОХМе возник раскол, и родился ставший знаменитым «Синий всадник», в котором вожди все же — Веревкина и Кандинский, причем многие считали, что роль Веревкиной в работе «Синего всадника» ничуть не меньше, чем Кандинского. Недаром немецкая поэтесса Эльза Ласкер-Шюллер назвала «Синий всадник» «Синей всадницей».

Явленский и Веревкина находили спасение от домашних проблем в творчестве. Они оба работали как одержимые, но наступало время, когда они возвращались из своих мастерских домой и видели Елену и маленького Андрея...

А между тем в атмосфере того времени чувствовалась близость страшных катаклизмов, и они не замедлили себя ждать. В августе 1914 года Германия объявила войну России, и всем русским было велено срочно покинуть страну. Явленский и Марианна едут в Швейцарию — нейтральную страну с маленькими, словно сказочными, старинными городками, чистыми голубыми озерами и величественными Альпами.

Но как можно наслаждаться швейцарскими красотами, когда мир полыхает в войне, когда оба брата Марианны на фронте, когда их знакомые, друзья гибнут один за другим — сначала Август Маке, потом Франц Марк...

В Сен-Пре, на берегу Женевского озера, казалось бы спокойно можно работать и жить, но — вдруг стало не хватать денег (из России переводы поступают нерегулярно, да и генеральская пенсия Марианны теперь, в связи с войной, стала в два раза меньше). Явленский за все эти годы жизни с Марианной отвык от нужды, он злится, нервничает. Но тут ему снова везет — он снова встречает женщину, готовую посвятить ему жизнь. Ему всегда везло на умных, преданных женщин, видно, все-таки было в нем нечто (и талант, конечно, тоже), что их так притягивало к нему. На сей раз это — двадцатипятилетняя дочь богатого промышленника Эмми Шайер. Она, получившая хорошее образование и остро чувствующая искусство, влюбилась в картины Явленского, а потом и в него самого. Эмми стано-

вится его агентом и с успехом продает его картины. У Явленского появляются деньги. А Марианна — она снова терпит в своем доме подругу Алексея, теперь это Эмми.

В Сен-Пре Явленскому было скучно и тоскливо, и Марианна и Явленский переезжают в Цюрих, где находят многих своих друзей. «Цюрих был оккупирован целой армией революционеров, поэтов, художников, создателей новой музыки, философов со всего мира. Они встречались главным образом в кафе «Одеон», каждый столик был владением какой-либо одной группы», — вспоминал дадаист Ханс Арп. Среди их новых знакомых — дадаисты, а еще — Рильке, который очень любит русских, переписывается с Мариной Цветаевой и Пастернаком. Марианна много работает, а Явленский снова в своем амплуа — вокруг него новые подружки, новые дамы подпадают под его очарование.

В это время Марианна пишет одну картину, особенно ярко выразившую ее тогдашнее душевное состояние. Это — «Вихрь любви». Среди целующихся пар — одинокая женская фигура. Чувство одиночества, предательство самого любимого, самого близкого человека, которому она отдала столь многое...

Но когда Явленский заболевает, и врачи советуют поменять климат, она снова рядом — они уезжают в тихий курортный городок Аскону, в кантон Тичино. Тогда Марианна еще не знала, что именно этот город станет последним на ее жизненном пути, что здесь она проживет двадцать

лет и здесь найдет последнее успокоение...

Приехав в Аскону, Явленский быстро поправился и снова встал к мольберту. А Марианне пришлось, как всегда, создавать ему условия для его творчества, на время забыв о своем, — зарабатывать деньги, ведь после революции уже никаких средств из России не поступает. Марианна находит место в фармацевтическом концерне, много ездит по округе. Понятное дело — времени для красок и кисти у нее нет.

А Явленский живет духовными свершениями, его проза жизни не касается. Он едет в Висбаден, где проходит его персональная выставка, устроенная Эмми Шайер и имеющая большой успех. Явленскому очень нравится красивый, респектабельный и очень немецкий Висбаден. Вскоре туда приезжает Андрей с Еленой, а Марианна получает письмо, где Алексей сообщает, что навсегда порывает с ней и женится на Елене. Скорее всего, он узаконивает свои отношения с Еленой под давлением сына, но...

Марианна потрясена. Он ее бросил! Как он мог! После столько лет! После всего, что она для него сделала! Расстаться, и расстаться так, не найти даже мужества поговорить с ней! Она глубоко оскорблена, разочарована (жениться на служанке, ну ладно, иметь незаконного ребенка, но жениться!). Она так одинока! А ведь когда-то он дал слово офицера ее отцу — всегда быть с ней! Она столько лет терпела всю эту ситуацию с Еленой, но

ведь он все-таки был рядом, а теперь она осталась одна...

Но нужно было как-то жить, и она всегда умела это делать — достойно, честно. Она теперь вынуждена иногда брать в долг, но что же, она справиться и с этим. И Марианна работает — рисует почтовые открытки и продает их туристам или расплачивается ими в лавке, покупая продукты. Местные жители приняли ее, а она делает их героями своих картин. На ее полотнах появляются рыбаки, крестьяне. Она полюбила их мир — честный, искренний, простой. И полюбила природу Асконы — маленькие дома и большие горы. Все это вдохновляет ее на создание потрясающих картин — она легко и свободно говорит о своем нынешнем восприятии человека, жизни, Бога, Природы. В 1922 году в Асконе открывается городской музей, и она дарит ему коллекцию картин — своих и своих друзей. Через два года в Асконе создается объединение местных художников «Большая медведица». Понятное дело: Марианна — душа этого союза.

А вскоре в ее жизни появляется Эрнст Альфред Айе, Санто, как она его называет, ничем не примечательный коммерсант из Берлина, но он — человек, способный дать ей то душевное тепло, которого ей так не хватало. *«И чудо произошло, я вижу и встречаю его наяву, именно его, моего Санто. Я встречаю его в Асконе тогда, когда была мертва и слепа, и все казалось мне безразличным и никчемным. ...Открываю*

глаза — и мой живой Санто стоит передо мной. Он думает, старуха, видно, свихнулась, но это не важно... Я снова стала художником».

Они встречаются нечасто, но каждая такая встреча — праздник. А однажды они вместе едут в Италию — Рим, Перуджа, Сиена, Неаполь, и это было настоящее счастье.

Последние ее годы ей очень помогали супруги Диего и Кармен Хагман. Они жили в Цюрихе и имели деньги. Однажды они увидели ее работу на цюрихской выставке, картина им понравилась, и они решили познакомиться с ее автором. Марианна произвела на Хагманов огромное впечатление — и как человек, и как художник. Они покупали ее работы, писали ей письма, часто навещали ее в Асконе. Большую радость доставили ей встречи с братом Петром и племянницами Марией и Анастасией, которые приезжали к ней в Аскону.

А в 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер. И уже в 1934 году в Мюнхене, том самом городе, где родился «Синий всадник», открылась выставка «дегенеративного искусства». Там были они все — все члены «Синего всадника», все последователи Кандинского, а рядом висели и картины знаменитых французских художников.

В Германии оставаться стало страшно, и многие бежали из страны — кто в другие европейские страны, а кто и в Америку. Кандинский нашел убежище во Франции. В одном из писем вдове Марка он писал: «Если снова встретите Мари-

анну фон Веревкин, передайте ей мой привет. Я безмерно восхищаюсь ее смелостью и ее вечно молодой энергией».

А Явленский? Женильба на Елене не принесла ему счастья. Она никогда не понимала его искусство, духовно была от него далека, и радость ему приносил только сын Андрей. (Кстати, у Андрея оказались явные способности к рисованию, и Явленский много с ним занимался.). В 1934 году он наконец стал гражданином Германии, и в этом же году стал свидетелем выставки «дегенеративного искусства», где были выставлены и четыре его полотна. Что он тогда думал, можно себе представить. Он так долго хотел стать гражданином этой страны, и теперь, когда это свершилось, его новая родина объявила его искусство, все то, что он любил, вырождением!

Годы шли, Явленский слабел, его одолевал деформирующий артрит, и, вспоминая свою жизнь, он думал, что его страдания, его боли — Божья кара за «эгоистическое прошлое». Наверное, он каждый день вспоминал Марианну, годы, прожитые рядом с ней... В 1936 году он все-таки решился и попросил — через общего друга базельского коллекционера Карла Оберштега — у нее прощения. Простила ли она его? Наверное, да, ведь она была христианкой. Ответ ее был такой: «Я без горечи думаю о Явленском. Я все преодолела и ничего не могу заново возродить. Он стал для меня чужим, но я знаю, что он больной, несчастный человек, и потому молюсь за него».

*Алексей Явленский.
«Шоко
в широкополой
шляпе»*

Последний год своей жизни Марианна Веревкина провела в инвалидном кресле — работать она уже не могла.

Ее не стало 6 февраля 1938 года. (Явленский пережил ее не на много — он ушел их жизни 15 марта 1941 года.)

Перед смертью Веревкину посетил православный священник Иоанн Куракин, он причастил и соборовал ее. Для нее это было очень важно — к концу жизни она стала очень религиозна. В последний путь свою «нонну», бабушку, как называли ее тут, провожали почти все жители Асконы — она уже давно стала своим человеком в этом швейцар-

ском городке. Ее знали и любили... В процессии шли католический и протестантский священники, а колокола звонили, в знак уважения к почившей, по-православному.

Здесь, на кладбище маленького городка закончился земной путь большой художницы и большого человека Марианны Веревкиной. Но ее жизнь в искусстве продолжается, а совсем недавно, в 2010 году, в год ее 150-летия, в Третьяковской галерее состоялась ее персональная выставка — первая большая выставка Марианны Веревкиной на родине. И очень хочется думать, не последняя... □

САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

А.С. Пушкина...

*О судьбе и творчестве писательницы
А.О. Ишимовой*

...Многотрудная судьба Александры Осиповны Ишимовой не помешала ей в самореализации. Были моменты в ее жизни, которые изумляют «не женским» стоицизмом против невзгод. Трудности были под стать только крепкому, закаленному в жизненных перипетиях, здоровому мужчине...

Родилась эта изумительная женщина 25 декабря 1804 года, в «эпоху Пушкина», и это, наверное, тоже сыграло свою таинственную роль в ее жизненных устремлениях. Она

страстно, с юных лет, полюбила литературу. Страсть эта рано дала о себе знать — тайными пробами пера...

Но жил в это же время и печально известный царедворец Алексей

Аракчеев. Автор «военных поселений», за которые был проклят народным гневом. «Проект этот» принес людям невыносимые страдания. Сыграл он свою роль и в судьбе нашей героини...

Отец Сашеньки Ишимовой был адвокатом. И в одном из судебных процессов он выступил, не зная этого, против родственника всесильного вельможи. Реакция была мгновенной — неожиданная и жестокая. Адвоката вместе с семьей выселили из столицы, то есть из Санкт-Петербурга.

Так для семьи Ишимовых жизнь превратилась в скитания по городам и весям, по неприглядным захолустным городкам и селениям далекой российской провинции. В основном, правда, «по Русскому Северу»... по Архангельской, Вологодской губерниям.

Что было делать юной Сашеньке ?

Но девушка не впала в отчаяние, не опустила руки, решила не сдаваться во власть тяжких обстоятельств — занялась самообразованием.

И она, с огромной верой в себя, погружается в мир иностранных языков... Это, как оказалось, в крошечном городке Никольске, где тогда поселилась их семья, было делом весьма не простым.

Даже найти обычный словарь английского языка и грамматику оказалось проблемой... Но, как говорится, было бы желание... А желание, как известно, порождает тыся-

чи возможностей, в отличие от нежелания, которое, в свою очередь, порождает тоже тысячу — только причин и оправданий...

Все же раздобыла девушка английскую грамматику — но... она оказалась написанной на немецком языке, который девушка знала много хуже французского. Но ведь существовали словари... И бессонными ночами Сашенька проходит эти тернии — и очень быстро весьма прилично осваивает английский язык.

И вновь новое испытание обрушилось на их семью. Отцу девушки приходит из Петербурга предписание — переселиться в Соловецкий монастырь. В душе Саши все вскипает от этих несправедливых притеснений, которым подвергается ее отец. Собираясь в столицу, она только сказала родителям: «Еду в Петербург! Дойду до самого императора... брошусь в ноги и обязательно добьюсь правды для папеньки!»

И ей это удалось! Император разрешил отцу проживать в Архангельске. Сама Саша остается в столице... Теперь она почти еженедельно пишет письма в Архангельск, отцу и — всей семье. Но она не просто пишет письма. Она присылала любимому папеньке, которого очень любила и сострадала, страницы книги, которую решила перевести с французского... Книга «Искусство быть счастливым» И. Дроза предназначалась для отца, чтобы поддержать его морально и духовно. А затем Саша,

собрав все переведенные страницы, отправила перевод в редакцию.

Результат оказался ошеломляющим. Переведенную ею книгу не только напечатали, но и заплатили очень приличные деньги.

Так, немного спонтанно, девушка находит для себя способ зарабатывать, и главное, определяется в будущей профессии. Вскоре после этой книги выходят в ее переводах и другие. Перед начинающей переводчицей открылись двери аристократических домов, где она стала преподавать литературу и языки.

Однажды кто-то из знакомых, сказал:

— А почему бы вам, Александра Осиповна, не взяться и самой за сочинение... Вот, например, взять да и написать историю нашей России для детей. Сделал же подобное в Англии Вальтер Скотт для английских малышей — и как успешно!

Мысль эта мгновенно отозвалась в душе Ишимовой и она стала действовать. С детства любила она русского писателя Н.М. Карамзина, просто зачитывалась его «Историей государства Российского».

Книгу свою Александра Осиповна начала писать в 1834 году.

Написав более 25 рассказов, она решает показать свой труд известному тогда поэту и критику, профессору Санкт-Петербургского университета П.А. Плетневу. Слова одобрения очень благотворно подействовали на молодую писательницу — открыли и вдохновили...

— Непременно продолжайте — это замечательно! — горячо высказал свое мнение Петр Александрович: — Это начинание ваше очень нужно.

Тогда же профессор и пригласил ее посещать знаменитые «плетневские среды и воскресенья», где она познакомилась с Жуковским, Пушкиным, Баратынским, Гоголем, Крыловым и другими известными литераторами, критиками и музыкантами.

Долгих шесть лет работы ушло на написание книги. Она состояла из шести томов! В 1837 году, 27 января, перед дуэлью Александр Сергеевич читал первый том...

Отзывы на книгу превзошли все ожидания Александры Осиповны — они были восторженными! Книга выдержала шесть изданий и имела грандиозный успех.

Российская академия наук присудила Ишимовой одну из самых престижных премий того времени — Демидовскую — с выплатой автору 2,5 тысяч рублей.

Она продолжала трудиться. Потом выходит ее книга «Сокращенная русская история», ставшая учебным пособием для женских учебных заведений, «Рассказы из священной истории для крестьянских детей» и многие другие.

С 1842 года Александра Осиповна начинает, кроме писательской, заниматься и издательской деятельностью. Пробует издавать два журнала для детей — «Звездочка» и «Лучи», которые сразу же стали

популярны и любимы детворой. Успех окрыляет Ишимову...

Один из самых авторитетных критиков того времени Виссарион Белинский горячо отозвался о первом издании в своем обозрении «Русская литература в 1842 году».

В письме за границу, Василию Андреевичу Жуковскому, он писал: «... теперь уже два особых отдела выходят в этом детском журнале... Скоро первый отдел понадобится для Вашей дочери. Вы меня уведомите, когда она выучится читать по-русски. Я ей пришлю эту «Звездочку», от которой у нас все умненькие дети в восхищении».

Александра Осиповна отметила свой пятидесятилетний юбилей литературной деятельности. Ей было уже 76 лет в 1881 году, но она продолжала писать и издавать.

И все же, наверное, высшей похвалой ее незаурядному таланту было то, что Пушкин перед самой дуэлью, точнее, всего за несколько часов до нее, так зачитался ее «Историей», что не удержался — написал ей письмо, которое, как выяснилось, стало последним письмом в его жизни.

Он попросил ее перевести из английского поэта Барри Корнвалля для журнала «Современник», который редактировал и издавал.

Александр Сергеевич писал:

«Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, — переведите их, как умеете, — уверяю Вас, что переведете, как нельзя лучше. Сегодня же нечаянно открыл Вашу «Историю» в рассказе и поновле зачитался. Вот как надобно писать!»

Это, конечно, говорит и о том, как любил литературу и сам великий поэт, если смог забыть обо всем на свете — даже о дуэли! □

Татьяна Харламова

КАФТАН

С ЦАРСКОГО
ПЛЕЧА

В мастерской научной реставрации музеев Кремля работа никогда не прекращается — уникальные вещи, которые просто экспонатами и не назовешь, получают здесь «вторую жизнь». Это саккосы — одежды, снятые со святых мощей, захороненных в Успенском соборе, наряды русских князей и царских семей из собрания знаменитой Оружейной палаты

...Крутые виражи узких лестниц, и вот мы уже в верхней «светелке» Собора Двенадцати Апостолов, где находится реставрационный сектор тканей и одежды. На длинных столах расстелены ткани, история которых насчитывает несколько веков. К ним и прикасаться-то страшновато, ведь это подлинные одежды русских святых. И поэтому, сознавая ответственность, опытни-
шие мастера с великой осторожно-

стью оперируют ткань тончайшими иглами, пинцетами и шпателями.

Покров митрополита Петра реставрировали на моих глазах. Прежде чем начать работы, его упаковали в деревянные пяльцы. Это старое приспособление для вышивания выручает, когда ткань нужно обрабатывать иглой с двух сторон. Синий атлас поблек, настолько посеялся, что даже подумывали о его замене. Но реставраторы кропот-

ливу, миллиметр за миллиметром, с помощью специальных ниток вернули древний материал к жизни. На это ушло несколько лет.

Потом начали очистку жемчужной части покрыва, которая почернела от времени и окислов серебра.

— Такого уровня искусства шить жемчугом как на Руси, не достигли ни в одном государстве, — считает реставратор Ирина Качанова. — Дело это было исключительно женское. Мастерницы сверлили дырочки в крошечных жемчужинках, затем нанизывали их на нить и закрепляли на одежде. Вышивали и золотой нитью. Тончайшая золотая поволо-

ка накручивалась на шелковую нить, — каторжный труд.

В XVII веке только в одной царьцынской палате работали около ста вышивальщиц. Золотом и жемчугом расшивали и одежды, и головные уборы, и башмаки, и пояса.

Но особенно много жемчуга шло на церковные одежды. На украшение саккоса патриарха Никона, например, было израсходовано около шестнадцати килограммов жемчуга.

Современным реставраторам тканей приходится скрупулезно дублировать древнюю технику.

— С покрывом митрополита Петра пришлось немало повозиться, —

вспоминает Ирина Качанова. — Сначала чистили дистиллированной водой, потом специальными растворами. Стараемся употреблять как можно меньше химии. Когда очищенный жемчуг засиял, выявилось много осыпей, пришлось укреплять. А в заключение, чтобы законсервировать уникальную поверхность ткани, покрыли ее тончайшим газовым шелком.

С возрастом структура ткани, также как и человеческий организм, стареет. Перед реставраторами задача номер один — остановить этот процесс. Долгое время витрины в Оружейной палате освещались лампами дневного света. Оказалось, что ультрафиолет, который они излучают, разрушает экспонаты, ткани теряют цвет. Сейчас для каждого материала подбирается индивидуальное освещение. Таких нюансов, влияющих на сок жизни экспоната, — великое множество. Главное — не просто придать «свежий вид» ткани, а воссоздать ее в первоизданном авторском облике.

Поэтому в мастерской и отказались, несмотря на критическое состояние атласного фона покрыва митрополита Петра, от его замены. Здесь существует закон: «никаких новоделок».

С красками — особые проблемы. Нужны очень качественные красители. Долгое время мучились — ищут ткань в отечественной краске, повисит обновленный экспонат год, смотришь, а краска опять выцвела или облезла. Несколько лет

*Саккос митрополита
Алексия*

*Одеяние московского
митрополита Филиппа*

назад выручила швейцарская фирма. Узнав о трудностях реставраторов, прислали красители всех оттенков. Денег не взяли — все-таки заказ престижный, из Оружейной палаты, крупнейшего музея мира...

Восстановление одежды — один из самых сложных видов реставрации. Потому что ткань — смесь разных материалов: здесь золотая нить и серебро, эмаль и жемчуг, кожа и драгоценные камни. А всякий материал на историческом экспонате требует своего подхода.

От саккоса митрополита Алексея пришлось отпороть сотни крошечных серебряных изображений гробниц, украшавших одежду. После того как саккос привели в порядок, каждое украшение водворяли на место. Ювелирная работа.

Когда ткань очищают от поздних наслоений, перед глазами реставраторов проходит целая энциклопедия жизни. Каждый новый слой говорит о быте того времени, людях, их представлении о красоте и вкусе.

На одном из саккосов оказались поздние нашивки из желтого шелка. Собрали реставрационный совет, чтобы решить: убрать или оставить? Решили все-таки убрать и не ошиблись. Наряд обрел гармонию: малиновое поле оторочено серыми опоясками.

Несколько лет назад вскрыли раку московского митрополита Филиппа в Успенском соборе. У этого святого трагическая судьба. Он имел мужество открыто выступить против тирании Ивана Грозного и был задушен Малютой Скуратовым. Одежду, в которой был похоронен святой, церковь доверила кремлевским реставраторам, и те считают это большой честью.

Дело в том, что саккос митрополита Филиппа был «построен», как раньше говорили, из очень красивой ткани, которой сейчас уже не существует ни в природе, ни в производстве. А на подсаккоснике из крашеного льна застыли кусочки воска, ведь святые мощи бальзамировали...

— Я сначала пребывала в полной растерянности, — рассказывает Ирина Михайловна. — Имею ли я право прикасаться к воску? Ведь это святая. Счищаю воск, чтобы привести в порядок одежду, а сама мучаюсь. Хорошо, приехал священнослужитель из храма митрополита Филиппа и забрал эти крошечные кусочки воска. Они хранятся в храме как священная реликвия. Теперь я спокойна...

Реставрируя саккос митрополита Алексея, который в XIII-XIV веках поддерживал объединительную политику московских князей и фактически возглавлял московское правительство при малолетнем князе Дмитрии Донском, Ирина Качанова была потрясена. По ее словам, это безумно увлекательная работа, которая сулит немало научных исторических открытий. На ее основе можно писать книгу об эпохе Ивана Калиты.

Но не только одежды святых реставрируются в уютной «светелке» и в других «кельях» музеев Кремля. Саккосы — это долгосрочная длительная работа. А есть и «текучка». Например, кафтан Петра Великого принесли из Оружейной палаты — темно-бирюзовое сукно, расшитое золотыми кружевами, тронула моль.

Даже не верится, что кафтан «с плеча» самого Петра, так как выглядит он вполне изящным. Может, «сжался» от времени? После реставрации кафтан экспонировался в Голландии.

Ирине довелось реставрировать и коронационное платье Елизаветы Петровны — красивое, строгое, все из серебра, с длинным шлейфом.

А однажды, когда смотрели очень старый кафтан, который носил знатный дворянин в XVI веке, из-под подкладки вдруг выскочила записка. На тонком пергаменте сообщалось, что кафтан смотрели и латали в XVII столетии. Кто это был — первый из реставраторов, портной? Теперь уже не важно. Главное — его голос услышали потомки... □

*Кафтан Петра I.
Тот самый, из темно-бирюзового
сукна с золотыми кружевами*

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

КАДР

Скажу вам сразу — смерть такой крупной шишки, как Дэвид Старбак, шума наделала изрядного. Во всяком случае, газеты раструбили об этом на весь Голливуд, особо отметив, что убийство — если, конечно, это было убийством, — так и осталось нераскрытым. Естественно, при таком раскладе в полиции ничуть не удивились, когда к ним хлынул поток желающих сознаться в том, что это их работа — мало ли на свете психов, мечтающих прославиться?

С другой стороны, все эти «явки с повинной» вызвали у детективов легкое недоумение, поскольку, с их точки зрения, они имели дело со стопроцентным самоубийством. И когда Уолт Свенсон заявил, что собственно-ручно разделался с Дэвидом Старбаком, никто ему не поверил именно по этой причине. Нет, показания Уолта они, конечно, проверили, ну и что с того? Нашлось как минимум тридцать свидетелей, подтвердивших, что весь вечер того дня он просидел в баре «Вилла-Лома» на Сансет-стрип, где наша компания обычно собиралась после работы пропустить по стаканчику, перекусить спагетти и поболтать.

К тому же, полиция привыкла опираться на факты. А все факты указывали на то, что Старбак сам запер изнутри дверь ванной своей роскошной виллы в Палм-Спрингс, улегся на розовый кафельный пол, подложив под голову коврик, вскрыл себе вены на запястьях и тихо отошел в мир иной.

И когда Свенсон явился в участок и сделал свое признание, один из тамошних остряков в ответ на это даже пошутил: «Мистер, видать, у вас была чертовски длинная бритва».

Короче говоря, долго возиться с Уолтом они не стали, только на всякий случай занесли его в свою картотеку как «лицо со странностями», а потом вежливо посоветовали не морочить голову занятым людям и проваливать. Так что, похоже, я — единственный, кто знает, что Уолт ничего не выдумывал, потому что не поленился выслушать всю его историю от начала до конца. Тем более, что я и с Дэйвом Старбаком был знаком — встречались несколько раз по работе.

Сказать, что Дэйв пользовался всеобщей любовью и обожанием, значило бы выиграть конкурс на самое глупое высказывание года. В Голливуде разного жулья всегда хватало, но по сравнению с большинством представителей этой породы Старбак был, что называется, чемпионом в тяжелом весе. Он появился в конце 30-х буквально из ниоткуда и почти сразу же приобрел репутацию пройдошливого и беспринципного торгаша — во всяком случае, после знакомства с ним у многих именно такое впечатление и складывалось. А вместе с ним возникало смутное подозрение, что Дэйву пришлось перебраться на Западное побережье отнюдь не по своей воле, причем в темпе, поскольку на Восточном он был замешан в разных нечистоплотных делишках. Подозрение это, надо сказать, имело под собой веские основания. Например, у Дэйва была гадкая манера торговать тем, что ему не принадлежало. Попав в Голливуд, он вскоре обнаружил, что этот трюк может принести немалую выгоду, и начал с того, что, выдав себя за писателя, продал чужую книгу и захапал половину гонорара у лопуха, который в действительности ее написал. А заработав еще и на продаже прав на экранизацию, понял, что наткнулся на золотую жилу, и с тех пор не мог остановиться. Точнее, ничто не могло его остановить.

К концу войны Старбак уже был вторым человеком на киностудии «Уорлд-Американ», жил в Бель-Эйр с четвертой по счету женой и быстро поднимался по служебной лестнице благодаря своей уникальной способности хитро и в то же время безжалостно манипулировать людьми, обладавшими большим талантом, но не умевшими за себя постоять.

Впрочем, я забегаю вперед. Давайте-ка чуть-чуть вернемся в прошлое, на одну-две жены назад. Кстати, мы никогда не знали, на ком он был женат на Востоке. Первую его жену никто в глаза не видел. Зато вторую он увел у Уолта Свенсона. Сейчас Уолта мало кто помнит, но в то время он считался одним из лучших операторов Голливуда, и кое-кто из звезд старшего поколения даже не соглашался подписывать контракт на картину, если его не было в съемочной группе. Потихоньку он начал ставить фильмы сам и, наверное, стал бы отличным режиссером... если бы не пристра-

стился к бутылке. В трезвом виде Уолт был душой любой компании, но стоило ему выпить, как он превращался в жуткого пошляка и скандалиста, которому море по колено. Года два его выкрутасы еще как-то терпели, а потом по студиям пополз слухок, что нанять его — это верный способ потерять деньги из-за простоя, и немалые. После этого шансов получить приличную работу в кино у Уолта не оставалось практически никаких. Впрочем, один со временем все же подвернулся — его взял... кто бы вы думали? Правильно, Дэйв Старбак. Но сделал он это, предварительно заключив с Уолтом довольно странное соглашение.

— Старина, пойми меня правильно, — сказал Дэйв, — но давай определимся с самого начала. На работу тебя брать никто не хочет, потому что ты алкаш, верно? Верно. Так вот, у меня к тебе предложение. Я тебя беру и плачу по обычным расценкам, но свои деньги ты получишь в тот день, когда мы закончим съемку. Все до последнего цента. Если только не начнешь пить. Стоит тебе хоть раз надраться, и гонорар сокращается наполовину. Попадешься снова — до двадцати пяти процентов. Это все, что я могу тебе предложить. Хочешь — соглашайся, хочешь — нет.

Уолт подумал... и согласился — ведь жить-то на что-то надо.

На третью неделю съемок Старбак нанял безработного сценариста, чтобы тот пригласил Уолта на ленч и как следует подпоил. А потом появился на съемочную площадку, подошел к Уолту, шумно принялся и с довольной улыбкой объявил:

— Поздравляю, старина! С этой минуты ты в минусе на пятьдесят процентов.

Уолта это известие сразило наповал, и он ударился в недельный запой. А когда наконец оклемался и снова вышел на работу, Старбак наорал на него, заплатил какие-то жалкие гроши и вышвырнул на улицу. И тогда... на что только не решишься от отчаяния... Уолт послал к нему свою жену, чтобы она упростила взять его обратно.

— Послушай, дорогуша, — сказал ей Старбак, — чего ты от меня хочешь? У нас с ним был уговор, так что...

— Да, конечно, Дэйв, ты абсолютно прав, — согласилась жена Свенсона, — но... Понимаешь, сейчас у Уолта трудная полоса, но ведь специалист он отличный! Халтурить просто не умеет. И для тебя хорошо постарался, разве нет?

Старбак усмехнулся и окинул ее пристальным взглядом. Мирна Свенсон была настоящей красавицей с великолепной фигурой и длинными стройными ногами, к тому же намного моложе Уолта.

— Послушай, милочка, — сказал он, — неужели ты не чувствуешь себя какой-то дешевкой, когда тебе приходится вот так бегать по городу и вы-

клянчить подачку для одного из «бывших», вроде твоего муженька? Самой-то не противно? По-моему, ты заслуживаешь лучшей участи. Внешность у тебя что надо, а про твой талант все знают. Тебе бы вернуться в кино, снова начать сниматься. Почему бы нам не забыть про старину Уолта и про этот дурацкий, никому не нужный уговор? Тем более, что он сам же его и нарушил. Кроме себя ему винить некого. Что, если я дам тебе роль в моей новой картине? Для начала небольшую, но деньги будут хорошие, обещаю. Ну так как?

Что ж, когда ты бывшая «девушка по вызову», тебе хочется сниматься и при этом ты замужем за человеком на двадцать лет старше, за которого вышла лишь потому, что он вовремя протянул тебе руку помощи... то от такого предложения отказаться трудно. Опуская неприятные подробности, скажу только, что не прошло и полгода, как Мирна бросила Уолта и ушла к Старбаку.

Беднягу это добило окончательно, и он покатился по наклонной плоскости. И уж, конечно, больше не снял ни одного фильма — об этом и речи быть не могло, потому что Уолт начал пить так, что от одного его вида и бывалых-то любителей промочить горло в дрожь бросало. Скорее всего, именно тогда ему впервые пришла в голову мысль отомстить Старбаку, проще говоря — убить его. Понятно, что он не был ни первым, ни единственным, кто с удовольствием отправил бы Дэйва на тот свет, но одно я знаю точно — в списке претендентов на это благое дело Уолт стоял первым.

У психологов есть такая любопытная формулировка: «Мысль о действии приравнивается к самому действию». То есть, если у человека возникло какое-либо порочное желание — допустим, овладеть женщиной против ее воли или совершить убийство, то, считай, он уже это сделал, даже если никогда и не претворит свои замыслы в жизнь. Впрочем, лично я бы с этим поспорил, потому что если бы дело обстояло действительно так, то в смерти Дэвида Старбака можно было бы обвинить пол-Голливуда. Но послушайте, как это провернул Уолт.

После ухода Мирны он уже дошел до того, что не годился ни в режиссеры, ни в операторы, однако с помощью «Анонимных алкоголиков» ему удалось на какое-то время слегка притормозить. Правда, до этого он успел пропить все, что имел, и чтобы как-то заработать на пропитание, брался за любую работу. Один старый приятель подыскал ему местечко в «Консолидейтед филм сервис» — фильмотеке студии «Консолидейтед». Работала она по такому принципу — например, если какому-нибудь богатому продюсеру хотелось на досуге посмотреть кино, его секретарше достаточно было позвонить в фильмотеку и заказать копию нужной кар-

тины для показа в его личном кинозале. Так сказать, развлечение с доставкой на дом. И когда Уолту Свенсону однажды велели доставить очередной фильм Старбаку в Бель-Эйр, он пришел к выводу, что судьба сыграла с ним очень злую шутку.

А потом узнал, что у Старбака язва. Всего-то обрывок разговора, случайно подслушанного в каком-то баре, и у Уолта глаза загорелись от одной только мысли о возможности отомстить. Значит, подумал он, этому бездушному мерзавцу все-таки тоже может быть плохо?! Значит он тоже может мучиться и страдать — от боли, от каких-то своих тайных страхов? С удовольствием отметив этот факт, Уолт, тем не менее, решил не спешить. Сделал вид, что это просто очередная новость, — да, приятная, но и не более того. Разумеется, от своих намерений он отказываться не собирался, однако в тот момент просто не представлял, с какой стороны подобраться к Старбаку.

Окончательный план созрел у него лишь год спустя, когда он прочел в «Голливуд репортер» заметку о том, как рекламная фирма из Нью-Джерси провела эксперимент по воздействию на потенциальных покупателей с помощью так называемого «двадцать пятого кадра». На одном из сеансов в кинотеатре был показан обычный фильм, однако пленка была, что называется, «с секретом» — каждый двадцать пятый кадр представлял собой картинку с названием прохладительного газированного напитка, которое при просмотре не воспринималось глазом, но напрочь застревало у зрителей в подсознании, вызывая «эффект запоминания». В тот же вечер спрос на шипучку резко подскочил по всему району.

Вот тогда-то Уолт и решил, что пришло время рассчитаться с Дэвидом Старбаком за его старые грехи по полной программе — если даже не убить, так хотя бы заставить помучиться. Сначала он изготовил две маленькие карточки размером с кинокадр: на одной белыми буквами на черном фоне было написано: «ДЭВИД СТАРБАК, ТЫ — ДРЯНЬ!», на другой — «ДЭВИДА СТАРБАКА НЕНАВИДЯТ ВСЕ!» Потом одолжил у приятеля портативную кинокамеру, отснял обе карточки, вставил позитивы в рамки из-под слайдов, положил их в бумажник и принялся ждать.

Секретарша Старбака позвонила через неделю. Выслушав новый заказ, Уолт достал фильм с полки, уселся за монтажный стол и быстро вклеил оба своих «двадцать пятых кадра» в два получасовых фрагмента.

Что было дальше? А вот что — несмотря на то, что в тот вечер Старбак заказал комедию, настроение у него после фильма почему-то резко испортилось. И это при том, что особой впечатлительностью он никогда не отличался — напротив, о его толстокожести ходили легенды. Однако не тут-то было. Подвергнувшись «нападению» на подсознательном уровне и

в то же время будучи не в состоянии дать отпор в какой-либо привычной для него форме, Старбак погрузился в глубокую депрессию.

Разумеется, на первых порах у Уолта не было никакой возможности узнать, сработал ли его план, но постепенно до него начали доходить слухи, свидетельствующие о том, что его удары достигают цели — Старбак взрывается по малейшим пустякам... Старбак орет на подчиненных... Старбак чуть не набросился на актера с кулаками... Потом стали появляться и заметки в газетах — о его поспешном отъезде в отпуск... об участвовавших визитах к врачам... о внезапных вспышках ярости на совещаниях... Подлинную причину всех этих нападений, свалившихся на голову Старбака, знал один Уолт. И в течение целого года он каждую неделю посылал в него свои невидимые отравленные стрелы.

«СТАРБАК, ТЫ — НИЧТОЖЕСТВО!»

«ДЭЙВ, ТЫ НИ ЧЕРТА НЕ СМЫСЛИШЬ В КИНО!»

«СТАРБАК, ТЫ ТЯЖЕЛО БОЛЕН!»

По понедельникам, когда бобины с фильмами возвращались к Уолту, он вырезал кадры со своими «посланиями» и склеивал пленку по новой. Чтобы не оставлять никаких улик.

«СТАРБАК, ТЕБЕ ИЗМЕНЯЕТ ЖЕНА!»

«ДЭВИД СТАРБАК — ПОЛНЫЙ ПРИДУРОК!»

«СТАРБАК, ТЫ ХУЖЕ ВСЕХ!»

Постепенно, шаг за шагом, Старбак, не знавший, на кого выплеснуть свое раздражение, приблизился к той опасной черте, когда уже перестанешь обращать внимание на такую важную вещь, как отношения с начальством. А в Голливуде, доложу я вам, как бы высоко вы ни поднялись, все равно всегда есть кто-то, стоящий выше вас — к примеру, владелец киностудии, совет директоров, общее собрание акционеров... короче, всех не перечислишь. Однажды на вечеринке он обхамил директора нью-йоркского филиала «Уорлд-Американ», и с этого момента его карьера пошла под гору, хотя поначалу этого никто не заметил.

Более подходящего момента для нанесения решающего удара нельзя было и пожелать, и когда Старбак заказал очередной фильм, Уолт вклеил туда кадр с надписью: «ДЭЙВ, ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ НЕ ПОКОНЧИТЬ С СОБОЙ?»

А через неделю еще один: «ДЭЙВ, ПОРА УМЕРЕТЬ. ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД».

После этого Старбак продержался еще два месяца. Нервы у него и так были ни к черту, а когда у человека нет даже друзей, к которым можно обратиться за сочувствием (откуда у такого типа друзья?), он быстро теряет голову. В середине сентября Старбак приехал к себе в Палм-

Спрингс, весь день провалялся на солнце у бассейна, выпил бутылку виски, а что произошло потом, вы уже знаете — он заперся в ванной, лег на пол, опасной бритвой перерезал себе вены на запястьях и медленно истек кровью.

Что же касается Уолта, то вскоре он запил снова. Я бы не стал вам ничего рассказывать, но вы, наверное, и сами читали в газетах, чем все это кончилось — однажды вечером бедняга пришел в фильмотеку пьяный в стельку и вырубился. И, скорее всего, с непотушенной сигаретой, потому что той же ночью фильмотека сгорела дотла. Вместе с Уолтом. А за пару недель до этого мы случайно столкнулись с ним в баре «Вилла-Лома», и когда я его угостил, он выложил мне все как на духу.

Да, человек он был, бесспорно, талантливый. «Двадцать пятый кадр». Надо же было до такого додуматься! Но я-то сейчас думаю совсем о другом — поди угадай, какая еще блажь могла бы взбрести ему в голову... скажем, после третьего стакана? А вдруг он бы затаил обиду на весь Голливуд? Или на все Соединенные Штаты Америки? Представляете, во что бы это могло вылиться? Так что во всей этой грустной истории меня утешает только одно — как же все-таки хорошо, что Уолт не работал на телевидении. □

Перевел с английского
Дмитрий Павленко

Владимир Силкин

Бабочка

Холодно и темно,
Тускло мерцает лампочка.
Бабочка бьется в окно,
Бабочка.

А на дворе апрель,
А над кроватью рамочка.
Стынет твоя постель...
Мамочка!

Скажете, ерунда,
Спит в это время бабочка.
Только вот не всегда...
Мамочка!

Голуби

Словно звездочки, в небо взошли,
И порхают себе, и порхают,
От людей и от грешной земли
В поднебесье своем отдыхают.

А когда возвратятся назад,
В этом мире изменится что-то,
Лишь останутся эти глаза,
Потрясенные счастьем полета.

Буду слушать молчание птиц,
Ведь и этому надо учиться.
Нет на свете красивее лиц,
Чем лицо, осененное, птицы.

Вон воркует на крыше она,
Вон как сердце счастливое бьется!
Что же нам-то с тобою, жена,
Эта радость никак не дается?

Что ж не можем, как птицы, взлететь,
Что ж не можем земле улыбнуться?
Мы же можем с тобой не успеть
И до старости в детство вернуться.

Ох, как сладко воркует сизарь,
Посвященный на небе во что-то,
И смеются, искрятся глаза,
Потрясенные счастьем полета.

* * *

Незачем счастье испытывать.
Есть оно, вот и держи.
Только старайся подпитывать
И очищать ото лжи.

Много вокруг увивается
Тех, кому счастье, как грех.

Счастье, оно добывается
И не бывает у всех.

В счастье порою не верится,
Как в долгожданную весть,
Только вот если им делятся,
Значит, оно еще есть.

В день рождения

Ждал друзей, но оказалось,
Что друзей-то не осталось.
Разбросало по земле,
Поизнежило в тепле.

Ну а тот, кого считал
Я врагом, врагом не стал.
Отыскал нежданно дом
И напомнил о былом.

— Поздравляю! Извини!
Если можешь, не гони...

— Заходи, — сказал ему, —
Что приперся, не пойму?!

Посидели, все сказав,
Я вдруг понял, был не прав.

Я сказал: «Не уходи,
Все, что было, — позади!»

Ждал друзей, но оказалось,
Что врагов-то не осталось.

До белых туманов

До белых туманов снега и ручьи,
До белых туманов черемух кипенье,
До белых туманов с тобой мы ничьи.
До белых туманов набраться б терпенья.

Они поплывут, упиваясь зарей,
Они поплывут даже против теченья,
Они поплывут, утопая порой.
Куда поплывут? Не имеет значенья!

До белых туманов каких-то сто дней,
До белых туманов прожить бы без боли.
До белых туманов, рыбачьих огней,
До белых туманов, сгорающих в поле.

* * *

Надеюсь на письма, которых не вручат,
На слезы, которые я не увижу,
На слово, которым тебя не обижу,
Надеюсь на глупость, надеюсь на случай.

А раньше считал это блажью и вздором,
Приписывал светлые чувства капризам,
Не верил, что ласточки, сев над карнизом,
Быть заняты могут большим разговором.

Жалею, что мы не смогли примириться,
И чувства доверив попутному ветру,
С тобой разлетелись по белому свету,
Чтоб вить свои гнезда, как вольные птицы.

Надеюсь на встречу, которой не видеть,
На ласковый взгляд, что отменит разлуки,
На самые смелые чуткие руки,
На то, что прощенье когда-нибудь выйдет.

Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но все же — надеюсь. Живу и надеюсь.

Денис Логинов

ТЕМНАЯ
СТОРОНА

ЧАРЛЗА ДИККЕНСА

Великий английский писатель позапрошлого века, двухсотлетие со дня рождения которого планета отмечает в этом году, как и все гениальные люди, был человеком сложным и неоднозначным. Наряду с талантом и множеством положительных качеств в нем уживались и не совсем хорошие. К примеру, дома Диккенс был деспотом. Или другой факт, едва ли характеризующий его с положительной стороны — он соблазнил женщину, которая годилась ему в дочери

Очень богатый и еще более знаменитый, большой любитель выпить, поволочиться за женщинами, обладатель очень вспыльчивого характера... Это все о нем, о Чарлзе Диккенсе, которого с полным правом можно назвать Дэвидом Бекхэмом своих дней. Он любил бедных и немощных, униженных и оскорбленных, причем, так сильно и так искренне. Однако по отношению к родным и близким мог проявлять поразительное бездушие и черствость. В довершение ко всему он еще и постоянно изменял жене.

Бедный юноша, переехавший с семьей из Портсмута в столицу, он бродил по грязным лондонским улицам, кишевшим мошенниками и пьяницами и, как губка, впитывал в себя жизнь британской столицы. Разбогатев и став знаменитым, Чарлз Диккенс больше всего любил развлекаться в самых грязных и бедных районах Лондона, где он чувствовал себя в своей тарелке.

Клер Томалин, автор книги «Жизнь Чарлза Диккенса», которая полтора десятилетия изучала жизнь великого английского писателя, считает, что это был очень разноплановый человек, способный на необыкновенную доброту к совершенно незнакомым людям и на такую же за-

предельную жестокость по отношению к самым близким.

Ранняя жизнь Чарлза, родившегося в 1812 году в Портсмуте, была вполне счастливой. Но в возрасте 10 лет его семья переехала в лондонский Кэмден, где все быстро изменилось в худшую сторону. Семья ютилась в крохотной и неотапливаемой квартире. Вскоре Джона Диккенса, отца Чарлза, бросили в тюрьму за долги. Это событие оставило глубокий след на всей последующей жизни будущей знаменитости.

Чарлз Диккенс стал главой семейства, оставшегося ни с чем и без средств к существованию. Все небольшие пожитки забрали в счет погашения долгов Диккенса старшего.

В 12 лет Чарлзу пришлось бросить школу и пойти работать на обувную фабрику. Больше всего он боялся крыс, прятавшихся в подполье и кишевших на берегах Темзы. В пятнадцать он работал посыльным в конторе стряпчего. Работа показалась ему скучной, и он освоил стенографию и устроился парламентским корреспондентом в *Morning Chronicle*, где со временем начал зарабатывать 5 гиней в неделю. Прошло совсем немного времени, и Чарлз Диккенс стал самым известным писателем планеты.

Переход из грязи в князи был стремительным. Богатая жизнь пришлась Чарлзу по душе. Ему нравилось ходить в дорогих костюмах, жить в ком-

фортабельном просторном доме и путешествовать по Европе и за океан.

Если с творчеством у Чарлза Диккенса все было в полном порядке, то о личной жизни сказать то же нельзя. На Кэтрин Хогарт, которая была на три года моложе и которая родила ему десять детей, он женился за несколько дней до выхода первой главы «Посмертных записок Пиквикского клуба». К жене, которая после стольких родов сильно поправилась и подурнела, он со временем охладел. Чарлз не скрывал, что ему не нравится ее полнота, и открыто называл ее уродиной. С годами его характер становился все хуже, и Кэтрин с детьми все чаще приходилось терпеть вспышки его гнева.

Отличительной чертой творчества Чарлза Диккенса было обилие отрицательных героев. С одной стороны, конечно, время было такое, но с другой, он нередко наделял литературных негодяев своими пороками.

Чарлз Диккенс много лет помогал проституткам и вместе с филантропом Анжелой Бардетт-Куттс даже открыл для них пансион «Ура-ния». Но, кроме доброты и желания, наверняка, искреннего, помочь, у него была и другая, куда менее положительная причина искать общества женщин легкого поведения. Так же, как подавляющее большинство мужчин в XIX веке, Диккенс пользовался их услугами. В те времена считалось, что регулярная по-

ловая жизнь способствует «сексуальной гигиене».

Чарлз Диккенс много лет был поклонником сигар и коктейлей с джином. Не удивительно, что эти увлечения, а также работа на износ и двойная жизнь, о которой будет рассказано ниже, со временем начали сказываться на его здоровье. 8 июня 1870 года у него во время работы в кабинете Гэдсхилла произошло кровоизлияние в мозг. По другой версии, удар случился в доме у любовницы, и Диккенса без сознания привезли тайком на наемном экипаже в Гэдсхилл.

На следующий день Чарлз Диккенс скончался в возрасте 58 лет. У постели умирающего гения находилась не жена Кэтрин, с которой он к тому времени давно расстался и которая превратилась в одного из его главных врагов, а две другие женщины: Джорджина Хогарт и Эллен «Нелли» Тренан, которые сыграли в его жизни огромную роль.

Посмертное желание Диккенса — быть похороненным около Рочестера Кэсл было проигнорировано. Он покоится в Вестминстерском аббатстве, месте захоронения самых знаменитых британцев.

ТО ЛИ ЖЕНЩИНА, ТО ЛИ РЕБЕНОК

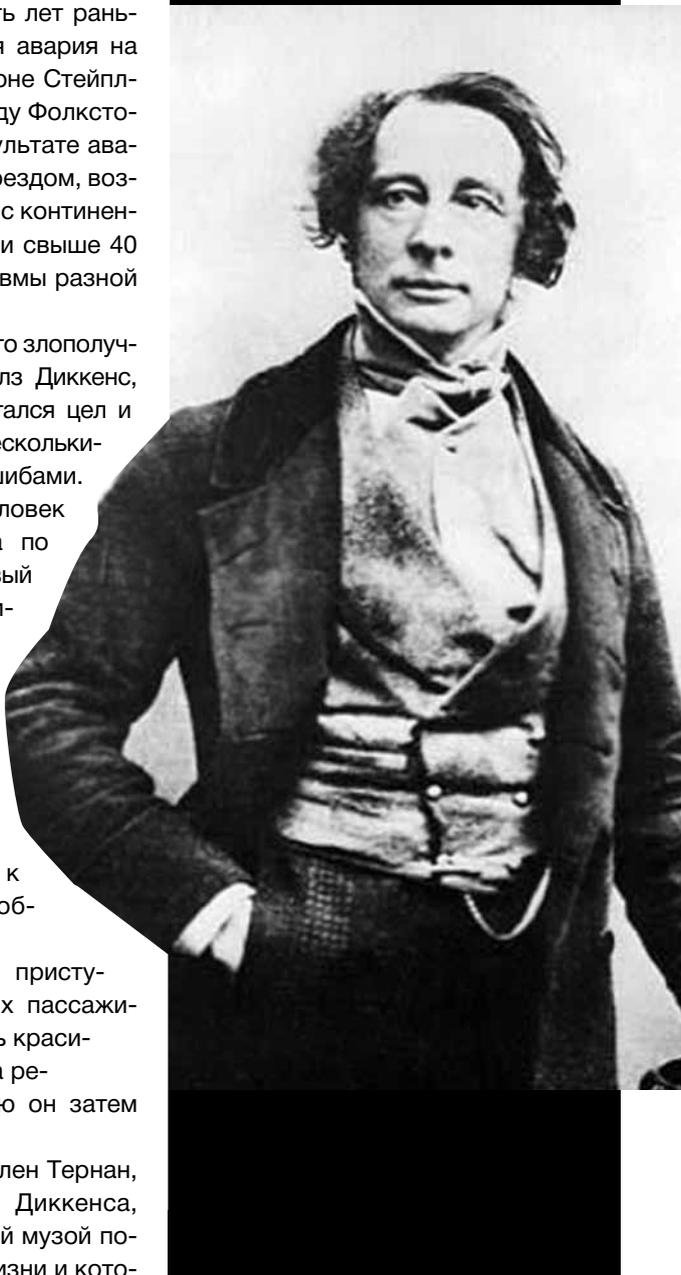
9 июня 1865 года, по иронии судьбы в день смерти Чарлза Диккенса от

инсульта, только на пять лет раньше, произошла крупная авария на железной дороге в районе Стейплхерста, на полпути между Фолкстоном и Лондоном. В результате аварии, произошедшей с поездом, возвращавшимся в Англию с континента, погибли 10 человек и свыше 40 получили ранения и травмы разной тяжести.

Среди пассажиров того злополучного поезда был и Чарлз Диккенс, который, к счастью, остался цел и невредим и отделался несколькими незначительными ушибами. Великий писатель, человек по природе смелый, а по телосложению худощавый и невысокого роста, принял самое деятельное участие в спасательных работах. Он выдал стекло в вагоне первого класса, протиснулся в него и помог выносить раненных и даже подносил к губам попутчиков собственную флягу с виски.

Однако прежде чем приступить к спасению других пассажиров, Диккенс спас очень красивую и очень похожую на ребенка девушку, которую он затем отправил в Лондон.

Это была актриса Эллен Тернан, возлюбленная Чарлза Диккенса, которую он считал своей музой последние 13 лет своей жизни и кото-

рая разрушила его брак. Несмотря на то, что ей в то время было 26 лет, она действительно была похожа на маленькую девочку.

О теплых, мягко говоря, отношениях между Диккенсом и Тернан, не говоря уже о совместной поездке

во Францию практически никто не знал. Главную любовь своей жизни Чарлз держал до последних своих дней в строжайшей тайне. В отличие от некоторых своих друзей-писателей, таких, например, как Теккерей и Коллинз, которые открыто бросили вызов чопорной морали викторианской эпохи, Чарлз Диккенс, очевидно не хотел портить, как сейчас говорят, свой имидж. Конечно, и Теккерей с Коллинзом были известными писателями, но они не шли ни в какое сравнение с Чарлзом Диккенсом, главным наряду с Уильямом Шекспиром, пожалуй, столпом английской литературы. Возможно, Диккенс боялся за свою репутацию, возможно, не хотел ранить чувства своих многочисленных детей. Не исключено, что существовала и еще какая-нибудь причина скрытности, но как бы то ни было, отношения между Чарлзом Диккенсом и Эллен Тернан, которую он называл Нелли, литературным детективам после его смерти пришлось восстанавливать по крупицам. До сих пор полной ясности в них нет.

Познакомились Чарлз и Эллен на почве общего увлечения — театром. Тернаны были известной в Великобритании театральной семьей — кроме Эллен, в театре играла ее мать и две младших сестры. Чарлз Диккенс тоже был с детства неравнодушен к театру. В зрелые годы он не только писал пьесы, но и играл в них. Так, во время постановки одной

Кэтрин Хогарт

из пьес Уилки Коллинза — «Замерзшей бездны» он, уже знаменитый 44-летний писатель, и познакомился с 18-летней Эллен, то ли девушкой, то ли ребенком.

Через несколько недель их пути вновь пересеклись на сцене. На этот раз они вместе играли в Манчестере в одном из фарсов, в котором Чарлз, стареющий дядя-опекун, влюбляется в свою юную подопечную.

После спектакля с таким сюжетом между ними, конечно, не мог не начаться роман. По крайней мере, его возникновению способствовал

не только содержание пьесы, но и, конечно, личные обстоятельства Диккенса. К тому времени он сильно устал от семейной жизни и нелюбимой жены, у него начался кризис среднего возраста. Не удивительно, что в такой ситуации он разглядел в совсем еще юной Нелли, полном антиподе обрюзгшей и подурневшей Кэтрин, свою музу.

Формально семья Диккенсов распалась из-за... золотого браслета. Через некоторое время после знакомства Чарлза и Эллен, когда Кэтрин уже начала подозревать супруга в измене, в дом Диккенсов доставили из одной из лондонских ювелирных фирм футляр с красивым золотым браслетом. Ювелир, получивший заказ от Чарлза Диккенса и предположивший, что украшение предназначено для миссис Диккенс, отправил его в дом клиента.

Радость Кэтрин оказалась непродолжительной. В футляре лежала карточка, в которой говорилось, что браслет предназначен «для моей любви Нелли».

Конечно, Кэтрин Диккенс, в девичестве Хогарт, родившая Диккенсу кучу детей, сильно расстроилась, хотя и знала, что он ее давно разлюбил. Она без труда догадалась, о какой Нелли идет речь. Кэтрин, кстати, Тернаны не понравились еще при первой встрече.

Когда Чарлз вернулся домой из одного из своих многочисленных туров с чтениями, Кэтрин потребовала

объяснений. Он заявил, что отношения между ним и Нелли носят чисто платонический характер и что в театральной среде принято дарить подарки ведущим актрисам театров, какой и является мисс Эллен Тернан.

История с браслетом разрушила последнее, что связывало Кэтрин с мужем. Дружья семьи стали замечать, что Кэтрин начала пить. Чарлз выложил посередине спальни комнаты кирпичную стену и полностью отделился от жены. Через год семья Диккенсов распалась. Чарлз снял бывшей супруге дом в Кэмдене, куда она перебралась со старшим сыном, Чарлзом Диккенсом младшим. Остальные дети остались с отцом, который, кстати, запретил им общаться с матерью. За двенадцать лет между их расставанием и его смертью он написал ей лишь три коротких письма, да и те были ответами на ее вопросы о детях. Чарлз даже не явился на похороны сына, чтобы не встречаться с бывшей женой, с которой он после расставания, мягко говоря, не ладил.

Его месть жене, конечно, имела объяснение — он чувствовал за собой вину за любовь к Нелли.

Известие о разрыве вызвало громкий скандал. Жена и теща намекали, что Чарлз Диккенс — изменник, но открыто говорить об этом боялись. Диккенс объяснял друзьям, что их семейная жизнь давно дала трещину и что у них с женой несомнимые характеры.

Он напечатал в своем журнале «Домашнее чтение» объяснение расставания с женой, в котором утверждал, что слухи относительно его романа на стороне (с Нелли или Джорджиной, что Диккенс, естественно, не уточнял), не имеют под собой никаких оснований, а разрыв объяснял несносным характером жены.

Диккенс разослал это заявление по редакциям газет, в т.ч. и Times, и многие его напечатали. Из-за него он, кстати, рассорился со своими издателями Брэдбери и Эвансом, которые не напечатали письмо в журнале Punch, посчитав его неподходящим для сатирического издания.

Чарлз Диккенс купил для Нелли маленький коттедж в Слоу, где они встречались вдали от глаз любопытного лондонского высшего света. Они вместе путешествовали, когда это было возможно. Наверняка у них было любовное гнездышко и где-нибудь во Франции.

Кое-кто из биографов Диккенса считает даже, что Нелли родила ему ребенка, хотя доказательств этого нет.

Огромное по тем временам состояние — 90 тысяч фунтов стерлингов Диккенс поделил между детьми и благотворительными фондами. Эллен Тернан он оставил 1000 фунтов, столько же, сколько одной из дочерей.

Многие считают столь незначительную сумму доказательством того, что отношения между ними носили

платонический характер. Если бы они были любовниками и, тем более, если бы Нелли была матерью его ребенка, то Чарлз оставил бы ей больше денег.

Звучит логично, но абсолютным доказательством не является, потому что произойти могло все, что угодно. Может, Чарлз Диккенс оставил ей так мало денег, чтобы не огорчить свою семью и не вызывать скандала. Есть, конечно, и другие версии.

Через шесть лет после смерти Диккенса Эллен Тернан вышла замуж за священника по имени Джордж Робинсон. При жизни Нелли родные не знали об ее отношениях с Диккенсом. Она скончалась в 1914 году и была похоронена рядом с мужем.

Через какое-то время после смерти Нелли сын нашел в ее бумагах полные любви письма от Чарлза Диккенса. Он обиделся на мать и не простил ей этого романа, хотя он и произошел до ее встречи с его отцом.

СВОЯЧЕНИЦА ИЛИ ЛЮБОВНИЦА?

Еще одной женщиной в жизни Чарлза Диккенса, хотя, скорее всего, и не бывшей его любовницей, но оставившей в ней не менее глубокий след, была Джорджина Хогарт, младшая сестра Кэтрин и своячени-

ца Диккенса. В 1842 году, когда Диккенсы уехали в Америку, она, тогда 15-летняя девочка, переехала к ним присматривать за маленькими детьми, да так там и осталась на всю жизнь в качестве экономки, советчицы, доверенного лица и родственницы. Она пережила Диккенса почти на полвека и до самой смерти в 1917 году поддерживала контакты с детьми Чарльза и Кэтрин.

В 1858 году, когда между Чарльзом и Кэтрин произошел разрыв, Джорджина, к удивлению многих, стала на сторону свояка и осталась с ним и детьми.

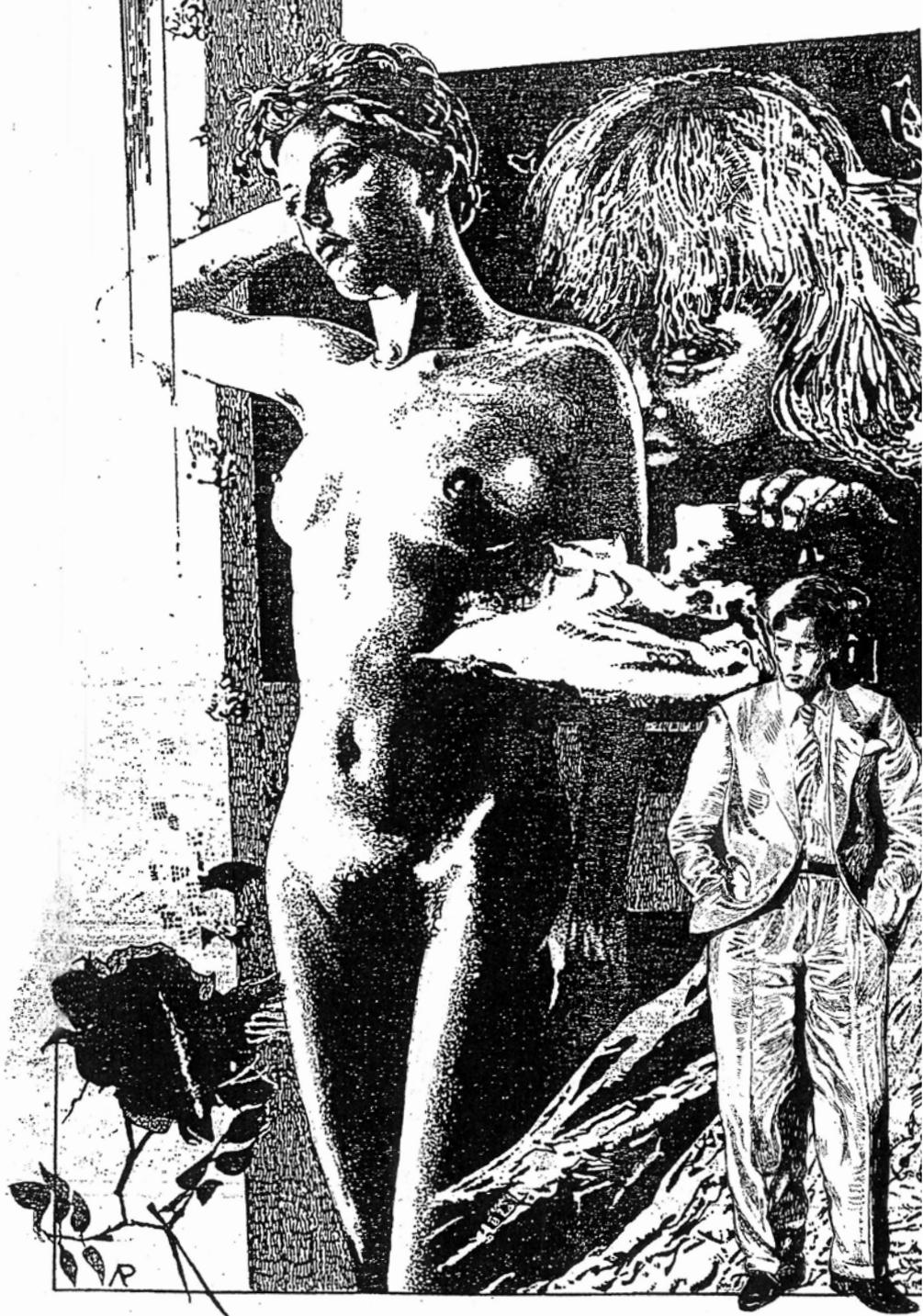
В завещании Чарльз Диккенс оставил Джорджине очень приличную, особенно, в сравнении с Эллен, сумму — 8 тысяч фунтов, а также весь свой архив. В том числе и рукопись «Жизни нашего Господа», которую он написал в 1849 году исключительно для своих детей и которую он им читал вслух на каждое Рождество.

Слухи о том, что Чарльз Диккенс спал и со свояченицей, ходили и при его жизни, но они не имеют никаких документальных доказательств. Если роман все же был, то в такой скрытности не было ничего удивительного, потому что в викторианскую эпоху царили суровые законы и связи между родственниками считались преступлением.

В феврале 2009 года на аукционе в Лондоне было продано за 26 тысяч фунтов золотое кольцо с алма-

зом в 0,9 карат, якобы подаренное Диккенсу близким другом, лордом Теннисоном. По слухам, оно много лет принадлежало Гектору Чарльзу Бульверу Литтону Диккенсу, утверждавшему, что он является незаконным сыном Чарльза Диккенса и Джорджины Хогарт. Однако большинство биографов Диккенса считают, что это был мошенник из Австралии, выдававший себя за внебрачного сына великого писателя, чтобы выманивать у обывателей деньги.

P.S. Биографы много раз пытались объяснить удивительный роман между Чарльзом Диккенсом и Эллен «Нелли» Тернан. Наиболее интересным и правдоподобным, за исключением объяснений типа того, что стареющему и недовольному семейной жизнью мужчине повстречалась хорошенькая юная девушка, не особенно отягощенная моралью, выглядит следующее объяснение. Одна из причин, по которой во всем мире так любят Чарльза Диккенса, заключается в том, что он, наверное, как никто другой, понимал важность детства, у кого-то светлого, у кого-то, как у него, мрачного и невеселого, со слезами на щеках, но от этого не ставшего менее важным. Кэтрин с детьми уводили его во взрослый мир, в котором он никогда не чувствовал себя, как дома. Нелли же, то ли женщина, то ли ребенок, позволила ему вернуться в детство. □

ПОСЛЕ

любви

*Если имею пророчество, и ведаю все тайны,
и весь разум, любви же не имею:
никакой пользы мне в том.
(1 Кор. 13, 2. 3).*

Как странно все начиналось. Мы были знакомы несколько лет, прежде чем влюбились друг в друга. Всею свое время. Три года мы сидели за соседними столами в офисе и были просто коллегами. Я отмечала его прекрасное чувство юмора, он отмечал, что у меня прекрасные ноги. Не более. Как две планеты, мы кружились по параллельным орбитам: он нырял из романа в роман, я в очередной раз вышла замуж и родила ребенка. Мало-помалу, сначала под действием внешне незаметных обстоятельств, а потом уже захваченные силой взаимного тяготения, наши пути начали смещаться. Очередной его роман провалился, я вернулась из декрета и с головой окунулась в работу, отодвинув на второй план семью. Мы то занимались одним заказчиком, то делали совместный доклад на конферен-

ПОСЛЕ

любви

ции, то попадали на вечеринку к общим знакомым. Потом нам пришлось работать вместе на одном длительном проекте, и наши орбиты сошлись до опасного близко — перерывы на чай, поздний ужин после аврала, поход в кино во время вынужденного простоя.

Однажды совершенно случайно мы оказались в одном гостиничном номере — и вот настала точка пересечения...

Три года назад я и подумать не могла, что этот бесцветный тип со следами прыщей на лице будет моим любовником. Однако жизнь часто преподносит удивительные сюрпризы. Как только я почувствовала на своей спине его нежные руки, я забыла, что пять минут назад совершенно спокойно укладывалась спать. Внезапно нахлынуло множество маленьких воспоминаний-звончков, которые копятя на задворках памяти, а потом, раз — и выскакивают, сплетаясь в единую картину, четкую и объемную, как голограмма. И удивляешься, как ты раньше не догадалась?!

Вспомнился дружеский ужин с коллегами. Я была на последних месяцах беременности, но чувствовала себя прекрасно. Гордилась своим положением и носила плотно облегающие платья. Весь вечер ловила на себе его взгляды. Он сказал с улыбкой:

— А со спины ты вовсе не выглядишь беременной. Такая же стройняшка.

В его голосе звучала интонация, чуть более нежная, чем полагается при обычном комплименте. Я смутилась и пробормотала в ответ что-то несуразное.

В другой раз за обедом мы обсуждали, сколько у нас осталось холостяков в офисе, и я спросила его в шутку:

— Ну, когда же ты женишься?

— Тебя жду, — так же шутливо ответил он. — Представь, мы с тобой поженимся, будем в старости сидеть на лавочке и вспоминать этот обед.

Я, смеясь, стала развивать эту фантазию. Отправила воображаемых старичков на воды, снабдила его тростью, себя — шляпкой. И внезапно, выдумывая наше совместное будущее, с удивлением ощутила тайное упоение.

Вспоминая эти трогательные моменты, я внезапно поняла, как давно и как сильно нас влекло друг к другу. Детали мозаики вырвались из подсознания и сложились в слово ЛЮБОВЬ.

Как сложно это выразить словами, верно? Хочется быть с ним постоянно, прикасаться к нему, засыпать, укутавшись его теплом, целовать уголки его глаз. Просто держать его за руку. Улавливать его желания и исполнять их. Я прислушивалась к каждому его слову, искала хотя бы намек на какую-то потребность. И если бы он захотел звезду с неба, я бы что-нибудь придумала — например, помчалась бы на поиски метеорита.

Мы начали встречаться. Тайком у него на квартире, в гостиничных номерах во время командировок, и с каждым разом я все больше убеждалась — я нужна ему, а он нужен мне. Каждый раз, когда любимый встречал меня, в его глазах были радость и упрек. Каждый раз, когда провожал, он медлил и долго не выпускал мою руку из своей. Невысказанный вопрос — а что же дальше — незримо висел в воздухе, звенел в ушах, эхом отдавался в стенах его маленькой уютной квартирки.

Но у меня был муж. И ребенок от предыдущего брака. Сшитая наспех семья. С грустной усмешкой мама называла меня «бывалой», и ощущение раз за разом повторяющегося наваждения порой накрывало меня волной страха. Теперь каждый раз, когда мои пальцы с таким трудом отрывались от его руки, и дверь за мной закрывалась, я боялась, что уйду навсегда. И боялась вернуться. Мое сердце кричало: милый мой, любимый, я боюсь подвергать это чувство испытанию вечностью, вновь ставить эксперимент, который мне никогда не удавался, боюсь опозлить его ежедневностью и бытовухой. Мне страшно, что ты станешь мне безразличен... А я — тебе. Может, лучше сорвать этот цветок, пока он не завял, и заложить им страницу в любимой книге? Ведь я знаю, я слишком хорошо знаю, что любовь умирает.

Все мои предыдущие браки заканчивались честно — как только любовь угасала, мы расходились. Никаких интрижек на стороне, никаких скандалов и обвинений. И даже если моя любовь умирала первой, пока я чувствовала в его прикосновениях нежность, я терпела. Но рано или поздно его руки и глаза становились холодными, и это значило — пора. Любовь разрушена, тепло и нежность угасли. Каждый из них был честен со мной и говорил: да, чувства уже не те, но в целом меня все устраивает...

Совместная жизнь после любви может продолжаться неограниченно долго, только это такое же предательство и обман, как и связи на сторо-

ПОСЛЕ

любви

не. Целовать друг друга, и делать вид, что получаешь от этого удовольствие, а в душе копить галочки — «что меня в тебе раздражает». Лучше уйти, чтобы дать друг другу еще один шанс найти любовь на всю жизнь. Я верила, что это возможно, и уходила. Благо была маленькая, уютная квартирка, доставшаяся мне от бабушки.

Уходила не к другому мужчине, а в никуда, собрав все свое мужество в кулак, хоть было страшно. Страшно и тяжело уходить с теплого насиженного места. Особенно, когда это происходит не в первый раз, и ты уже знаешь, каково оно — ОДИНОЧЕСТВО. Каждое утро ты делаешь себе один бутерброд с сыром, а колбаса, которую покупаешь для него по привычке, портится в холодильнике, и лишь ее пряный запах напоминает о том, что когда-то ты жила не одна. Разведенная бездетная женщина — показание к суициду. Каждый вечер гробовая тишина встречает тебя дома, и, чтобы развеять ее, ты включаешь телевизор, но тишина остается у тебя внутри и холодным обручем сжимает сердце. В твоём гардеробе вдвое меньше вещей, и тебе не на кого списывать бардак, а твои подруги извиняются за то, что не могут встретиться с тобой, и из боязни ранить тебя умалчивают о содержании своих семейных мероприятий. Ты зажигаешь свечи, наливаешь себе шампанского и ныряешь в джакузи, создавая иллюзию романтического вечера, но, в итоге, напиваешься и топишь слезы или себя в ароматной воде. Не каждый вынесет испытание одиночеством, да, возможно, и не стоит. Но еще большим испытанием для меня было жить с нелюбимым, и я уходила.

Когда появилась дочка, как ни странно, уходить стало легче. Даже в шесть лет она, мое сокровище, все понимала и в ответ на мои пространственные объяснения, почему тот дядя больше не будет жить с нами, обнадеживающе говорила:

— Но ты же еще выйдешь замуж?

Уже в шесть лет она понимала, что ощущение любви и нежности в семье для женщины — самое важное.

Мне хочется вспомнить, какой была моя первая любовь. Вроде бы она должна была быть самая сильная. Если закрыть глаза и перенестись в прошлое, я могу воспроизвести ощущение пронзительной радости, которое испытывала, когда мы стояли рядом с ним перед безвкусно одетой регистраторшей в ЗАГСе. У нее был кривой, словно перекошенный рот — наверное, ей до смерти опостылело ежедневное наблюдение чужого счастья. Оркестр фальшивил, казенный загсовский фотограф отпихивал нашего частного, гости с преувеличенно серьезными лицами уныло хлопали после финальной фразы косоротой тетки, но его рука так крепко и надежно сжимала мою, а его глаза так блестели от волнения, что я была на седьмом небе от счастья. Мои ноги едва стояли на месте, мне хотелось прыгать, визжать и обнимать его и всех на свете.

В те дни, дни цветения любви, я превратилась в фею и готова была творить чудеса для него, а он для меня. На день Святого Валентина он попросил в подарок лишь розетки для варенья, и меня это ужасно огорчило — так просто, но мне удалось направить свою энергию в плодотворное русло. Я собрала для любимого коллекцию из пятидесяти видов варенья, включая варенье из лепестков мимозы и собственноручно сварила особое царское варенье — ягоды крыжовника, начиненные грецким орехом. Где сейчас то варенье, даже не знаю. Может, съедено, а может, стоит в кладовке, засахаренное, ягоды сморщились, и не стоят воспоминаний.

Сколько браков, столько же и расставаний. Были ли причины остаться после любви? О да! Для спасения моего второго брака веским аргументом стала чудесная маленькая девочка с пшеничными кудряшками, умница и танцовщица. Ребенку нужен отец, говорили все вокруг. И были правы. Малышке было уже три года, она все понимала, и каждый вечер при звуке поворачивающегося ключа в замке входной двери на секунду замирала, широко раскрыв восторженные глаза, потом встряхивала кудрями и веселой лошадкой скакала в коридор с радостным криком:

— Папааа!

Мне приходилось играть роль счастливой матери ради девочки, но со временем перестало получаться. Такие игры ставят женщину на грань нервного срыва, и в них играть опасно.

Когда соединяются два человека, соединяются два мира. Его мать, сестра, друг, все надеются на то, что ты подаришь их сыну, брату, другу счастье и не сделаешь ему больно. А если сделаешь, то больно будет всем. Я никогда не уходила первой и старалась не делать больно. Мой долг по

ПОСЛЕ

любви

отношению к миру моих мужей выполнялся. Бабушка, желавшая общаться с внучкой, могла видеть ее в любое время. Друзья быстро убеждались, что их товарищи не смертельно ранены, а скорее, наоборот, вышли из тюрьмы на свободу. Сестры, считавшие меня сволочью, приходили, чтоб плюнуть мне в лицо, но тут же успокаивались. В общем, все были довольны.

Самым серьезным аргументом за то, чтобы остаться, как ни странно, оказывался налаженный быт — мы знали, как жить вместе. Я поднималась раньше и готовила завтрак, он ложился позже и прибирал на кухне после ужина. Он любил телевизор, я — книги, и чтобы не мешать мне, он использовал наушники. Я знала, что ни при каких обстоятельствах нельзя обзывать его козлом, а он знал, что меня в исступление вводят разбросанные по ванной упаковки из-под линз. Известный список покупок, известный набор гостей, известный распорядок дня. Как части паззла, мы притерлись друг к другу, почти приклеились, и разорвать проросшие между нами корни было сложнее всего.

Мы знали, как жить вместе, но нам не было хорошо вдвоем. Хрупкий баланс интересов двух людей, построенный на почве любви, нарушился, и каждый тянул одеяло на себя. Мы злились, ссорились и с удивлением возмущались вещам, которых раньше не замечали. Подобно Каю из сказки, которому попал в глаз осколок дьявольского зеркала, мы начинали видеть друг в друге только недостатки, достоинства же теряли всякую ценность. Раньше мне казалось, что он так умильно сопит во сне, а теперь это был омерзительный храп. Раньше ему казалось, что я очаровательно взмахиваю ресницами, а теперь, оказывается, хлопаю глазами, как корова. Меня бесило, что он не пользуется ножом за едой, его же бесило, что по выходным я сплю до обеда. Все больше мы отдалялись друг от друга,

все глубже становилась трещина между нами. Эта трещина неуклонно разрасталась, и, наконец, мы понимали: нет больше сил быть вместе.

Мы расходились, и начинались поиски новой любви. Я находила ее, но все повторялось. Какое-то грустное дежавю. Какой-то замкнутый круг.

На этот раз все было по-другому, я вела нечестную игру — была любовницей. Наслаждалась урывками, как голодная, захлебываясь, глотала крохи счастья. Как это жалко — не иметь возможности выйти с ним в люди, гордиться им, ловить восхищенные или просто одобряющие взгляды, ведь влюбленные всегда притягивают взгляды. Быть вместе только в постели — это лишь жалкие осколки любви.

Я помню, как впервые шла от любимого домой — от одного воспоминания о муже, от одной мысли о том, что вот-вот мне предстоит вдохнуть нелюбимый теперь аромат туалетной воды, меня тошнило. В тот день мы планировали торжественный визит к свекрам по поводу какого-то праздника. Мне предстояло притворяться примерной женой и кивать в ответ на настойчивый, многократно повторяемый вопрос захмелевшей «мамы»:

— Доч-ченька-а-а, л-л-любишь моего сына?

Еще более тяжкое испытание — обманывать мужа и быть не в силах что-то изменить. Быть подлой, испорченной, развращенной. Я мысленно произношу эти слова, и каждое, как выстрел, стреляет в висок.

Возвращаясь домой, я леденела от ужаса содеянного. Заглядывала мужу в глаза, пытаюсь найти в них подозрение или гнев, страшилась заслуженного наказания и втайне желала его. Совесть грызла меня изнутри, жгла кожу снаружи, живот сотрясался от желудочных спазм и чтобы унять этот жар, я полчаса приходила в себя под холодным душем, пока меня не начинало трясти уже от озноба.

Неделю ходила как идеальная жена-робот, никаких упреков и претензий, готовила изысканные блюда, убирала квартиру до блеска, покупала ему рубашку его, а не моего любимого цвета. Меня заставляло это делать не только чувство вины, я искренне пыталась забыть другого, все вернуть, сделать, как прежде. Если ради любви я делала для него все, то, может быть, и обратное верно — я буду делать нашу жизнь уютной, и любовь вернется? Но ничего не получалось. Я ругала себя самыми мерзкими словами, но изменить ничего не могла, и вновь летела к тому, которого из-за своей трусости приходилось называть любовником.

Нет, не любовником — любимым. Он дал мне ключ от своей квартиры, и я пришла к нему снова в назначенный час. Он опаздывал и не брал трубку мобильного. А я сидела перед окном, и сердце, сжимаясь от страха, рисовало страшные картины: автокатастрофа, нападение хулиганов, инсульт? Я прижималась лбом к холодному стеклу окна и смотрела на улицу,

ПОСЛЕ

любви

чтобы отвлечься, но высота десятого этажа коварно кружила мне голову, и мысль — распрощаться с жизнью, если не станет его, казалась правильной и логичной. Внезапный звонок в дверь ужалил уши, и я бегом кинулась к двери. Прижаться к нему, ощутить ритм его сердца. Я лихорадочно целовала его глаза, скулы, виски, будто он только что вернулся с войны, а не с работы. А он улыбался и молча отвечал на мои поцелуи...

Хотела бы я обладать такой невероятной силой воли, чтобы отказаться от головокружительного счастья и попытаться примириться с тусклой жизнью с мужчиной, которого уже не любишь. Моя подруга, давно пережившая любовь, но сумевшая ужиться с ее объектом, нудела:

— Брак — это дружба, взаимовыгодное партнерство. Ты ему семейный уют, он тебе финансовую стабильность. Или ты ему деньги, он тебе — красоту и молодость... Главное, чтобы было комфортно обоим.

И правда. Возможно, любовь — лишь запал, с помощью которого человек находит себе пару для путешествия по суровой реке жизни. В лодке одному скучно, а часто и опасно. Парное существование наиболее стабильно, а с кем оно протекает — менее важно. В конце концов, все мы одинаковые — две руки, две ноги, набор амбиций и комплексов. Я почти смирилась с этой теорией, и чтобы претворить ее в жизнь, попыталась стать для своего мужа лучшим другом.

Я старалась заботиться о нем. Мне не хотелось убирать его разбросанные по комнате вещи, но я напоминала себе, что он поздно пришел с работы и устал. Мне не хотелось ехать на дачу, потому что тогда на выходные я превращалась в рабу грядок, но я говорила себе: ребенку нужен свежий воздух, а муж так любит порыбачить в близлежащем прудике. Чтобы делать что-то вместе, мы нашли общее хобби — когда дочка засыпала, пили армянское вино и играли в нар-

ды на шелбаны. Вместе сидели на диете: сначала на низкокалорийной, для похудения, потом на белковой, для наращивания мускулатуры. Это было даже весело:

— Еще три дня без шоколада! — страдала я.

— Еще три дня без мяса! — стонал он.

Но со временем мир взаимных уступок и совместных дел становился скучным и даже назойливым. С другом очень приятно встречаться, болтать по телефону, мчаться к нему на помощь, но когда друг поселился у тебя в постели, это уже слишком. Нет, дружба — это не то. Но для чего тогда любовь, если все так блекло кончается? Только для того, чтобы разбиться по парам? Лучше разбиться всмятку.

Мы старались возродить наши чувства. Он, умница, помнил дату нашего знакомства, и каждый год оригинально обставлял вручение памятной безделушки. Как-то раз устроил мне игру в «казаки-разбойники»: написал кучу записочек и спрятал их по всему дому, а я искала их одну за другой, чтобы найти тайник с подарком. В день его рождения, глубокой зимой, я создала у нас дома берег моря: наполнила надувной бассейн водой с морской солью, купила ящик манки и рассыпала ее по полу — получился песчаный пляж. Камушки, ракушки, гирлянда из орхидей, и яркое солнце софита, который я выпросила у знакомого фотографа...

Но любовь все равно ушла. Теперь на день рождения мы получаем хмурю безделушку, купленную второпях, или еще хуже, — кредитную карточку с предложением «пойти в магазин чего-нибудь купить».

Правда, подруга была не согласна со мной.

— Что может быть лучше кредитной карточки в день рождения? — закатывая глаза, мечтательно шептала она.

Видно, так уж устроено: бабочка живет один день, цветок вишни — неделю, блузка из шелка — год. А сколько живет любовь?

У каждой пары свой срок, но любовь однозначно смертна. Она испаряется постепенно, но когда это начинается? Может, когда мы перестаем стесняться друга друга и становимся обычными людьми, снимая личины принцев и принцесс?

Мы перестали вдохновлять друг друга. Раньше я старалась готовить любимые блюда мужа, а теперь подаю то, что проще, например, сосиски. Знаю, ему все равно — сосиски или скворчащий стейк, он всеяден, но не в этом дело. Нет больше желания видеть его довольным и счастливым. Сосиски — как брак без любви. Ты что-то жуешь, глотаешь, насыщаешься, но не получаешь ни вкуса, ни удовольствия от трапезы. И вот, в очередной раз наблюдая за поглощением сосисок, я спросила мужа:

— Вкусно?

— Угу, — промычал он с набитым ртом, и в голосе его я почувствовала тот штиль, который наступает после любви.

Если сейчас я скажу, что надо расстаться, бури не будет. Ему все равно, он просто поглощает белок, чтобы существовать дальше. И я ему ни парус, ни подводный риф. И мне так хочется сказать:

— Давай разведемся.

Но что-то меня останавливает.

Если сорвать всю шелуху, то окажется, человек любит только себя. Младенец не спрашивает мать, устала ли она, он просто громко и настойчиво требует грудь. Дошкольнику, ревностно оберегающему свои игрушки, трудно объяснить, с чего бы это он должен делиться с другими детьми. Взрослые, уже покрытые толстым налетом воспитанности, в повседневной жизни проявляют изрядную долю этики и заботы о ближнем. Но, случись в здании пожар, инстинкт самосохранения заставит их по головам пробираться в сторону выхода. Даже самый жалкий тип, осознавая свою никчемность и ненавидя все свое существо, в глубине души всегда жалеет себя и верит, что заслуживает лучшего.

Влюбившись, мы меняемся. Всю энергию, которую прежде тратили на себя, мы направляем на другого. Счастливчик тот, чья любовь взаимна, — в ответ он получает такой же мощный обогащающий заряд.

...Постепенно любовник полностью затмил для меня мужа. Мы проводили много времени вместе. Часто ездили в командировки, и там, после официальной части, оставались еще на пару дней.

— Культурная программа, — сообщала я мужу по телефону.

Мы бродили по улицам, робко говорили о призрачном будущем. Мимо нас проплывали до-

стопримечательности, но мы их не замечали, потому что смотрели только друг на друга.

— А если бы... мы с тобой встретились... свободные... — с непринужденной улыбкой, чтобы не испугать его, спросила я.

— Думаю... мы бы с тобой спелись, — так же безмятежно, но не без запинки, ответил он.

Лишь Эйфелеву башню было трудно не заметить. Помню, мне так хотелось с ним сфотографироваться, но внутренний голос запрещал. Зачем? Ведь мы не вместе, и фиксировать эту мимолетную иллюзию на пленке бессмысленно и тоскливо. Шел мелкий дождь, и ветер смешно ворошил его волосы. А Эйфелева башня за его спиной стремительным трамплином уходила в небо и резко обрывалась, не достигнув облаков. Он смеялся, вытягивая в сторону руку с фотоаппаратом, направленным объективом на себя, и кричал:

— Иди ко мне, сфоткаемся! У меня очень длинная рука, хорошо получится!

Я смеялась ему в ответ и мотала головой — нет. И любовалась им на фоне Эйфелевой башни. Тогда он сфотографировал маленькую девочку с зонтиком, которая в тот момент проходила мимо, держась за руку строгой французской дамы.

Он вообще любил детей: рассказывал о своих племянниках, расспрашивал меня о дочке. Я с удовольствием говорила об ее успехах, показывала фотографии, мечтая о том, что он сможет полюбить ее как родную. И смотрела, смотрела на него на фоне Эйфелевой башни, чтобы запомнить любовь навсегда.

Мир давно изменился. И женщина изменилась. Когда-то она была хранительницей очага, и ее главной заботой было воспитание детей. Дальше порога дома она не выходила, и в этом была большая мудрость бытия. Заключенная в свой маленький мирок, женщина не знала соблазнов мужского мира, ребенок и семейный уют, по праву и по справедливости, забирал всю ее энергию и полностью удовлетворял жажду любви.

Сейчас не так — женщина вышла в свет и получила целый ворох прав и возможностей. Теперь она может голосовать, работать наравне с мужчинами, носить брюки, иметь собственное мнение. Современная женщина получила море свобод, в котором захлебнулась, утонула и, пережив клиническую смерть, восстала вновь, но уже в другом качестве. Теперь мы — работающие мамы, и помимо семьи нам хочется заниматься карьерой, писать романы, участвовать в общественной жизни. Мы очень остро почувствовали свою независимость, свое эго, и теперь — нам хочется любви, персональной, эгоистичной, только для себя. Мы, как пули со смещенным

ПОСЛЕ

любви

центром тяжести, носимся с работы домой, и самим неизвестно, куда занесет нас эта траектория.

Когда мне стало совсем немого, я открылась маме. Мы выпили по рюмке, и я заплакала. Она погладила меня по голове, а потом сказала:

— Доченька, тебе решать. Но на длинной дистанции хороший человек лучше, чем любимый. Твой муж — хороший человек.

На следующий день маму отвезли в больницу с сердечным приступом. Милая моя, добрая мама! Когда я сказала ей, что хочу развестись, она не кричала на меня, не топала ногами, не указывала, как надо поступать. Она просто выключила свое сердце, чтобы перестать страдать за меня. Конечно, ей было тяжело принять очередной крах моей жизни, но эгоизм был чужд ей, и она приняла тот шаг, что я собиралась сделать. А я... Во мне, оказывается, нет никакой любви, один голый эгоизм, о котором я так ловко рассуждала.

Раньше, когда я в очередной раз разбивала свой брак, мама тоже переживала, но видно, теперь настал предел.

Отец со мной не разговаривал, мамин мобильный был выключен. Лишь через знакомых я узнала, что произошло, но никто не знал, где находится мама. Всю ночь я обзванивала больницы, чтобы понять, куда ехать, и мой добродушный обманутый муж, которому я ничего так и не сказала, помогал мне. Мое лицо опухло от слез, а горло от напряжения — при разговоре с дежурными мне с трудом удавалось удержать голос спокойным. Я холодела от мысли, что, может быть, мама уже умерла, а я даже не знаю, где она. Муж успокаивал меня, приносил чай, ходил поправлять одеяло дочурке, и когда я уже оцепенела от слез и усталости, он, наконец, под утро нашел ее:

— Состояние стабильное, посещения с восьми утра.

Мы обнялись, и долго еще мои плечи вздрагивали отзвуками рыданий.

И пока мы так сидели в предрассветной дымке, в моей голове постепенно сформировалась истина. Любовь к мужчине — это лишь маленький ручеек в реке любви, питающей сердце женщины. Зацикливаться на мужчине — значит, пить из одного источника, который иссякает, и иссякать самой. Чтобы сосуд любви был полон, нужно тратить сердце на каждый поток — на детей, на родителей, на саму жизнь, наконец. И, может быть, из этих более надежных источников я смогу возродить любовь к своему мужу. Я выбрала этого мужчину, я села в эту лодку, и менять ее бессмысленно, ведь я знаю — о, как хорошо знаю! — что любовь к мужчине проходит, но остается большой и многогранный мир, который мы создали за время любви, и этот мир стоит того, чтобы за него бороться.

Утром муж поехал на работу, а я с дочкой в больницу. Когда мы вошли в палату, мама, бледная и почти прозрачная на фоне белой кафельной стены, с трудом приподняла руку в приветствии и слабо улыбнулась. Ее телефон разрядился, а «зарядку» она не могла найти в сумке с вещами, которую спешно собрал отец.

Я хотела сказать ей, что так виновата перед ними всеми, перед ней, отцом, дочерью, мужем, что я все исправлю, но лишь бросилась к ней, прикинула лицом к ее плечу и горько заплакала. Сквозь глухие рыдания я шептала «прости», но в ответ услышала:

— Это ты меня прости, дочка. Просто я старая стала, раньше бы такого не случилось.

Малышка слегка оробела, а потом подошла к нам, и долго гладила по голове то бабушку, то маму, не переставая спрашивать, почему мы плачем.

Я стерла из памяти фотографию на фоне Эйфелевой башни и мужчину с той фотографии больше никогда не видела. □

ПРОЛОГ

Глава 30

**Трасса Хабаровск-Владивосток, 10 августа
«Друзья» встречаются вновь**

Покидая Хабаровск, Ефим испытывал двойственное чувство.

С одной стороны — реально надоело ждать машины: их приход железнодорожники задерживали уже дважды, а за время пробега народ привык к перемене мест.

С другой — Ефим понимал, что каждая следующая секунда будет для них все опасней.

Приближался Владивосток, и как противоборствующие стороны захотят изъять героин — по дороге или в городе, с боем или без боя, — осталось полнейшей загадкой.

Скрепов, правда, в Хабаровске проявился. Нашел Ефима сам и еще раз пообещал умертвить его самым жестоким способом, если тот сделает

Окончание. Начало в №№ 4–5, 2012 г.

ПРОБЕГ

что-нибудь не так. При этом что такое «так» — не объяснил, зато дал номер мобильного. Без радости дал, но Береславский был убедителен — а если потребуется помощь? Мало ли кто захочет попользоваться дорогостоящим порошком.

Кстати, про конкурентов Скрепов не сказал ничего, только пострадал на предмет предательства. Хотя знал, что Ефим о конкурентах — в курсе. Лично присутствовал при стрельбе на красноярском фуникулере.

Как ни странно, Ефима радовало наличие двух врагов сразу (если, конечно, такое в принципе может радовать). Если бы враг был один — ему было бы тяжелее. А так — оставалась надежда свести их лбами.

Вариант изъятия порошка на трассе — как самый опасный — он все же решил исключить. Это запросто могло быть со стрельбой.

Так что когда представилась возможность прокатиться в сопровождении машин ГАИ, Ефим не стал от нее отказываться. Он, конечно, помнил некоторые, в основном — моральные, проблемы, сопряженные с таким конвоированием. Но уж пусть лучше выругается вслед хабаровчанин или приморец, чем пробежный народ окажется в глухой тайге на пустынной трассе под дулами автоматов.

А то, что плохие парни легко нажимают на спуск, Береславский уже убедился.

«Нет, все сделано правильно», — думал он, не выпуская из виду пульсирующие огоньки впереди идущей «гаишной» машины. Другой вопрос — сможет ли вся эта светомузыка при встрече с реальным врагом.

Оставалось еще пару поворотов — и конвой покинет город.

В принципе, он всем понравился: и Береславскому, и Доку, и Смагиной. Что касается Самурая, для него Хабаровск и так был почти родным. Это он привел фольклорное название го-

рода: «две горы, три дыры» — довольно точное отображение местной топографии.

Если идти поперек — то так и будет: вверх-вниз, вверх-вниз. Если же идти вдоль, то получалось, в основном, в одном уровне, но очень красиво. Да и как не быть красиво, когда по городу течет Амур?

Гостей возили по широкой, желто-зеленой реке на пароходике. Ефим, обожавший все плавающее, был счастлив.

Ветер сдул его бейсболку и унес, наверное, прямо в Китай. Но Ефиму не жалко — видно, кепку потянуло на родину.

Но особо счастлива была Смагина. За Байкалом она вообще чувствовала постоянный душевный подъем — здесь ей нравилось несравнимо больше, чем в родной центральной России.

А вот Самурай поначалу был все грустней и грустней.

Жили они в другой гостинице, по материальным соображениям. Ефим пытался поучаствовать в решении их «жилищного вопроса», но и тот, и другая отказались.

Самурай, решительный во всех остальных проблемах, здесь оказался стеснительным как первоклассник.

Любит — не любит? Согласится ли жить в деревне? Сможет ли он соответствовать ее материальным и сексуальным запросам? И даже — не слишком ли он молод? Короче — достал. И Ефим, уходя на дневные лекции, которые имели привычку плавно переходить в вечерние развлечения, ткнул ему в руки ключи от своего люкса.

— А вдруг она не захочет? — испугался Самурай.

— Сделаешь себе хакакири, — подсказал выход добрый Береславский.

Судя по всему, хакакири не понадобилось. Потому что в последний день пребывания в Хабаровске, когда так славно смотались в родные самураевы места, он уже не ныл и не стонал, а ходил под ручку со Смагиной, прямо как голубки, пусть даже и разновозрастные.

...Сейчас Док снова сидел на переднем сиденье, рядом с Ефимом, а сзади ворковала парочка, и в зеркальце хорошо были видны их сплетенные пальцы рук.

Дорога окончательно покинула Хабаровск и через некоторое время повернула круто на юг. Так и должно быть: Владивосток — город с суровым климатом только в представлении лиц, никогда не изучавших географию. А так — тот же Сочи, только на берегу океана, а не внутреннего водоема.

Подумал так Ефим о Черном море и тут же взял свои слова обратно. Да, конечно, теперь он большой дяденька и всякое повидал: и Средиземноморье, и все четыре океана. Но разве забыть тот телячий восторг, когда

мальчишка, уткнув нос в оконное стекло, орал что есть мочи: «Мама, море!» А потом с трудом выдерживал томительные часы, пока поезд доползал до Севастополя.

Нет, Черное море — это святое. Оно — первое.

Трасса была на удивление хорошей, шли быстро. А, может, соскучились по рулю и придорожному мельканию?

Но, когда первый экипаж решил остановиться, Ефим вообще еще не чувствовал усталость. Хотя против перекуса ничего не имел против — аппетит никогда его не покидал.

«Караван-сарай» был недавно построенным — современное двухэтажное зданьице: на первом — довольно большой ресторан, на втором — несколько номеров для уставших водителей.

Все вышли размяться, чтобы через пару минут дружно отправиться в кафе. Самурай, улучив момент, подошел к Береславскому.

— Сколько мы здесь простоим? — спросил он.

— Вам хватит, — ухмыльнулся Ефим. Видимо, несколько цинично, потому что юноша жалобно сморщился. — В случае чего — подожду, — не обращая внимания на душевные муки друга, добавил он.

Народ, не торопясь, пообедал, потом последовал длительный перекур — шесть сотен километров хорошей дороги никак не могли считаться солидным препятствием. А, может, просто не хотели быстро заканчивать? Ведь это был последний перегон их Пробега.

Наевшись, накурившись и наговорившись, пошли к машинам.

Ефим предупредил, чтобы его не ждали, догонит в пути. Это, как правило, не поощрялось, но на последнем перегоне — все можно.

А молодых влюбленных по-прежнему не было. Похоже — вошли во вкус. Но не идти же торопить?

И тут к Ефиму за столик подсел человек. Он сразу показался знакомым, однако Береславский, хоть и не жаловался никогда на память, вспомнить, где его видел, не смог.

Явно кавказец, явно выдавший многое.

Но то ли больной, то ли увечный.

Впрочем, впечатление некоей инвалидности сразу прошло, как только незнакомец заговорил.

— Мне известно, что вы везете, — с места в карьер начал он.

Ефим ничего не ответил. Ему тоже известно. Ну и что?

Береславский уже понял, что этот «приболевший» товарищ представ- лял фирму, конкурирующую со Скреповым.

«Знакомый» незнакомец говорил негромко — только Ефиму слышно. И немного. Экономно, можно сказать. Но каждое слово шло в дело.

— Этот товар — мой, — четко и убедительно выговорил он.

Ефим опять ничего не сказал.

— Что молчишь? — неприятно улыбнулся его собеседник.

— Слушаю, — вежливо ответил Береславский.

— Я заберу его в городе, — сказал кавказец.

— Я не против, — сказал Ефим, — ведь я не при делах.

— Еще бы ты был против. — Ну и улыбочка у этого человека! Просто мороз по коже.

Но вот страх перед такими ребятами показывать нежелательно. Если, конечно, намеренно не демонстрируешь, для усыпления бдительности.

— Мне, вообще-то, заплатили, — сказал Береславский. Когда речь шла об оплате услуг, он чувствовал себя увереннее.

— За что? — спросил тот. — За доставку груза?

— За доставку машины, — аккуратно поправил Ефим. — Грузы — это по вашей части.

— Даже догадываюсь — кто. — Глаза незнакомца сверкнули так, что Ефиму действительно стало не по себе.

Хорошо, что он — Береславский, а не Скрепов. Хотя, с другой стороны, для таких ребят не имеет значения, в кого они всаживают пулю, если это действие кажется им целесообразным.

За столиком повисла пауза.

— Так к чему ты это сказал? — с угрозой произнес бандит.

— Во-первых — «вы», — спокойно проговорил Береславский. — Мы с вами, — интонацией выделил он, — коров вместе не пасли. — Вспышки гнева не последовало, и осмелевший Ефим продолжил: — А, во-вторых, я просто перегоняю машину. Ваши разборки меня не касаются. Но если вы хотите, чтобы я гнал ее и для ваших нужд — это будет стоить денег.

— Сколько? — усмехнулся чеченец, но уже с меньшей злобой — похоже, поворот ситуации в сторону бизнеса его тоже устраивал.

Оно и понятно — какой смелый ни будь, а с армией в одиночку не побо- решься. Поэтому в интересах обеих сторон — не доводить дело до крайно-

стей, оставаясь в рамках товарно-денежных отношений.

— Тридцать тысяч, — коротко бросил профессор. Он, похоже, вошел во вкус опасной, но денежной работы наркоперевозчика.

— Рублей? — уточнил собеседник.

— Американских, — согласился Ефим.

— А это — не хочешь? — Переходя на шепот, чеченец потянулся через столик к профессору и, предварительно оглянувшись, отогнул полу легкой куртки. С внутренней стороны, закрепленная ремешком, висела зеленая ручная граната.

— А как же порошок? — теперь уже усмехнулся Береславский.

— С собой таких денег нет, — отрезал тот.

— Нет денег — люби веник, — равнодушно произнес Ефим. И про себя отметил, — слегка струхнув, — что если придется ему умирать от руки этого человека, то смерть вряд ли будет легкой.

Это не глаза, а просто предмет оптического устрашения.

Действительно страшно.

Но выхода все равно нет. Надо быть уперто-жадным, тогда во Владике, возможно, появится шанс.

— Есть одна тысяча, — пересиливая себя, прошептал чеченец. — Первый взнос. Остальное — в городе: мне твой клиент должен много.

— А заплатит? — усомнился Береславский.

Лицо собеседника исказилось гримасой.

— За все заплатит, — прошептал он. — И за деньги чужие. И за порошок. И за...

Фраза осталась незаконченной, но у рекламиста даже мысли не возникло выспрашивать дальше — он никогда не встречал такой концентрированной ненависти.

Ефим для вида немного подумал. Опасные переговоры его уже очень утомили, а реально переданные деньги были хорошим поводом их прервать. Потом, тысяча баксов тоже на дороге не валяется.

— Ладно, — сказал он, забирая тощий конверт. — Но в городе тогда все равно отдадите тридцать. В сумме — тридцать одна. Плюс то, что вы мне показали.

— Что? — теперь кавказец был просто удивлен. Без ярости.

Чего яриться на жадность человека, который все равно скоро умрет?

— Граната, — тихо уточнил профессор. — РГД-5. Зачем за бонус.

— Зачем она тебе?

— Меньше будет идей с нападением по дороге, — честно ответил Ефим.

— Ну, ладно. Знаешь хоть, как пользоваться?

— В Интернете прочту, — ответно улыбнулся Береславский. Ему и в самом деле стало легче — похоже, сегодня опасностей больше не предвидится.

Чеченец достал из кармана и развернул газету, незаметно вытащил из-под куртки гранату и, прикрыв ее газетой, передал Ефиму.

— Дай свой сотовый, — велел он.

Береславский продиктовал цифры и в ответ попросил:

— А ты — свой.

Тот, помедлив, тоже назвал номер.

Ефим, не скрываясь, немедленно его набрал. Тут же в кармане чеченца запел стандартный звонок.

— Не доверяешь? — уже без злости ухмыльнулся тот.

— Проверяю, — тоже без эмоций ответил рекламный профессор.

На том и расстались.

Посидев еще пару минут — и проконтролировав чеченца, сядившегося в темный «опель», — он уже собрался идти на поиски Самурая, но тот сам уже подошел к столику и спросил:

— О чем договорились с красноярским стрелком?

«Так вот почему кавказец показался знакомым», — понял Ефим. И еще ему было приятно, что Самурай, как оказалось, присутствовал все время рядом. Прикрывал, значит.

— О любви и дружбе, — ответил он. И добавил: — За деньги.

Больше на эту тему не говорили: Самурай считал, что если бы было что сказать, — Ефим бы сказал сам.

... И вот — свершилось!

Все пять машин стояли у памятника на въезде в город. Экипаж первой машины спешно отвязывал от бампера веревку — их таки привезли во Владик на буксире: «раздатка», утомленная стилем езды и особенно — победой в прыжковом состязании, напрочь отказала за полсотни километров до конечной цели путешествия.

Отвязав, руками перекатали «Ниву» в голову колонны. Никто не возражал — парни заслужили это почетное право, лидируя конвой более семи тысяч километров.

Далее засверкали вспышки — не только в руках «пробежников», но и подъехавших фоторепортеров. Местные киношники, не удовлетворившись заходившим солнцем, зажгли съемочные софиты.

Ефим, хоть и устал слегка, но внимательно следил за происходящим. От его взора не ускользнул ни зеленый «опель» с чеченцем, ни проехавшая пару раз мимо праворукая синяя «тойота» со Скреповым.

Работодатели от него не отстанут. Это ясно.

Но все опасное будет завтра.

А сегодня он доехал до Владивостока.

Он — доехал. Всего-то два слова. Да и путь не слишком тернистый, не считая бандюков. Но как приятно это прочувствовать — когда мечтал, мечтал, а потом взял — и доехал.

Ефим подошел к Доку и Самураю, обнял их за плечи и развернул лицом к «пробежному» фотографу — как же без снимка на память? Женька сверкнул вспышкой, запечатлев момент.

Завтра — будет завтра. А сегодня — их день.

Глава 31

**Владивосток, 12 августа, утро
Ценности фальшивые и настоящие**

Проснулся Ефим Аркадьевич довольно поздно — спешить было некуда, все главные дела намечены на вечер. Открыл глаза и аж вздрогнул от удовольствия, еще с кровати узрев вид за окном.

Гостиница «Владивосток», высокая белая башня, стояла почти на берегу океана, точнее — залива, но при виде такой красоты Береславскому вовсе необязательно было быть точным.

Солнце скрывалось высоко за плотными тучами, но не черными, дождевыми, а белыми, мягко рассеивающими солнечный свет, превращающими его из ослепительно-желтого в мерцающий молочный. От такого освещения засеребрилась и выбелилась вся спокойная водная гладь, и у горизонта две стихии сливались, практически уже неотличимые.

Береславский потянулся к кофру за фототехникой, но тут же остановился. Плечи сразу как-то сгорбились, голова поникла, а в посерьезневших глазах проявился возраст.

Это только в кино герои встречают смертельную опасность с энтузиазмом. Нормальные люди из всех своих нормальных сил пытаются чреватые приключения избегать.

Профессор в этом плане был более чем нормальным человеком. А потому — предстоящее не радовало.

Сегодняшний день ему придется даже не прожить, а пережить. Вернее, попробовать пережить. При этом — никаких гарантий.

Ефим и раньше думал о предстоящей расплате за уничтоженный героин. Но — не подолгу. И не всерьез.

Такая удобная страусиная политика: если можно сделать вид, что не замечаешь опасности, она как будто и впрямь исчезает.

Тактика, впрочем, не очень и глупая. Как математик по образованию, Береславский любил анализировать ситуацию «по лимитам». То есть — посмотреть возможное состояние функции или процесса при крайних значениях переменных.

При подобном подходе страусиная тактика уже не казалась необоснованной. Ведь если конец каждого человека предрешен, а мы, тем не менее, живем и наслаждаемся этой жизнью, то почему бы не жить и наслаждаться, если опасность грядет через две недели? Или даже через один день?

Разве есть разница, с точки зрения методологического подхода, между одним днем, двумя неделями и вечностью?

Однако когда понимаешь, что у тебя и дня не осталось, — тут уж никакого веселья.

Впрочем, варианты типа повешения тоже в планы Ефима Аркадьевича никак не входили. Он предпочитал — побарахтаться.

Береславский вздохнул, быстро оделся и, уже не оглядываясь на океанские виды — и даже не позавтракав! — пошел навстречу проблемам.

Владивосток встретил его влажным теплом, шумом, кривыми улочками с разбитой проезжей частью и тотальной победой японского автостроения над отечественным. Ефим попробовал зацепиться глазом за «Жигули» или «Москвич», и, как обычно, это закончилось неудачей.

Не будь ситуация столь напряженной, он бы с удовольствием рассмотрел незнакомые иномарки: японцы строят для себя совсем не то, что на экспорт. Но сейчас другие мысли занимали его удрученное сознание.

Пунктом номер один в попытке отбиться от хозяев героина было посещение старого знакомого, хозяина небольшой цифровой типографии Валеры Цибина.

Скорее даже — принт-шопа: здесь делали все, от маленьких тиражей визиток и листовок до значков, брелоков и именных футболок.

Они знали друг друга много лет. А этой весной Ефим лично помог Цибину приобрести «бэушное» оборудование по весьма сходным ценам, тоже у приятеля, только московского, который, приобретая новую технику, торопился скорее сбывать старое.

В Ефимовом плане боевых действий то, что оборудование было старым, играло немаловажную роль.

А вот и хозяин. Уважительно — на пороге — пожал руку, провел в маленький, недорого, но аккуратно отделанный кабинетик, предложил дорогого китайского чая — он и в Москве всех им угощал, большой любитель. Береславский не отказался, в его тонкую фарфоровую чашку бросили увесистый зеленый шарик. Комочек через какое-то время раскрылся, обнажив желто-красное нутро цветка.

— Такое в магазине не купишь, — гордо объяснил Цибин.

— А я вроде видел, — удивился Ефим.

— Похоже, но только внешне, — снисходительно усмехнулся хозяин. — «Жигули» ведь тоже похожи на автомобиль? — хитро сощурившись, спросил он у московского гостя.

— Похожи, — не стал спорить Береславский. Он еще не успел забыть того времени, когда для него — владельца одиннадцатилетнего «ушастого» «Запорожца», новые «Жигули» были не просто автомобилем, а — Автомобилем его мечты.

После китайских церемоний перешли к делу.

— Мне тут доллары надо напечатать, — сообщил Ефим Цибину.

— Во как! — оценил широту замысла владелец принт-шопа. — И много?

— Миллион триста. Сотенными.

— Лет на пятнадцать, — подумав, предположил Цибин.

— Не-а, — несерьезно ответил профессор, отпивая глоток и впрямь ароматного чая. — Они не должны быть сильно похожи. Никакой микропечати, никаких вшитых лент и магнитных чернил. На обычной бумаге, к тому же. Ничем не рискуешь. Хочешь — напиши на каждой «фальшивка». Только не особо крупно и зеленым цветом. Я дарить в полиэтиленовом мешке буду. Особо не разглядишь.

— Может, лучше на чем-нибудь другом, поновее? — усомнился Цибин. — Все натуральной будет.

— А мне не надо натуральной, — улыбнулся Ефим. А про себя подумал, что в новых копирах «зашит» в чипах запрет на копирование основных мировых валют, машинка встать может. А в старых — нет. Вслух же добавил: — Да, их еще надо порезать и в пачки собрать. На резинках.

Цибин ненадолго задумался.

— Тут одной печати часа на три, — наконец принял он решение. — Плюс рубка. Плюс пересчет и обвязка.

— Я тебя не тороплю, — сказал Береславский. — А вот — образцы. — Он выложил заранее приготовленные десять сотенных зеленых купюр.

— Их потом возвращать не надо? — ухмыльнулся Цибин.

— Как раз надо, — не принял юмора профессор. — Не надо — вот эти, — показал он еще один конверт. — Здесь две тысячи.

— Ладно, сделаю, — встал с места хозяин. Работенка ему предстояла непростая, с учетом некоторой отсталости его агрегата. И заняться он ей хотел лично — по крайней мере, два его сотрудника вышли из помещения вместе с Береславским, а на стеклянной входной двери повисла табличка «Закрето».

Зачем заезжему профессору понадобилась такая куча фальшивок, Цибин спрашивать не стал — лишние знания и в самом деле лишь умножают печали.

«Так, одно дело сработали», — поставил мысленную галочку в мысленном же гроссбухе Береславский.

Теперь осталось самое главное.

Ресторанчик он подобрал еще вчера вечером, обойдя их с Самураем не менее полутора десятка. В итоге — угадал вроде точно.

Прежде всего, заведение с банальным названием «Восток» было хоть и маленькое, но имело два разных входа с двух улочек. С одной — вроде как парадный, с другой — через служебный коридор, но тоже всегда открытый — это Самурай выяснил у мальчишки-официанта, как две капли воды похожего на него самого.

Облюбованный заговорщиками отдельный кабинетик был невелик, метров шесть квадратных, зато закрывался на ключ и не имел окон. Столик предусматривался всего на двоих, но официант обещал поставить третий стул.

Последняя деталь, в каком-то смысле определившая выбор профессора: ресторанчик был корейский. А значит, раскосая физиономия Самурая не должна вызвать ни лишнего любопытства, ни сильно запечатлеться в чьей-нибудь памяти.

Теперь нужно организовать прибытие всех действующих лиц. И отбытие не всех, если все пойдет по плану.

Ефим присел на скамейку в маленьком садике и, уняв бьющееся сердце, набрал номер мобильного Скрепера.

— Алло, — густым недовольным басом незадолго медлительно отозвалась трубка.

— Это я, — не называясь, сказал Береславский. — Сегодня завершаем сделку. Жду вас в 18.30 у ресторана «Восток», — и он назвал адрес заведения, причем — с маленького проулка, на который выходил «полуслужебный» вход. — Если хотите, встречу вас на площади, — добавил Ефим,

желавший максимально контролировать ситуацию. Площадь была в двухстах метрах дальше.

— Хочу, — легко согласился Скрепов. — В 18.25 буду.

— Отлично, — не выказывая никаких чувств, завершил беседу Ефим.

Оказалось — не завершил.

— Если что не так, ты — покойник, — теперь завершал, в свою очередь, беседу бандит.

— Я умер от страха, — неожиданно разозлился профессор. Похоже, драка началась — по крайней мере, пальцы у профессора трястись перестали.

— Поговорим при встрече, — нейтрально «вырулил» Скрепер и дал отбой.

Следующий звонок был Али.

— Да, — кратко бросил чеченец.

— Это я, — представился Береславский.

— Откуда знаешь номер? — бесцветно спросил Али.

— В справочной дали, — устало ответил Ефим, подумав про себя: «Со-всем, что ли, больной? Сам же продиктовал в кафе на трассе».

— Хорошая справочная, — одобрил Али, действительно подзабывший этот момент.

— Я готов вернуть долг, — не стал крутить Береславский. — Завтра нас уже не будет.

— Похвально, — ухмыльнулся собеседник. Правда, непонятно, что ему больше понравилось: то, что Ефим был готов вернуть долг, или что его завтра уже не будет.

— В семь часов ровно я жду вас в корейском ресторане. — Профессор продиктовал адрес, но теперь — со стороны главного входа. — Называется — «Восток».

— Давай в восемь, — потребовал Али.

— Невозможно, я уже заказал кабинет на семь. В восемь у них — другие посетители.

— А я сказал — в восемь. И в другом месте.

— Послушай, ты! — намеренно пошел на откровенное хамство Береславский. — Я свое дело сделал. Хочешь — оплати мои услуги и забирай товар. Не хочешь — не оплачивай и не забирай. — И повесил трубку.

Расчет был обоюдоострый, но менять место встречи уже невозможно, иначе срывался весь его план.

Конечно, это было еще не смертельно, но — уже близко к тому. Потому что если бы хитроумные приготовления профессора не увенчались успехом, оставалось надеяться только на ловкость рук Самурая. И на то, что у

конкурирующих бандюков не будет достаточного количества бойцов.

Ведь, как известно, — против лома нет приема.

Единственный приемлемый вариант — вывести из игры обоих главных противников одновременно. На этом и были построены все расчеты.

Али перезвонил через минуту. Правда, эти 60 секунд тянулись для нервного Береславского довольно долго.

— Не кипятись, уважаемый, — голос кавказца был совершенно спокоен. — В семь буду. Встретишь?

— Внутри у гардероба, — согласился Ефим, тщетно пытаясь унять нервную дрожь.

— Да не трясись, — угадал его состояние Али. — Завтра ты уже вольная птица.

«Трусоват я все-таки», — самокритично подумал Береславский. Вслух же вежливо попрощался и теперь уже окончательно дал отбой.

Потом перезвонил Самураю, сказал, что пока все — по плану. Встречаться они до вечера не предполагали: оставалась вероятность, что Али или Скрепов попытаются все же за Береславским проследить. Так что увидят они друг друга только в ресторане.

Теперь оставалось позвонить Цибину и спросить, как дела. Здесь проблем не оказалось: дела у Цибина шли хорошо, через три часа приглашал забирать товар.

Значит, надо было убить три часа.

Ефим мысленно перебрал варианты.

Пообедать — сейчас кусок в горло не лез. Да и трехчасовой обед — даже для любящего это дело профессора многовато. Можно еще просто погулять по городу, но гулять тоже не хотелось. Голова была занята не тем, да и сильно уставать Ефим опасался: его и без того невыдающиеся физические кондиции к вечеру могли понадобиться по гораздо более важному поводу.

Он повертел головой вокруг себя в поисках кинотеатра: и отвлечется, и не устанет. Но букваль-

но через дом увидел художественный музей, и решение пришло мгновенно. Кстати, будет, чем похвастаться перед Птицыным, надо только паруройку фамилий запомнить.

Обязательно похвастается. Если переживет этот вечер, — устало подумал Береславский и неторопливо прошествовал к входу в музей.

А ведь понравилось!

Он бродил по почти пустым залам, изредка останавливался около полотен, чем-то задержавших его взгляд. Например — у старой картины с изображением строительства Петербурга.

Художник работал либо с натуры, либо по натурным эскизам — фотографией тогда и не пахло. Поэтому полотно было ценно не только художественным отображением действительности, но и самим фактом этого отображения.

Перед очередным залом — их в музее оказалось все-таки немало — Ефим услышал чьи-то громкие голоса. Первым делом — испугался: его мог выследить любой из двух бандитов-кредиторов, но уже через мгновение понял, что голоса — детские. А еще через несколько минут зазвучали рояль, скрипка и пара духовых — но не медных — инструментов.

Ефим заглянул в большой зал.

По стенам здесь тоже были развешены полотна, но — яркие, светлые, буквально кричащие об оптимизме и юном возрасте их создателей.

Середину зала занимали обычные стулья. Первые ряды были заняты полностью взрослыми — преимущественно женщинами средних лет — и детьми. Сзади свободных мест оставалось достаточно.

На импровизированной маленькой сцене — на самом деле просто отгороженном куске паркетного пола — стоял рояль, за которым музицировала маленькая, но довольно экзальтированная пианистка. Рядом с ней стояли две девочки — со скрипкой и флейтой — и совсем мелкий пацанчик с какой-то дудочкой, название которой малообразованный в музыкальном плане профессор не знал.

— Посидите, пожалуйста, если есть время, — зашептала подошедшая к нему старушка-смотрительница. — Деткам так нужны зрители, а то все одни мамы.

Время у Береславского было, и он присел на стул.

— Большое спасибо, — прошептала старушка.

— А что это такое? — тоже шепотом спросил Ефим.

— Подарочный ежегодный концерт.

— Подарочный? — не понял профессор.

— Да. Музыкальная школа дарит художественной. А потом художественная разместит экспозицию в музыкальной. Для них это очень важно.

Береславский откинулся на спинку стула, с удовольствием слушая музыку, и прикрыл глаза.

Ему было хорошо.

Однако концерт, как и все хорошее, в какой-то момент закончился. Ефим честно и от души похлопал юным артистам, когда те, смущаясь, выходили на поклон.

— Еще приходите, — пригласила его благодарная старушка. — Им так не хватает людей в зале. И аплодисментов.

— Приду, — пообещал Береславский. Если вечером не пристрелят.

Но об этом он бабушке не сказал.

Выйдя на улицу, Ефим обнаружил, что прошли два с половиной часа из трех, отведенных ему Цибиным.

Он позвонил Валере.

— Ваши визитки готовы, — ответил тот.

«Вот же конспиратор!», — ухмыльнулся Ефим. Визитки!

А что, в некотором смысле баксы и есть визитки. Даже — фальшивые баксы, уж они-то точно рассказывают о предъявителе не меньше, чем настоящие.

По дороге он купил огромный мешок из непрозрачного двойного полиэтилена и большую клетчатую сумку, наподобие тех, что используют «челноки» и рыночные торговцы.

Все это Ефим приобрел на одном из китайских рынков — это гарантировало, что, если даже по сумке выйдут на продавцов, те не смогут опознать покупателей. Ведь для них «круглоглазые» — как для нас китайцы: немножко смешные и абсолютно неидентифицируемые.

«Впрочем, — невесело размышлял Береславский, — в китайцах, возможно, разобраться научимся. Все к тому идет». Но мысли текли как-то вяловато, а перед глазами возникал то образ здоровенного и злющего Скрепера, то худющего

и вовсе не злого чеченца — он же не из злости убьет, а по религиозной целесообразности.

Короче — два сапога пара. И с этой парой ему сегодня вечером предстоит разбираться.

Да какое там «вечером» — уже через пару часов.

Сердце опять заколотилось сильнее, Береславский даже забеспокоился: не принять ли какого-нибудь корвалолола? Но отказался от этой идеи — ему только искусственного замедлителя реакций не хватает. Все остальные неприятности уже присутствуют...

Глава 32

**Владивосток, 12 августа, день
Баксы, граната и чай с травами**

От Валеры Ефим вышел с сильно потяжелевшей сумкой. Посмотрел на часы. Пора было действовать.

Он остановил попутку — маленький «ниссан» выпуска конца 90-х — разумеется, праворульный.

И ведь знает про эту особенность владивостокских машин, а все время рвется к правому пассажирскому месту, которое, естественно, оказывается водительским.

— Из России, что ли? — определил его водитель.

— А здесь не Россия, что ли? — огрызнулся профессор.

— Уже и не знаю, — честно ответил «бомбила».

Береславский вышел из машины за два квартала до ресторана, прошел совсем уж какими-то задворками, тщательно исследованными еще вчера вечером, и вошел в «Восток» со стороны проулка. В полутьме коридора его ждал Самурай — сегодня он, по взаимной договоренности с парнем-официантом, помогал тому по службе.

Об этом тоже договорились заранее: предприятие было семейное, решение принималось быстро. Парень — племянник хозяина — отрекомендовал Самурая, и вопрос был решен без каких-либо формальностей, в том числе — санитарных. Просто объяснили, что встреча важная и гарантировали племяннику триста баксов. Такой расклад его вполне устроил.

Самурай принял сумку с фальшивками и куда-то ее отнес. На этом его роль пока заканчивалась.

Ефим посмотрел на часы: пора идти встречать Скрепера.

Он ни на миг не сомневался, что опытный бандит пришел задолго до назначенного времени. Не исключено, что и вокруг уже обошел, и второй выход заметил, но сценарию это не мешало.

Что касается Али, Береславский надеялся, что плачевное физическое состояние сделает его менее осторожным. К тому же, он очень рассчитывал, что старый боец недооценит толстого очкарика-профессора.

Но начинать все равно нужно со Скрепова.

Ефим вздохнул и заставил себя выйти на улицу.

Скрепова на площади не оказалось. Ни в 25 минут седьмого, ни без 25-ти семь. Ефим нервно крутил головой, пытаясь вычислить своего «работодателя», но тот как в воду канул.

«Уж не случилось ли с ним чего-нибудь?» — подумал он, и вдруг чья-то сильная рука небрежно прошла по профессорским бокам.

— Чего у тебя во внутреннем кармане? — раздался не слишком встревоженный голос Скрепера. — Бутылка или банка?

— Давайте все-таки на «вы». Так мне привычнее, — не отвечая на вопрос, запустил «пулю» Ефим.

На самом деле, ему как угодно было привычно: и литературно, и не литературно, и даже так, что весьма продвинутые в деле мата люди удивлялись.

— Давайте на «вы», — неожиданно легко согласился Скрепер и ехидно добавил: — профессор.

Пусть будет профессор. Пусть даже «интеллигент вонючий». Пусть как угодно, лишь бы в нужный момент Скрепер был ошеломлен несовпадением между своим представлением о человеке и его поведением.

— Так что в кармане? Пивко? — Скрепов явно ничего не забывал.

— Нет, атомная бомба, — ответил Береславский.

— Профессор, а вы — грубиян. Где тут ваш кабак?

— Уже пришли. — Они и в самом деле стояли перед входом в ресторан.

— А почему не в главный подъезд? — поинтересовался осторожный бандит.

— Пошли в главный, — вздохнул Береславский. — Сколько здесь было, всегда заходил с этого входа.

— Ну, не будем нарушать традицию, — ухмыльнулся Скрепер.

Еще через пару минут они уже были в кабинете. Правда, прежде чем в него войти, «авторитетный» бизнесмен пропустил вперед Ефима, неделикатно ткнув ему в позвоночник чем-то твердым и — Береславский не сомневался — смертоносным.

— Это наган, — подтвердил Скрепов его догадку. — Так что без глупостей.

Ефим и не собирался делать глупости.

— А зачем третий стул? — сразу насторожившись, спросил Скрепов.

— Потому что нас будет трое.

— С какой стати? Киллера, что ли, позвал?

— Если б киллера, он бы вас у входа встретил, — резонно заметил профессор.

— Так в чем дело? — Ответ удовлетворил Скрепера лишь отчасти.

— Послушайте, — как можно мягче произнес Береславский, — через полчаса все закончится. Все свое получают, а я получу свободу. Вы можете потерпеть полчаса?

— Я-то смогу, а вот ты — вряд ли. — В левой руке Скрепера снова появился здоровенный наган, до этого спрятанный в карман.

— Кончай истерить, — совершенно спокойно сказал Ефим. Он и в самом деле перестал нервничать. — Тебе нужны деньги. Мне — жизнь. Причем, либо оба получим — каждый свое, либо — никто.

— Почему это? — Скрепер никак не мог поверить, что у профессора, этого «воющего интеллигента», может быть какая-то своя игра.

— Потому что, во-первых, порошок продан. Продан дорого. И я собираюсь отдать тебе «бабки», за вычетом моих комиссионных.

Ошарашенный Скрепер секунду помолчал, потом спросил:

— А во-вторых?

— Во-вторых, я смогу спать спокойно, только если ты договоришься с кавказцем.

— С кем — с кем? — теперь Скрепер окончательно был выведен из равновесия.

— С тем, с которым вы в Красноярске воевали. Если честно, он мне тоже за доставку заплатил.

— Что-о?! — На секунду собеседник потерял дар речи.

— Уже сделано, — сказал Береславский. — Теперь нужно разрулить всю эту хрень.

В кабинетике повисла тяжелая пауза. Ефим спинным мозгом чувствовал простое и ясное желание партнера по переговорам убить его на месте. И тем же спинным мозгом ощущал, что его «партнер» этого не сделает — раз сдержался в первый момент.

— Ты точно охренел, профессор. — Скрепов больше не пытался его пугать. Он пытался его вразумить, понимая, что столкнулся с чем-то, не осязаемым его мозгом. — Этот ублюдок стрелять начнет раньше, чем думать.

— Я его на улице встречу. И договорюсь, чтобы он этого не делал. Он не прочь тебя грохнуть, но джихад важнее. А это штука дорогая, без денег не делается.

— Тебя бы грохнуть! — совершенно искренне вырвалось у Скрепера.

— Сейчас — нельзя, — уверенно ответил Береславский. — А потом, надеюсь, — уже не будет нужно. На том и расчет.

Он внимательно смотрел на Скрепова и видел, что тот начал успокаиваться. Теперь хорошо бы также бескровно обработать Али. Ефим прекрасно понимал, что их с Самураем и Доком жизни будут спасены, только если нейтрализовать обе враждебные стороны. И — необходимое условие — одновременно.

— Где деньги-то? — уже почти спокойно спросил Скрепер.

— Если договоримся — будут здесь, в кабинете.

— Значит, неподалеку. Слушай, если ты такой умный, почему нам их не поделить? Без «чеха»?

— Потому что я потом проживу недолго, — усмехнулся Береславский. — Либо тебе захо-

чется вторую половину денег, либо он меня найдет. Я же фигура — публичная.

Немного поразмышляв, Скрепер смирился:

— И что дальше будет происходить?

Ефим посмотрел на часы:

— Пойду чеченца встречать. Учти: если выйдешь из кабинета, мне про-сигналят, и я просто уйду, тогда возитесь сами.

— А он войдет и пальнет?

— Пошли по второму заходу, — утомленно проговорил Ефим. Он и в самом деле начал уставать от жуткого напряжения. — Надо бы было — подставил бы тебя сразу. А так — специально вас разделил, во времени и пространстве. Ты же видел.

— Видел, — нехотя согласился Скрепов. Он уже понимал, что особого выбора ему не предоставлено. Но последнее слово оставил за собой: — Если что — первая пуля твоя.

— Достал уже, — разозлился Береславский. — Первая пуля, вторая пуля. Никому шума не надо. Деньги раздал, свое забрал — и по домам.

Он вышел из кабинета и направился к двери. В коридоре хватило сил подмигнуть встревоженному Самураю. Тот весьма профессионально смотрелся в белом официантском фартуке.

Очень вовремя вышел — к дверям «Востока», с «парадной» стороны, уже подходил Али.

«Ну, Господи спаси!» — взмолился бывший атеист Береславский и по-здоровался:

— Привет, Али!

Тот не ответил, пристально рассматривая Ефима.

— Что не так?

— Машина выезжала со стоянки. На три часа. Куда?

— Откуда я знаю? — равнодушно бросил Береславский. — И какая разница?

— Как — какая разница? — взвился Али. — Ты отвечаешь за груз!

— Слушай, с тобой можно говорить откровенно? — устало вздохнул Ефим.

— Только откровенно и можно, — усмехнулся тот. Похоже, он чувствовал себя отвратительно — желтый весь, но руку из кармана не вынимал.

— А палить, не дослушав, не начнешь?

— Сначала дослушаю, — согласился Али.

— Тогда давай по пунктам, — предложил Ефим.

— Давай.

— Порошка в «Ниве» нет.

— Как?! — чуть не заорал Али.

— Ты обещал не стрелять до конца разговора, — напомнил Береславский. — Порошок продан, и продан дорого — за миллион триста тысяч.

— Где деньги?

— Деньги целы и будут переданы тебе. За вычетом моих комиссионных.

— Собака! — еле слышно прошептал Али. — Забирай свое, отдавай остальное.

— Есть еще один момент.

— Какой?

— Твой враг из Красноярска.

— При чем здесь он?

— Он дал мне машину и заплатил за трафик. Еще в Москве.

— Почему сразу не сказал? В кафе?

— Чтобы ты меня там же и убил? Раз я с твоим врагом имею дело.

— А почему сейчас сказал? Здесь ты стал бес-
смертным?

— Наоборот, — объяснил Ефим. — Как раз здесь я в самой большой опасности. Либо ты меня убьешь, либо — он. А я жить хочу.

— И что предлагаешь? — Али, к счастью, оказался намного хладнокровнее, чем Ефим предполагал. Сохранится ли это хладнокровие, когда он увидит убийцу своего сына?

— Предлагаю передать вам деньги, забрать свои копейки и уйти. Причем, вы должны уйти оба живые.

— Тебя-то что это волнует?

— Если вы вдвоем договоритесь, — и договоритесь без пальбы, — я останусь живой. Деньги у вас, я — замазан в доставке, зачем я вам нужен без денег и замазанный? Это — мое спасение. Логично?

— А если он пальнет, когда я войду?

— Не пальнет, — твердо сказал Береславский. — Мы с ним подольше, чем с тобой беседовали. Кроме того, у него к тебе, помимо денег,

никаких «предъяв» нет. — А про себя вдруг подумал: «Зря я это сказал. У Али точно имеется одна не денежная «предъява». Вполне может сорваться».

Но тот не сорвался, только улыбнулся недобро:

— То есть, все либо в шоколаде, либо — в гробах?

— Отменно сформулировано, — подтвердил профессор. И спросил: — А ты-то сможешь в него не выстрелить, когда увидишь?

— Попробую, — снова улыбнулся Али. «Какая же у него неприятная улыбка!»

— Попробуй, это важно, — согласился Береславский. И достал из внутреннего кармана то, что Скрепов счел пивной банкой.

Али узнал ее сразу — сам же и дал.

Ефим сжал гранату правой рукой, левой — разогнул «усы» и, схватившись за кольцо, выдернул чеку. Отдал ее Али. Тот спокойно взял кольцо с «проволочками» и положил в карман.

Теперь жало ударника отделял от капсюля только сжатый ладонью Береславского спусковой рычаг. Расслабься рука — пружина бросит вперед ударник, загорится пиросостав замедлителя, и — очень скоро — раздастся взрыв.

— Твоя страховка? — то ли спросил, то ли просто констатировал Али.

— Ага, — подтвердил Береславский. — Либо все в шоколаде, либо все в гробах.

Они подошли к кабинетику, и, казалось бы, успокоившееся сердце Ефима снова заколотилось. Теперь на него будут смотреть уже два «ствола». Плюс еще одна неприятная штука. Он на миг представил себе, как эта зеленая дрянь выскальзывает из его вспотевшей ладони...

Сколько им останется жить после этого — три, четыре секунды?

Ефим зашел в кабинет первым и прямо с порога сказал посеревавшему Скреперу:

— Он не выстрелит. И ты воздержись, пожалуйста.

Затем пропустил Али. Тот сел напротив Скрепова, сверля своего врага ненавидящим взглядом. У обоих — рука в кармане.

— Пожалуйста, спокойнее, господа, — еще раз мягко напомнил Береславский. — Мы же все в одной лодке. Руки на стол, пожалуйста.

Соперники даже не шелохнулись.

Тогда Ефим положил на стол свою руку. С гранатой РГД-5.

— Чека у Али, — бесцветно сказал он. — Руки на стол, пожалуйста.

На стол легли уже четыре руки: одна, мощная, — Скрепера, две, худые и желтые, — Али, и подрагивающая — профессорская.

— Ее бы в стакан, — посоветовал опытный Али. — Не приведи Аллах, выскользнет.

— Не выскользнет, — заверил Ефим и убрал руку со стола.

— Что дальше? — спросил Скрепер. Про себя он решил, что, чем бы сегодняшний дележ ни кончился, профессора он в любом случае завалит. Никогда в жизни ему не было так паскудно, даже в тюрьме у Гнедышева. За это и завалить-то мало, надо что-то дополнительное придумать. Но это — потом. Сейчас задача другая: выжить и деньги получить.

— Дальше нам принесут деньги, — объяснил Ефим. — Я возьму три пачки и уйду. Если вы не возражаете.

— Неплохо придумано, — одобрил идею Али.

— Вместе надо уходить, — сказал Скрепер. — С тобой и с гранатой. Там садимся в «тачку». По одному выходим с «лавэ». В центре города, чтоб без стрельбы.

— Можно и так, — согласился Береславский. — Если Али не возражает.

Али не возражал.

Ефим, с разрешения присутствующих, нажал левой рукой на кнопку вызова официанта.

Самурай появился через минуту, вид у него был невозмутимый.

— Что закажете? — спросил он и профессионально склонился с блокнотиком над столом.

— Я думаю, есть не будем, только пить? — обратился Ефим к собравшимся. Ответом ему было молчание. — Тогда мне черный чай с лимоном. А вам? — еще раз спросил он у своих «друзей».

— Зеленый, — односложно ответил Али.

— Кофе, — потребовал Скрепов, тоже возжелавший хоть какого-нибудь допинга: сидеть напротив Али с его наверняка заряженным «стечкиным» было непросто.

А тут еще этот очкастый придурок с гранатой на боевом взводе. Главное, чтобы профессор от страха не разжал свои жирные мокрые пальцы.

«Официант» уже собирался уходить, как его окликнул Береславский:

— Еще одна вещь, милейший!

— Да, да, конечно, — сразу обернулся тот, опять профессионально выставив блокнот.

— Принесите мою сумку, пожалуйста. Я оставил ее в гардеробе.

— Непременно, — угадав контекст, отозвался «официант».

— Деньги сейчас будут, — устало объяснил профессор.

Чай и кофе принесли быстро. Ефим сразу залпом выпил свой, через мгновение к нему присоединились оба «сотрапезника» — пить, как оказалось, после всех треволнений хотелось не только профессору.

Еще через минуту в кабинете появилась и объемистая клетчатая сумка, закрытая на молнию.

— Дверь закрой, — попросил Ефим Али, когда «официант» вышел. Тот привстал и закрыл дверь на щеколду. Теперь — упади граната на пол — точно никто не выскочит. Этого и добивался Береславский, чтобы убрать соблазны.

Он нагнулся и одной рукой расстегнул молнию.

— Помочь? — заботливо спросил Скрепер, не в силах забыть о том, что держала вторая профессорская рука.

— Спасибо, не надо, — вежливо ответил Береславский, неловко высвобождая концы полиэтиленового пакета, запрятанного в сумку. Сразу было видно, что пакет доверху заполнен пачками, похожими на банкнотные.

Ефим достал три верхние и кинул на стол.

— Там 133 пачки, я лично пересчитывал. Без этих трех — 130. Три пачки — мои, — напомнил он, поворачиваясь к чеченцу. — Ты обещал.

Тот молча кивнул.

— Из твоей половины, — хрипло сказал Скрепов, замороженный кучей денег.

Тот снова кивнул.

— Ну, можно сваливать? — спросил Ефим, внимательно разглядывая «партнеров». — Или обсудим — как?

Скрепер открыл рот, чтобы ответить, но язык его явно не слушался. Он попытался пошевелить руками — и это не удавалось.

С Али происходило то же самое.

Оба были в полном сознании, но через считанные секунды сидеть самостоятельно уже не могли, даже головы заваливались.

Ефим убрал три пачки в карман и снова нажал кнопку вызова официанта.

Самурай зашел, закрыл за собой дверь, надел пластиковые перчатки и принялся методично обыскивать обездвиженных бандитов.

— У чеченца еще колечко металлическое, с хвостиками, должно быть, — подсказал Береславский. — Найди в кармане, пожалуйста.

— Ладно, — ответил Самурай, поглощенный своим занятием.

Он забрал документы, записные книжки, со-товые телефоны — все бумажки до последнего клочка. Оставил лишь заряженные «стволы», да у Али была еще одна граната — наступательная РГН.

— Новую-то не дал, жмот, — укоризненно ска-зал ему Ефим.

— Пошли? — закончил свои изыскания Са-мурай.

— А колечко с хвостиками? — вопросом отве-тил профессор.

— Не нашел. У него карманы с дыркой. Зачем оно тебе sdалось?

— Я бы обратно в гранату вставил, — объяс-нил Ефим, показывая другу РГД-5.

— О, Господи, — выдохнул Самурай, не по-священный в эту тонкость профессорского за-мысла. — Только не выпусти.

— Не боись, — успокоил его Ефим. — Черт с ней, с чекой. Ее все равно обратно вставлять за-мучаешься — в три маленьких дырки надо по-пасть. Поехали за город, где-нибудь сбросим. Пока, пацаны, — поднимаясь, сказал он и легонь-ко потрел по щеке. Тот чуть не помер от ярости.

Пошутить подобным способом с Али Ефим не рискнул. Даже в таком беспомощном состоянии он внушал ему самые серьезные опасения.

«Плевать, кто кого боится, — постарался успо-коить себя Береславский. — Главное — кто кого «сделал».

Вот в этом хвастливый профессор был прав. Они с Самураем «сделали» этих парней. Вчистую.

Глава 33

Владивосток, 12 августа, ночь
Из дневника Самурая (запись шестая)

Честно говоря, гранатой он даже меня удивил. Хотя, с другой стороны, не исключено, что она оказалась для бандитов главным аргументом.

На выходе из ресторана я расплатился с настоящим официантом — и не тремя сотнями, а тысячей — так велел обычно не щедрый предводитель.

За это парень должен был вызвать РУБОП и рассказать милиционерам всю правду. Только добавить лет десять мне, убавить двадцать моему шефу и напрочь забыть о моем происхождении. И о том, конечно, что я успел поработать у них официантом.

Звонок в РУБОП предполагался через полчаса после того, как мы с Береславским уедем.

За средство Шамана я не боялся: сказал — на сутки, значит, на сутки.

Повезло же сегодня ментам — два бандюка, со «стволами», гранатами и кучей фальшивых баксов. И, к тому же, тихие, как спящие дети.

Это сколько же звездочек на погоны им прибавится?

Потом рванули за город, к морю. Отпустили машину и вышли к обрыву. Внизу никого не было, как и со всех прочих сторон.

Только океан шумел.

Я все же не поленился, спустился проверить отсутствие чужих душ — чтобы ненароком не взять грех на свою.

Нет, нога человека там давненько не ступала.

— Ну, можно уже? — взмолился истомленный профессор, когда я забрался обратно наверх.

— Валяй, — разрешил я.

Он подошел к самому краю и сбросил вниз свою железку.

Я засек время — четыре секунды. Потом грохнуло, но не так, чтобы сильно — открытый воздух плюс лес да шум прибоя приглушили звук.

Мы все равно сначала затаились, а потом постарались быстро отойти подальше.

Пока шли, я вслух размышлял о наших и своих собственных делах. Наши — шли блестяще: похоже, от бандитов мы отвязались надолго. Надеюсь даже — навсегда.

От официальных структур тоже ничего ужасного не ждем. Найти нас практически невозможно. Следы пальцев, если и обнаружатся, ничего не дадут: нас нет ни в каких криминальных карточках.

Единственная проблема — я ни на йоту не приблизился к тому, за чем поехал в Сибирь, и далее — к Тихому океану.

Да, мы заработали кучу денег: Ефим последовательно «ошкуривал» всех бандитов, а теперь честно предложил разделить «нажитое непосильным трудом». Но, деленные на троих, эти деньги, оставаясь по-прежнему огромными, ни на шаг не приблизили меня к главной цели. Ведь московский приятель Береславского нижнюю планку указал точно: полтора американских «лимона».

А их как не было, так и нет.

Все это я высказал Ефиму. Без упреков — в чем тут его упрекнешь? Просто пожаловался на судьбу.

На что Береславский посоветовал не суетиться, пока он не исследует извлеченное из бандитских карманов.

Собственно, поэтому я сейчас и пишу, примостив тетрадь на коленях: письменный стол занял профессор, разложил там все свои сокровища и обнюхивает их.

... Дописываю через три часа.

Ефим неожиданно обернулся и сказал:

— А я, похоже, нашел.

— Что? — не понял я.

— Может, миллион, а, может, и все два.

— А, может — ничего? — уязвил я профессора. Ну, где он там мог найти миллион?

— А, может, ничего, — на удивление спокойно согласился тот. И замолчал.

Верная тактика: сам же и напросился.

— Ладно, Ефим, давай про свой миллион.

Дважды его упрашивать не пришлось.

— Смотри, Скрепер отнял у чеченца кучу «бабла». Я так понял — плату за тот героин, из-за которого весь сыр-бор.

— А ты откуда знаешь?

— Кое-что Али рассказал. Помнишь, в кафе мы с ним общались? Ты тогда еще со Смагиной задержался.

Вот же неделикатный человек! Еще бы я не запомнил эту «задержку». Вся жизнь буду помнить и радоваться...

Но толстокожий профессор даже не заметил моего смущения.

— Кое о чем я сам догадался. Я же умный, — продолжил он самовосхваление.

— Еще какой умный, — подтвердил я. Грубая лесть в общении с этим человеком никогда не бывала лишней. — А граната откуда?

— Оттуда же. Абрек подарил.

Да, Ефим Аркадьевич. Не первый день знакомы, но каждый раз он меня удивляет.

Правда, сейчас мне больше всего хотелось услышать про миллион.

— Так что про миллион? — так и спросил я.

— Если Скрепер украл деньги чеченцев, у него оставалось совсем мало времени, чтобы их куда-то пристроить. Точнее — совсем не оставалось. И сдается мне, он и не собирался возвращаться в Москву.

— А значит... — У меня появилась надежда. Маленькая, но это лучше, чем никакая.

— А значит, — подтвердил Береславский, — деньги могут быть где-то рядом. Я сначала думал, придется к нему в номер лезть. Но все может оказаться гораздо проще, — и он протянул мне бумажку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась квитанцией из багажного отделения Владивостокского вокзала. — Он, кстати, круглосуточно работает.

— А как нам его багаж отдадут? — спросил я. Среди захваченных документов даже паспорта Скрепова не оказалось. Да и был бы — Береславский с ним точно не брат-близнец. Не говоря уже про меня.

— Поехали, на месте решим, — потопал к выходу профессор.

В такси, по дороге к вокзалу, я мысленно проиграл с десяток способов изъятия бандитского чемодана. И все отверг — ни один не давал никаких гарантий.

Ефим же на переднем сиденье сидел молча и, как мне показалось, с удовольствием разглядывал ночной город.

Что ж, его можно понять. Он с победой завершил дело, да еще денег заработал. Для него поход завершен весьма успешно.

Для меня же, если мы не изыдем чемодан (либо если в нем окажутся вовсе не деньги, а например, тот же наркотик), — сегодняшней вечер будет просто прожит впустую.

На вокзале было пусто. За десять минут наблюдения лишь один товарищ подошел за вещами. Старик-гардеробщик — лет семидесяти, не меньше — чуть не с лупой сверял его багажную квитанцию с паспортом.

— Что делать будем? — спросил я.

— Ждать, — спокойно ответил Береславский. Мне даже стыдно стало: в этом нашем диалоге мы, по идее, должны были поменяться текстом.

И ведь дождались!

Непонятно откуда набежала толпа китайцев, человек двадцать. С автобуса, наверное. С баулами и чемоданами.

Ефим быстро встал и подошел к менту, от профессионального взора которого мы с ним еще минуту назад старались уйти.

— Извините, ради Бога, — деликатно начал профессор, держа в руке багажную квитанцию. — Нас серьезные люди в вашей мэрии ждут. Ночное совещание. А мы чемодан свой забрать не можем, там китайцев целая толпа подвалила. Не поможете?

— Какое еще совещание? — недовольно буркнул сержант.

— По вашей части, — хихикнул Береславский. — Мотивация личного состава органов внутренних дел. Я — консультант из Новосибирска. Кстати, меня пригласил сам... — и Ефим назвал ничего не говорящую мне фамилию.

Зато милиционеру она сказала многое.

— Лично генерал? — уточнил он.

— Лично, — подтвердил Береславский. — И оплатил по-царски. Так что я в долгу не останусь. Ускорите мне процесс? — и он уже откровенно протянул милиционеру багажную бумажку.

— Подождите минутку. — Мент быстро двинулся к окошку выдачи.
— Откуда ты знаешь их генерала? — спросил я.
— Читайте городские газеты, — ответил профессор. — И все у вас будет хорошо.

И это правда.

Потому что уже через две минуты большой серебристый — и очень тяжелый — кейс был в моих руках. А в руках сержанта — 500 рублей.

Я бы дал и больше, но, наткнувшись на недовольный взгляд Ефима, одну бумажку из расчета изъяс.

— Тоже мне, князь монацкий, — сказал он мне потом. — Мент, если что, и за полтыщи не будет особо много рассказывать.

Мы шли к такси по площади, а я все думал — что же в чемодане? Спасение моего народа или несвежие рубашки г-на Скрепова? Хотя несвежие рубашки не должны столько весить.

В комнате поставили баул на стол. Оказалось — номерные замки с обеих сторон.

Я, было, собрался вскрыть их консервным ножом, но хозяйственный Ефим не позволил. И мне пришлось в очередной раз убедиться в его нетривиальных, мягко говоря, способностях: аккуратно вращая колесики «секреток», он нагнул вниз свою большую голову и приставил к исследуемому месту тоже немаленькое ухо.

Уж не знаю, что он там услышал, но не прошло и пяти минут, как чемодан, издав мягкий щелчок, открылся.

И нашему взору предстала...

Теперь — плотная черная пластиковая пленка. Вот уж с ней-то я обошелся без церемоний.

А под пленкой действительно оказались доллары. Целая гора баксов.

Глава 34

Владивосток, 12 августа, ночь
Рассказывает Док

Я не знал, чем они там весь вечер занимались, — меня не посвятили, до сих пор обидно. Пока не пригласили в номер. Как выяснилось — считать деньги.

Чемодан, похожий на мой с инструментами, только побольше, доверху был набит долларами.

Сначала мы пересчитывали содержимое пачек, потом стали считать только пачки.

Насчитали — сто сорок восемь.

— Черти, — ухмыльнулся профессор. — Наверняка 20 тыщ кто-то спер.

— Не суди обо всех по себе, — укорил я его. — Может, изначально сумма такая.

Меня не покидало ощущение, что в этом гостиничном номере снимается кино про гангстеров. Только с моей собственной ролью было непонятно.

— На три не делится, — озабоченно произнес профессор. И предложил свое видение проблемы: нам — по 49 пачек, ему — 50. И сам же объяснил, почему:

— Потому что я самый жадный.

У меня возражений не было.

Зато были — у Самурая. И не по поводу — 50 или 49.

— Ребята, пожалуйста, отдайте мне все деньги, — попросил он. — Действительно нужно.

Так жалостно сказал, что я сразу согласился. Моей доли, если честно, здесь вообще нет.

А Самурай за эту зеленую кучу был готов на что угодно. И не для себя же просит, в конце концов.

— Ты согласен отказаться, Док? — спросил он, почувствовав мое настроение.

— Легко, — сказал я. — За бутылку пива. Только холодненького, и немедленно.

А что, неплохо сказано. Есть у меня парочка знакомых олигархов. Ну — почти олигархов. Очень состоятельных людей. Однако ни один из них не отведает пивка за пол-«лимона» баксов.

— Один момент! — отозвался Самурай.

— Я не согласен, — недовольно произнес Береславский. — Док не должен отказываться. Мы ведь рисковали вместе.

— Док — взрослый мальчик, — мягко заметил Самурай.

— Тогда поделим его долю, — ответил профессор.

Ну, дела. Начинался и в самом деле гангстерский фильм.

— Ефим, — тихо сказал враз погрустневший Самурай. — Ты же знаешь, мне нужны эти деньги. И не только Дока. Мне все нужны. Вся эта куча. Для тебя она ничего принципиально не решает, а для меня — это вопрос жизни и смерти.

— Твоей жизни и смерти? — уточнил Береславский.

— Моего народа.

— Тебе лично — дам. И то тысяч сто, не больше. Народу — не дам ни хрена. Народ — понятие собирательное. Состоит из людей. А люди должны сами себе зарабатывать. Ты же знаешь мою позицию.

— Это окончательное решение? — спросил наш пламенный чукча.

— Окончательнее не бывает, — подвел итог Береславский.

— Тогда забери себе все, — сказал Самурай.

— Не вопрос, — ответил профессор, покидал в чемодан деньги, вновь прикрыл пленкой, закрыл кейс на оба замка и повернулся ко мне: Док, может, передумаешь?

— Не-а, — ответил я. Слава Богу, не начали друг другу глотки резать. Я даже не знал, на чьей я стороне: и один прав, и второй тоже.

— Для твоей семьи пятьсот тысяч — лишние? — не отставал от меня Береславский.

Вот же, привязался!

— Может, и не лишние, — ответил я, — но моя доля уже продана Самураю за бутылку пива. Которую он почему-то до сих пор не принес.

— Сейчас принесу, — ответил Самурай.

Вот, собственно, и все наши вечерние разборки.

Никто никого из-за найденных сокровищ не прирезал. Но настроение испортилось у всех троих.

А еще через час ко мне притащился Самурай. И в намеченное на завтра долгожданное океанское плавание мне теперь совсем уже не хочется.

Глава 35

Владивосток, море, 13 августа
Змеиный остров сокровищ

Вода была зеленоватая, катерок — бело-серый, небо — серо-голубое, одним словом, спокойная такая цветовая гамма. Правда, оживленная

вкраплениями сине-желтых «пробежных» курток. Их обладатели скопились в основном на корме, разглядывая отдаляющийся берег и белый пенистый бурунчик за корабликом.

«А не такой уж он и маленький», — подумал о катере Береславский. Профессор уже успел слазить суденышку в брюхо, где оказалось вполне просторно и даже комфортно. Не так, конечно, как на морской яхте его знакомого, на которой они почти неделю плавали по Средиземноморью, но вполне достойно.

Вдоль стен стояли старые автобусные сиденья — кожзам обшарпанный, но чистый, — а из маленьких иллюминаторов даже пробивался, какой-никакой, а все же свет.

Происхождение катера уже было в деталях разъяснено шкипером, Александром Веденьевичем. Посудина чуть не полвека состояла на службе во вспомогательном флоте и при нужде могла взять на борт до пятидесяти морпехов с вооружением. Профессор никак не мог себе представить, как бы это они тут разместились, но не верить добрейшему Александру Веденьевичу невозможно — слишком уж честными были немного выцветшие, но по-прежнему наивно-голубые глаза заслуженного «пахаря моря».

Кораблик списали на металлолом за ветхостью. Этот металлолом выкупил старый моряк, не желавший расставаться с Кораблем всей своей жизни.

Нет, такую посудину грех списывать в утиль. И старый боцман поначалу просто спасал кораблик, а потом понял, что он-то, вдобавок, еще и благодарный — пятьдесят лет кормил и дальше продолжает.

Зажиточный народ начал активно приобщаться к дайвингу, а у Александра Веденьевича все удовольствие в одном флаконе. И посудина, и оборудование, и знание акватории отменное, и водолазного опыта столько, сколько на трех инструкторов хватит.

... Короче, все сегодня нравилось Ефиму Аркадьевичу. Единственное неудобство — он не выпускал из рук пузатый кейс, который был не только объемным, но и тяжелым. Везде таскался с ним.

Безотрывное ношение кейса, упаси Бог, не было выражением недоверия к товарищам. Просто свалившиеся на голову деньги сильно радовали алчного профессора, ему было приятно ощущать их тяжесть. И наоборот — неприятно не ощущать, когда он выпускал кейс из рук. Уже как будто чего-то не хватало.

«Не чего-то, — поправил сам себя Ефим Аркадьевич, — а почти полутора миллионов американских долларов». Уж они-то компенсируют все неудобства.

Впрочем, и эти неудобства ненадолго: на завтрашнее утро запланирован ряд встреч, во время которых чемодан сначала полегчает, а потом и вовсе опустеет. И в самом деле, не тащиться же через аэродромный контроль с таким багажом.

А чего с ними делать в Москве, он уже в основном — примерно на «лимон» — придумал. Остальное додумает в девятичасовом полете: все равно делать нечего, а мысли о том, как потратить «дурные» деньги, — это точно приятные мысли.

«Все время бы такие проблемы», — расслабленно подумал миллионер-профессор. Особо приятно было представлять удивленную Сашкину рожу, когда компаньон узнает, что платить за аренду офиса больше не надо. И в самом деле, кто ж сам себе платит за аренду?

Катерок ходко шел к видневшимся вдали островам. Погодка начала разгуливаться, и народ, истосковавшийся по загару, срочно стал обнажаться. «Может, еще и в воду полезут, как к острову подплывут», — решил Береславский. Этих мужчин смертоносными медузами точно не напугаешь.

Про смертоносных медуз еще с утра начал болтать Самурай. Типа, вычитал, что течение принесло их к нашим дальневосточным берегам. Диаметр тельца — пять сантиметров, зато щупальца метра в три. И все эти три тысячи миллиметров — смертельны для человека.

Занятно. Особенно для купальщиков.

Однако к нему это никак не относилось. Береславский слабо представлял себе свое купание при температуре воды ниже 28-ми градусов. Еще свежа была в памяти сцена с омовением в таежной речке.

Надо же, как его эта банда тогда подставила.

Профессор вспомнил про банду и слегка загрустил. Все же ему было бы комфортнее, если б деньги разделили поровну. Несомненно, Док и Самурай свои доли заслужили, но они же сами отказались. И совесть Ефима

Аркадьевича могла быть спокойна. С какой стати он должен был отдавать свои пятьсот тысяч баксов на спасение малознакомого народа? Его кто-нибудь спасал, когда у него ни жилья, ни даже денег на пропитание не было?

Да он и не просил, и в мыслях не было на кого-то рассчитывать. Так почему он должен отдать свои кровные?

Больше всего его удивил Док, который согласился подарить свои «бабки» Самураю. На хрена тогда было ишачить в Африке? Из любви к чернокожим братьям? Бокассу вон до сих пор с дрожью вспоминает.

Но — каждый волен поступать, как считает правильным.

Про себя Ефим сразу решил, что если парни передумают, он обязательно вернет им их доли. Конечно, после покупки офиса это не будет мгновенным актом, но вернет максимально быстро. Или будет эту аренду вновь платить им, пока не соберет требуемую сумму. Всегда найдется честный вариант, если поискать.

А вот вариант с риском для жизни — и раз в жизни! — хапнуть деньжищ, чтобы отдать их неведомым чукчам — это уж, извините.

Впрочем, все равно нехорошо. Уж лучше бы кейс был потоньше, а счастливицков — втрое больше. На душе было бы легче, это точно.

Береславский еще раз обошел вокруг катера. Времени это занимало совсем немного, однако требовало определенного навыка, потому что «пешеходная» палуба ближе к рубке кончалась. Чтобы пройти на нос, нужно было изобразить из себя муху, передвигаясь по наклонной поверхности. Это не было слишком сложным делом даже для неспортивного профессора — там есть за что держаться, да и путь — в три метра. Разве что кейс мешал.

На носу он нашел курившего сигарету Дока.

— Тяжела жизнь миллионера, — заржал тот, внезапно обнаружив перед собой видного муж-

чину в обширном вельветовом пиджаке, с красным галстуком и с кейсом в руке.

Дока явно не заморачивала недавняя потеря состояния. Он наслаждался текущим моментом, подставив солнцу и ветру свой мощный торс, почти такой же мощный, как у Береславского, но, в отличие от профессора, состоявший в основном из мышечной ткани.

— Чего, купаться собрался? — спросил Береславский.

— Несомненно, — ответил Док. — А иначе, зачем мы сюда так долго ехали?

И профессор со своим кейсом снова потащился на корму.

Но и там не задержался: парни из других экипажей и приглашенные ими местные девчонки устроили импровизированную студию загара, так что «прикид» Береславского снова не вписывался в антураж.

Тогда он пошел в рубку, к старику Веденьевичу. Они еще с утра показались друг другу приятными людьми, и сейчас профессор готов был продолжить беседу со старым моряком.

Дед первым делом пожаловался профессору на валун. Домик у него с супругой высоко, на самой сопке. Десять лет бился Соколов за то, чтобы к дому пробили дорогу. Жалобы писал, к депутату ходил.

Наконец — пробили. Не шоссе, но дедова «праворулька» проезжала.

Так надо же было случиться, чтобы на эту новенькую дорогу с верха сопки скатился огромный валун!

— Еле пешкодралом теперь протискиваемся, — сокрушался шкипер. — А «тойота» моя так наверху безвылазно и стоит. Уже третий месяц. И представляешь — даже ничего не обещают. Говорят — нет в плане.

— Ладно, приедем — я вам камень уберу, — пообещал Береславский.

Пообщавшись еще немного со шкипером, он спустился вниз, в салон — как, явно льстя себе, называл это место Веденьевич. Здесь Ефим снял свой дорогой модный пиджак, — Наташка привезла из самого Парижа, — скатал его в аккуратную трубочку и подложил под голову.

Не понравилось. Раскатал пиджак обратно, сложил вдвое, потом еще вдвое — габариты позволяли. Вот теперь получилось удачно. Он примостился на двух диванчиках сразу, положил под голову «пиджачок-подушку», поставил на пол кейс и, не выпуская его из руки, провалился в приятный полуденный сон.

Давненько я так не отрывался.

Здесь все не как у людей, и все — чудесно.

Остров — Змеиный, а змей нет. Мы его весь облазили. Красоты — необыкновенные.

Далее — океан. Теоретически холодный. Но наш капитан-наставник, Александр Веденьевич, нашел нам такую бухточку, что не купался только Ефим. И то, по-моему, не из-за температуры, а из-за Самурайских рассказов о смертельных медузах.

Правда, Самурай пожалел нашего друга, объяснил тому, что в теплой воде закрытой бухты медузы не водятся, но тот все равно в воду не полез.

Ефим сегодня даже меня удивил. Поехать на пляж в галстук и с кейсом — это только он может. Хотя, с учетом содержимого кейса, он, скорее всего, и прав.

Однако по мне — солнце, воздух и вода — тоже счастье.

Я даже попробовал нырнуть с аквалангом — дед-шкипер обещал меня научить.

Что забавно — не удалось.

Все наши легко научились, кроме Самурая, который, по-моему, и без скафандра под водой может жить. Остальных проинструктировали — и сразу в воду: на корме специальный сход предусмотрен. Становишься ластами на доску — и сальто назад.

Когда дошла моя очередь, я поступил так же.

Сальто, правда, не получилось — просто плюхнулся на спину. Но не это было самым ужасным. Самое ужасное то, что я так и не смог погрузиться под воду.

До меня все обучаемые исчезали с поверхности сразу. А я болтался сверху, сам себе напоминая большую черную жабу.

Шкипер объяснил, что не хватает грузов.

Мне привязали дополнительные грузы — без какого-либо результата.

Тогда он велел дожидаться выхода второго аквалангиста — нашего Василия, чтоб снять грузы с него.

В итоге, на меня надели все грузы, что были, — и опять ничего! Док не только не сгорел в огне, когда упал с вертолетом, но теперь и не тонул!

Впрочем, не все сочли это антинаучное обстоятельство достоинством. Я старался не слушать, как мою «сверхплаучесть» комментировал Береславский, но вполне мог догадаться. Уж чего-чего, а пропустить возможность почесать язык насчет того, что никогда не тонет, — профессор вряд ли сможет.

Короче, в подводном плавании меня постигло полное фиаско. Правда, оно ничуть не испортило моего чудесного настроения, несмотря на все профессорские шуточки.

Теперь — по второму текущему моменту.

Жалко ли мне было — вчера и теперь — пол-«лимона»? Как ни странно, нет.

Когда Самурай объяснил, что найденные бандитские баксы для него важнее жизни, — и это правда, — я легко отдал ему свою долю.

А что я терял? Голодать — не голодаю. Более того, собираюсь в очередную «загранку», которая сильно изменит мое и без того не поганое материальное положение. Да и за пробег мне наши парни тоже вот-вот должны заплатить.

Единственная штука, которая меня материально в последнее время будоражила, — это тот самый набор инструментов, который и так мне купил пронизательный Береславский. На те же, кстати, бандитские деньги.

Я вот подумал — эти пятьсот тысяч никак не изменили бы моей жизни. Даже на квартиру, которую хотел бы — с кабинетом, с гостевой комнатой, с огромной столовой, — не хватит. А снова размениваться на промежуточный вариант — да еще с ремонтами, переездами, — пропади оно пропадом.

Видно, не так уж хочу улучшать свои жилищные условия: когда получал квартиру, в которой живу, — такое счастье было. Второе такое и за десять миллионов не купишь.

А что еще мне нужно?

Ну, дача, ну, хорошая «тачка». Но я ведь не идиот, это же — разовые деньги. Значит, они когда-нибудь кончатся, следующие — не появятся, а привычки-то буржуйские останутся.

Нет уж, пусть лучше все будет по-старому. Не жаль мне пол-«лимона». Честно, не жаль.

А что Береславский не согласился баксы отдать — это легко было предвидеть. Он мужик правильный, но «забугорная беда» его не трогает. Точнее, не трогает настолько. Попросил бы Самурай тысяч сто-двести для себя — не сомневаюсь, Ефим бы дал. А для народа — ну, не любит Ефим Аркадьевич абстрактные понятия. Конкретному лицу — поможет, некоей общности — никогда.

А что, нормальная позиция. Столькие любят нашу Родину и народ в целом, но, откровенно говоря, недолюбливают каждого индивидуально. Так уж лучше подход профессора. Честнее, по крайней мере.

... Так. Дошли до вопроса честности.

Что-то мне все это не нравится. И хотя грядущая затея, на мой взгляд, полезна всем без исключения, даже предполагаемой жертве, — но вот не нравится, и все. А отступать поздно.

О, вон и жертва. Его величество проснулись, глазки узкие трет, щечки свои толстые гладит. И почему-то без пиджака — в трюме, наверное, за был. Зато с чемоданом.

Шел бы ты обратно в трюм. И до конца рейса. Нет, чешет прямо к нам. Ну, значит, судьба.

Настроение Самурая тоже было явно не лучшим — все-таки историю он заварил не вполне симпатичную. И Дока втянул. И шкипера отчасти.

Но выхода другого не видел. Ему нужны полтора миллиона. Кроме того, ему не запретил этого делать Шаман — главный аргумент в сражении с собственной совестью. Если бы совсем ужасное творилось — запретил бы. По крайней мере, Самурай на это очень надеялся.

Катер уже полчаса стоял в открытом море. До берега — метров триста, не меньше. Ждет.

А чего ждет — знают только главный заговорщик да Док. Ну, и шкипер в общих чертах.

Остальные восемь пассажиров, во-первых, не знают, во-вторых — уже ничего не ждут.

Самурай долго думал, как бы так сделать, чтобы ребята оставались не в курсе. Даже травки всякие вспоминал, что Шаман показывал. Однако все вышло гораздо проще.

Солнце с морским воздухом, а также водка с пивом, — и никакая травка не нужна. Даже непьющего Береславского сморило. А остальные,

за исключением шкипера, вообще никакие.

И ждут теперь Самурай с Доком своего общего друга, который вот-вот должен проснуться — не может же он пропустить время обеда.

Если не проснется — придется будить.

Впрочем, нет, не придется. Идет Ефим Аркадьевич собственной персоной. Идет и улыбается друзьям.

Хоть бы уж не улыбался. Они и так ощущали себя какими-то убийцами.

Глава 36

Владивосток, море, 13 августа
Чемодан — вниз, валун — вверх

— А чего это вы тут как на похоронах? — подошел к стоявшим у борта Самураю и Доку Береславский.

— Тебя ждем, — со вздохом ответил Самурай.

— Не вздумайте меня мочить! — строго, по-профессорски, произнес Ефим Аркадьевич.

Самурай аж вздрогнул.

Потом, поняв, какой каверзы боялся солидный человек от голых кулачков — до воды-то рукой дотянуться, — расслабился.

Нет, Самурай реально чувствовал себя убийцей. А «мочить»-таки придется.

— Боишься, сопрут? — спросил он у Береславского, указывая на кейс.

— Ага, — просто ответил Ефим Аркадьевич. — Все руки оттянул, сволоочь!

Он поставил кейс рядом с собой и, сморщившись, начал сгибать и разгибать кисть.

— Тут рукой не обойдешься, — грозно проговорил Док, подступая к профессору, — тут надо и туловище сгибать. У тебя ж позвоночник давно окостенел. Сколько раз говорил — давай сделаем пару массажей. — И крепко схватил Ефима за руки. — Вверх, вниз, вправо, влево. И ногами так же.

— Отвали, Док! — пытался отбиться тот, но настырный пропагандист здорового образа жизни не оставлял попыток.

— Ногами давай шевели, профессор! — орал он, удваивая усилия.

Береславский зашевелил ногами, пытаясь унести их от ретивого доктора, но не мог сбежать без своего кейса, а руки были зажаты мертвой хваткой хирурга. Правда, и Док ничего с ним не мог поделаться: профессор оказался гораздо сильнее, чем казался до этого. Хотя и не сильнее реально накачанного Дока.

Теперь они напоминали то ли раздухарившихся медвежат, то ли начинающих борцов классического стиля, в котором и делать почти ничего нельзя, а победить охота.

Шаг, шаг, еще шажок — Ефим слегка задел ногой кейс. Док задел его сильно, а потом еще сильнее.

Два толчка подогнали «кошелек» Береславского к борту, третий, соответственно, — за борт.

Послышался плеск воды, после чего последовала немая сцена.

Кейс утонул не сразу, поерзав еще пару секунд на абсолютно спокойной водной глади. Потом погрузился почти целиком, лишь угол еще возвышался над водой. Затем и он скрылся, оставив лишь след из мелких пузырей..

— Прыгай за ним, — напрягся Самурай.

— К медузам? — усмехнулся Береславский.

— Я наврал про медуз, нет их здесь.

— Зато километр до дна.

— Нет здесь километра до дна, — гнул свое маленький, но жесткий оппонент. — Ты же все понял. Здесь мель. Специально встали. Прыгай!

— Вода холодная, — совершенно спокойно сказал Ефим, который действительно уже все понял, — сам прыгай.

— Вода холодная, — согласился Самурай. И прыгнул.

Он «свечкой», без брызг, ушел в воду и долго не появлялся на поверхности. Пожалуй, слишком

долго: Док уже собирался прыгнуть следом, и даже Береславский начал разведаться.

Но спасти никого не пришлось. Вода закружилась над головой вынырывающего пловца, и задохнувшийся Самурай пробкой выскочил наверх. Однако на катер не полез, а, глотнув побольше воздуха, нырнул снова.

На поверхность во второй раз он вынырнул гораздо быстрее. Одной рукой зацепился за свешенный с борта катера канат, а в другой держал утопленный Ефимов кейс.

Впрочем, уже не Ефимов.

Береславский, убедившись, что «спасатель баксов» жив и здоров, развернулся и молча пошел в салон.

Там вповалку, прямо на полу, дрыхли «пробежные» парни, благородно уступив диванчики девчонкам. Свободными были лишь места, до этого занятые спавшим Береславским.

Ефим устроился на прежнем месте и стал смотреть в маленький иллюминатор.

За стеклом было все то же море, только с видом не на берег, а на далекий горизонт, до которого, впрочем, тоже было еще немало островов.

А еще — картинка, хоть и неспешно, но начала двигаться — катер наконец дал ход.

Никакого отчаяния Береславский не испытывал, и это его однозначно порадовало. Оказывается, обратный путь из миллионеров в просто обеспеченные граждане не столь уж и тернист. Во всяком случае, желания повеситься или утопиться не возникало.

Удручало только одно: механизм отъема заработанных им денег.

Ефим даже был готов признать его относительную честность: ему же дали попытку достать сокровище. Как только Самурай сказал, что наврал про медуз, Береславский уже все сам понял про мель. Деньги же не собирались топить, их собирались перераспределить.

И вот это обидно. Потому что это были друзья. Проверенные. Настолько было обидно, что Ефим даже не стал нырять за баксами. Кстати, если бы нырнул — заговорщиков ожидало бы большое разочарование. В воде Береславский ощущал себя, может, не настолько уверенно, как Самурай, но достаточно уверенно, чтобы с трехметровой глубины вытащить водонепроницаемый кейс.

— Ефим, выйди к нам, — заглянула в салон виноватая голова Дока.

— А у меня больше денег нет, — не удержавшись, съязвил Береславский.

— Ладно, Ефим, выходи, — ныл Док.

Ефим вздохнул и потопал к выходу.

— Ну, чего вам еще? — спросил он, выходя на палубу.

— Обиделся? — спросил Самурай.

— Есть немного, — признался профессор.

Док виновато молчал.

— Они мне действительно нужны, Ефим, — сказал Самурай.

— Ну, конечно, — усмехнулся Береславский. — Ведь ты принесешь счастье своему народу.

— Я попытаюсь сделать так, чтобы мой народ не вымер, — мягко поправил его собеседник. Даже в одних мокрых плавках он был вполне убедителен.

— Ну да, — согласился Ефим. — Еще пару грабежей — и народ будет обеспечен надолго.

— Извини меня, Ефим, — тихо попросил Самурай. — Пожалуйста. Мне действительно нужнее. Ты же не полез в воду.

— Я медуз боялся, — оправдался Береславский.

— Нет, — гнул свое «будущий вождь», — ты медуз не боялся. И воды тоже. Ты обиду свою продемонстрировал. А был бы тебе миллион по-настоящему нужен — в свинец бы расплавленный полез.

— Да черт с вами, жулики, — вдруг улыбнулся профессор.

Внезапно эта ситуация показалась ему забавной. А кроме того, он точно знал, что не следует гневить Бога — в Тихий океан действительно упало не последнее. Ефим вспомнил про заначку, оставшуюся в гостиничном номере, и лишний раз порадовался своей прозорливости — ведь была мысль и эти деньги уложить в кейс.

А значит — он по-прежнему удачливый и состоятельный человек. Просто — чуть менее состоятельный, чем двадцать минут назад.

Но все равно — съездить в автопробег и вернуться почти с тридцатью тысячами долларов — это круто. Будет чем удивить компаньона.

— Ладно, забыли, — сказал он, протягивая друзьям ладонь.

— Не забыли, а отложили на время, — мягко произнес Самурай. — Считаем это займом. Если у меня все получится, верну с процентами.

— Мне с процентами нельзя, — замотал головой Береславский. — Религия не позволяет.

— Хорошо. Учтем только инфляцию, — серьезно принял возражение собеседник.

Больше они на эту тему не говорили. А чего говорить, если инцидент исчерпан? Подумаешь, полтора «лимона»!

К знакомой пристани подошли уже к вечеру. Солнце еще светило, но день быстро шел к концу. Они поднялись по дорожке к площадке, на которой оставили свои «Нивы».

— Ну что, ребята, прощаемся до следующего раза? — спросил Александр Веденьевич. Сойдя на твердую землю, он уже пару раз успел приложиться к фляжке, а потому находился в добродушно-расслабленном состоянии.

— А я вам валун обещал убрать, — вдруг вспомнил Ефим.

— Да как же ты, мил-человек, валун уберешь? — удивился старик. — Ты же его еще не видел. В нем, может, три тонны.

— Рычагом его не взять, — согласился Самурай.

— Я его мозгом возьму, — пообещал Береславский, для убедительности довольно громко постучав себе по лбу. — Только пусть наши подальше отъедут.

Когда шум двигателей остальных машин затих, заинтересованный Док потребовал объяснений.

— Пошли к камню, — вместо ответа сказал Ефим, и все четверо направились к месту, куда скатился валун.

От машин наверх шла отличная, хотя и узковатая асфальтовая дорога. Затем она круто поворачивала вокруг горы и... действительно кончалась огромным скатившимся с верха сопки камнем.

Масса была впечатляющей. Сплошная гранитная глыба неправильной С-образной формы торчала выпуклой стороной наружу, одним краем опираясь на склон горы, вторым — на дорожное полотно. Точнее — на то, что от него осталось после падения обломка. К одиноко стоящему на горе домику Соколова теперь можно было пройти только пешком, и то — боком, протискиваясь между валуном и основной частью горы.

— Ты что, книжку про валуны Петербурга вспомнил? — усмехнулся Док.

Ефим эту книжку действительно вспомнил сразу. Там мужик вместо того, чтобы вывезти глыбу, закопал ее рядом.

Но здесь — случай иной, подкоп не сделаешь. Справа — гора, слева — дыра.

— А ты всерьез представил меня копающим? — усмехнулся Береславский.

— Нет, конечно, — возразил хитрый Док, довольный, что друг более не в обиде. — Я представил тебя — организующим. А копающими я представил себя с Самураем.

— Мне не нужен непроизводительный рабский труд, — высокомерно отверг скрытое предложение о сотрудничестве Ефим Аркадьевич. — Я не планирую земляных работ.

— А что ты будешь делать? — Самурай теперь тоже заинтересовался. Пока что он не представлял, что затеял Береславский. Но опыт прошедших дней не позволял ему относиться к его заявлениям без должного внимания.

— Я его взорву, — просто ответил профессор. Вот теперь все сразу поняли.

— Ты — чудовище, — прошептал Док. — Всю дорогу с нами ехало это?

— А что, нужно было выбросить? — огрызнулся Ефим. — А как бы теперь с валуном разобрались?

— И детонаторы твои — тоже в машине?

— Детонатор. В единственном числе, — уточнил Береславский. — Три ведь уже использовали. И он в коробке с поролоном.

— Сколько тебя знаю, столько поражаюсь, — не унимался Док.

— Не парься, — хлопнул его по плечу Ефим. — Два дня назад я тоже не мог представить, что ты будешь кидаться направо-налево «лимонами». При чем, не только своими, — мстительно добавил он.

Док пристыжено замолк.

Александр Веденьевич непонимающе смотрел на приготовления Ефима, тщательно обследовавшего валун.

— Чего скажешь? — не выдержав, наконец, спросил он.

— Думаю — справимся, — успокоил тот старика. — Камешек-то — трещиноватый. Да мы еще ему в слабое место стукнем. Все, Александр Веденьевич, отходи за угол, к машинам, — приказал он деду. Развернул принесенный Самураем из «Нивы» пакет и, нежно поглаживая пластид, прошептал:

— Вот оно, родное, а его осталось порядочно.

— Ты и в самом деле маньяк, — сказал Док, отодвигаясь подальше. Но — не настолько далеко, чтобы прослыть боязливым. — А что это за белый кабель?

— Огнепроводный шнур, — пояснил профессор.

— Бикфордов шнур? — влез Самурай. Его интересовало все, что взрывается.

— Бикфордовых шнуров нет уже полвека, а то и больше, — отозвался Береславский. — У них «прострелы» бывали.

— Что это значит?

— Шнур нужен, чтоб передать огонь к капсюлю-детонатору за какое-то время. Ну, чтоб сапер успел смыться. Обычно это сантиметр в секунду. А при «простреле» — сколько угодно сантиметров в секунду.

— Можно не успеть смыться, — задумчиво сказал Док.

— Можно, — согласился Ефим.

— Хорошая штука! — раздался восхищенный возглас. Это дед вернулся на огневой рубеж. — Не раз пользовался. ОШП, огнепроводный шнур в пластиковой оплетке. Даже под водой горит.

— Точно, Александр Веденьевич, — согласился профессор. — Но начнем мы не со шнура.

Он, стараясь не торопиться — хотя солнце уже начало заходить, — компактно расположил взрывчатку в самом слабом, как ему показалось, месте валуна, там, где серединка буквы «С» имела изнутри самые глубокие и грубые трещины. Затем сделал в пластиде углубление для капсюля-детонатора.

Потом — отогнав все-таки друзей — вставил, предварительно аккуратно обрезав, конец огнепроводного шнура в гильзу капсюля-детонатора. Длина самого шнура получилась чуть более метра. Все вместе это теперь называлось — зажигательная трубка.

Слегка вспотев, Ефим выполнил главное — вставил детонатор в углубление в пластиде. Теперь в подбрюшье валуна находилось снаряженное взрывное устройство.

Оставалось лишь привести его в действие.

Профессор прижал большим плоским камнем хвост шнура к боку валуна, чтоб при горении искрящийся конец ненароком не крутнуло к детонатору. После этого чиркнул предусмотрительно подготовленными спичками и поднес пламя к свободному — косому — срезу шнура.

Все. Процесс пошел.

А Береславский побежал. Причем почему-то — большими скачками, сильно напоминая со стороны обезумевшего гигантского зайца-мутанта. Запыхавшись, заскочил за поворот горы, к друзьям.

— Штас рванет, — задыхаясь, сообщил он и стал сосредоточенно следить за плавно ползущей по его швейцарским часам секундной стрелкой.

Прошла минута. Потом 80 секунд. Потом — 100. Когда перевалило 120, Береславский с обиженным криком «Не может быть!» рванул из укрытия к бомбе.

Его мгновенно схватил сзади за рубашку Самурай. Самурая держал Док. Если бы в Дока вцепился дед, то получилась бы сказка про репку. Если, конечно, участники этой сказки имели бы дело не с репкой, а с пластидом.

Взрыв получился оглушительный. Сначала — вспышка, потом — практически сразу — ударная волна. И куча каменных — а может, не только каменных — осколков.

За поворот-укрытие успел вылезти только Береславский — остальные были закрыты его телом и телом горы. Ему и досталось: один камень попал в бедро, другой — процарапал лысину.

А вот третий осколок ударил в район сердца.

— Я умираю, — только и успел сказать он, теряя сознание.

Похолодевший от ужаса Док сунул ладонь под его рубашку — пальцы сразу нащупали что-то липкое.

— Мой чемодан, быстро! — заорал он.

Самурай молнией принес инструменты.

Док не расстегивая пуговиц, мгновенно разодрал Береславскому рубаху.

Дырочка на коже была маленькая, из нее узкой струйкой сочилась кровь.

Если б это была пуля — это была бы мгновенная смерть. Но ведь это же была не пуля!

— Где камень? — прохрипел Док. И тут же его нашел. Он никуда не делся, торчал прямо из тка-

ни рубашки, пробив что-то в ее нагрудном кармане и зацепившись за это «что-то». Док без труда извлек узкий, довольно длинный — и впрямь похожий на пулю — гранитный осколок, прижав карман с находившимся внутри предметом рукой. Острый конец камня был немного окровавлен.

— Господи, Ефим, какой же ты идиот, — устало вытер со лба пот Док. — Да и я тоже, — самокритично добавил он.

— Он умер? — испуганно спросил ошеломленный Самурай.

— Живее всех живых, — сказал Док и довольно грубо ухватил профессора за кончик носа.

— Э-э-эй! — заорал очнувшийся взрывник-неудачник. — Больно же!

— То ли еще будет, — пообещал «добрый» доктор. — Мы тебя еще йодом будем мазать. — Док уже начал отходить от чудовищного испуга и был полон решимости отомстить. Сейчас все сказки про хирургов-садистов, рассказанные ему Береславским, станут былью.

— Док, я не виноват, — взмолился профессор. — Она должна была рвануть раньше.

— Обычное дело, — проворчал сзади Александр Веденьевич. — По скорости горения — плюс-минус десять процентов. Причем, практически всегда — минус.

Через несколько минут хорошенько помазанный йодом Береславский разглядывал дело рук своих.

Валуна на дороге не было.

Одна его половина — причем, большая — сразу улетела в обрыв, вторая — меньшая — лежала на самом краю дорожного полотна. Ее поддели двумя ломиками, всегда лежавшими на всякий случай в «Ниве», и скалили вниз.

Не нужно объяснять, что Береславский в этот момент в деле не участвовал: разве можно тяжело раненому — и ломиком? Но давал ценные советы и вел отсчет — без «Раз-два-ухнем!» все же не обошлось.

Осчастливленный дед не знал, как благодарить новых друзей. И катать на катере обещал пожизненно, и нырять научить, и даже с друзьями-осьминогами чудовищной величины познакомиться.

— Не надо, — буркнул усталый и перенервничавший Док. — У нас уже есть свое чудовище.

А Самурай подошел к Береславскому и попросил показать, что же все-таки остановило осколок гранита.

Это и Ефима заинтересовало: он только теперь в деталях узнал, как недавно помирал.

Береславский сунул руку в карман и достал пробитый посередине деревянный амулет Шамана.

Не зря старик вымачивал листовницу.

— Ну, ладно, — прервал затянувшуюся паузу Самурай. — Поехали в гостиницу.

И впервые за сегодняшний день искренне улыбнулся.

Эпилог от Дока

Мы летим в стареньком, но очень удобном ИЛ-62 компании «ДальАвиа». Расстояния между кресел — почти как в бизнес-классе, в котором летит вся наша буржуазия. Ну, и Ефим, конечно.

Попыхтел, посмущался, а за разницу доплатил — там-таки удобнее. И по рангу.

Часов через восемь будем в Москве. С каким удовольствием я обниму жену и поцелую сына! Устрою им вечером праздник — зарплату мне мои наниматели честно отдали прямо во Владивостоке.

А ночью устрою жене еще один праздник. Ну и себе тоже.

Заразил меня, что ли, Береславский своими излишествами? Последнюю неделю постоянно об этом думаю. А раньше вроде не такой озабоченный был.

Короче, еду хоть и не в бизнес-классе, но вполне состоявшимся гражданином, в том числе — материально. Хоть и отказался от предложенной мне Ефимом трети бандитских денег, заныканных им за доставку несуществующего груза. Отказался без сожалений: все-таки это я разом лишил профессора полутора миллионов. Неудобно было грабить его еще на десять тысяч.

По этой же причине отказался от доли Самурай. Так что карманные деньги у профессора теперь имеются, и что-то мне подсказывает, — долго они у него не залежатся.

А еще греет мне сердце летящий в багаже серебристый чемодан. Подобные штуки — одно из немногих, что заставляет меня думать о деньгах, как о чем-то жизненно необходимым.

Но не чемодан с инструментами, и даже не близкая встреча с моими любимыми — причина моей тихой, неспешной радости.

Я потягиваю пиво, смотрю в круглый иллюминатор, и меня просто прет — как выражается наш уважаемый интеллектуал-профессор — от счастья самого моего существования на этой планете.

Мы летим над теми местами, которые недавно проезжали. С нашей высоты почти ничего не видно. Но все это проплывает у меня перед глазами. Без названий и определений, без мыслей и логики.

Одни только ощущения. И они прекрасны.

Я допиваю пиво, заказываю у стюардессы еще бутылочку — могу теперь себе позволить. А вскоре смогу еще больше: меня снова пригласили в Ирак, через месяц — отъезд. Это — гарантированная приличная жизнь моей семьи. И — гарантированная нескучная жизнь для меня самого.

Любимые близкие. Любимая работа. Нескучная жизнь. Что еще нужно человеку для счастья?

А вон и Ефим по проходу протискивается. Сразу видно — большой человек. Враг диет.

К нам идет, с Олимпа — к плембу. В руках — бутылка дорогого коньяка: так ему надолго карманных денег не хватит. На лице — улыбочка виноватая. Ну да, душой — пролетарий, а телом, извините, уже нет. Тело уже боярское, для эконом-класса неподходящее.

И классно, что он приперся: сам бы я к ним, в верхний свет, не пошел.

А почему — классно? Потому что «любимых близких» я в формулу уже вставил. Теперь надо придумать словцо для него.

Вот уж для него любимый — точно не подойдет. Любимый — это уж, еще раз извините. Но — не чужой. После всех проистекших событий — точно не чужой.

Идет, улыбается, блестит своими ехидными очками — наверняка что-нибудь припас. Вот ведь гад!

О, нашел слово!

Он наш большой гад.

Причем, ключевое в определении — наш.

— Садись, друг, — радушно пригласил я его на пустовавшее рядом место. И не удержавшись, добавил: — Если влезешь.

Садись рядом, старина. Ты, конечно, гад, но, похоже, друзей и в самом деле не выбирают.

А до Москвы осталось лететь 7 часов 52 минуты.

Деньги я начал тратить сразу, но — по делу. Купил на авторынке во Владике четырехлетний зеленый «Сузуки-Самурай». Он мне понадобится для работы, и чтоб с остатком денег добраться домой.

Остальные распихал по банкам и фондам, в соответствии с указаниями Береславского.

Обижался он, кстати, совсем недолго, хотя все наши с Доком хитрости просек мгновенно. И действительно здорово помог мне в финансовых вопросах.

Некоторую неловкость я, конечно, перед ним испытывал — не каждый же день отнимаю у друзей миллионы. Но уверенность в том, что они мне нужнее, меня не покидала. Несмотря на все наши разговоры о судьбах народов.

И что-то мне подсказывает, что я сумею изменить отдельно взятую судьбу маленького народа.

Он уже даже, может, чуть-чуть увеличил свою численность.

На этой мысли я не выдерживаю, обнимаю Татьяну Валериановну — благо, японцы давно не выпускают ручные коробки передач, и вторая рука у водителя свободная — и целую ее в щеку. Она поворачивается ко мне и теперь получается — в губы. Прямо в мягкие, алые, ласковые, нежные губы.

Но поцелуй длится недолго.

— Руль держи, маньяк! — указывает мне моя жена.

Да, она права. Руль надо держать твердо. Вполне возможно, что я в данный момент отвечаю уже за три жизни.

Меня вдруг захлестывает лихая счастливая волна. Я берусь за руль двумя руками, поддаю газа и жму на сигнал. И несемся мы по пустынной хабаровской трассе напрямиком, — я твердо в это верю, — к нашему счастью.

Эпилог от жизни (спустя два года)

Времени после поездки уже прошло изрядно, однако льющаяся лента дороги по-прежнему часто снится Ефиму, и, просыпаясь в своей благоустроенной московской квартире, он всякий раз расстраивается.

Рекламное агентство «Беор» не только не развалилось, но даже увеличилось и окрепло. Хотя все же, пожалуй, не столько из-за бизнес-рвения Береславского, сколько вопреки ему.

Постоянно ходят разговоры о втором пробеге по тому же маршруту, но все как-то не складывается. И Береславскому иногда кажется, что уже, может быть, и не сложится. Любовей бывает сколько угодно, но первая — одна.

Да и с экипажами не все гладко. Например, два парня из второй машины — друзья и бизнес-партнеры одновременно — вдруг рассорились и совершенно разошлись. Это не редкость в делах, где крутятся большие деньги, но почему-то сильно расстроило Береславского. Может, потому, что эти парни тоже были частью его Пробега?

Проблем ни с криминалом, ни с правоохранительными органами по возвращении не возникло. Наверное, некоторые персонажи и в самом деле никого не интересовали вне профессиональных отношений. А тем более — после жизни.

Самурай многого достиг в реализации своих планов. Его артель работает. Территория официально «застолблена».

Но и разочарований не меньше. Отдельные представители осчастливливаемого — во, какое слово подобралось! — им родного народа вовсе не хотят осчастливливаться.

А хотят они — водки.

И денег, чтобы покупать эту самую водку.

И идут из-за денег на многое, если не на все. Браконьерство в родной реке и мелкое воровство в родной артели — не самые неприятные из случившихся за эти пару лет инцидентов.

А даже те, кто не пьет, далеко не все мечтают о работе в поте лица своего.

Но на то он и Самурай, чтобы не сдаваться. Да и нельзя ему проигрывать, пусть даже по-самурайски. Какое тут, на хрен, харакири, когда его пацанчик, первенец Серенька, уже почти бегаёт, хоть и придерживаясь лапкой за мамину юбку. А упомянутая мама юбка оттянута вновь округлившимся животом — Шаман говорит, что в нем — девочка.

Вот с Татьяной Валериановной как раз никаких проблем. Даже удивительно.

Она и думать не хочет, чтобы возвращаться в грязный и душный город. Ей показалось гораздо более простым перенести на природу те городские радости, отсутствие которых максимально тяготило: например, теплый ватерклозет, горячий душ, газовую плиту. Это, кстати, не отняло у Самурая много сил и денег.

В театр и музеи они катаются в Хабаровск — всего-то пять часов езды на неистребимом четырехколесном тезке Самурая. Но ездят не часто — своего, домашнего, театра вполне хватает.

Кстати, Татьяна пристрастилась — и отлично выучилась — к охоте и рыбалке. Учителем выступает, понятное дело, Шаман. И, если так дальше пойдет, то новая ученица скоро обгонит по знаниям старого — Самурая.

Что касается Шамана, то у него все отлично. Возраста фактически не добавилось, ибо непонятно, к чему добавлять. Самурая поддерживает во всем, как морально, так и физически — были желающие из местных «разобраться» с его любимцем.

Самурай, конечно, и сам способен постоять за себя, но Шаману даже делать ничего не надо, достаточно внимательно посмотреть, или, в крайнем случае, тихо что-то сказать злопыхателю.

Единственное, чего Шаман ждет не дожидаясь, — так это, чтобы скорее его крошечный «внук» Серенька подрос. Потому что Шаман, пожалуй, единственный из всех жителей поселка, кто не считает Шамана бессмертным.

Хотя — нет.

Уже немножко считает.

Раз уходящего деда Сережу заменит мальчик Сережа — значит, какой-то элемент бессмертия он все-таки создал. Теперь бы успеть побольше в мальчонку вложить.

А вот с Доком — беда.

Он уехал в Ирак. Долго отсутствовал. Потом приезжал, созванивался с Ефимом. Не застал, оставил запись на автоответчике. Просил обязательно позвонить.

Береславский, вернувшись, долго набирал номер — в ответ только длинные гудки. Док уже умотал обратно.

Ефим не особо напрягся: мужики, даже друзья, редко встречаются. Главное знать, что друг есть.

Вот он и знал.

Оказалось — ошибался. Позвонив в очередной раз проверить, не приехал ли Док на побывку, наткнулся на заплаканную жену.

Точнее — вдову.

Док приехал в цинковом гробу. Убитый не пулей или снарядом, а прошедшим в сердце оторвавшимся тромбом.

Вокруг были врачи, хирурги. И дело-то было в госпитале. Однако смерть была мгновенной.

Береславский слегка ошалел от такого известия. Потом заставил себя об этом не думать. А потом оказалось — все равно думает.

За год — два друга.

И раньше знакомые умирали. Даже друзья. Но переживалось легче.

Сейчас как-то было понятнее, что на Николо-Архангельском и Митинском кладбищах похоронили и маленький кусочек его самого.

И все же Ефим не был настолько тонко организован, чтобы перестать быть Ефимом. Он вполне плотоядно улыбнулся, когда ему на электронную почту пришла картинка с бегемотом, удивительно напоминавшим самого профессора.

Под картинкой был московский телефон. Как оказалось — шикарного номера в шикарном отеле.

И ведь отменил-таки все встречи, — даже со стратегическим инвестором на новый проект, — и поперся в эту гостиницу.

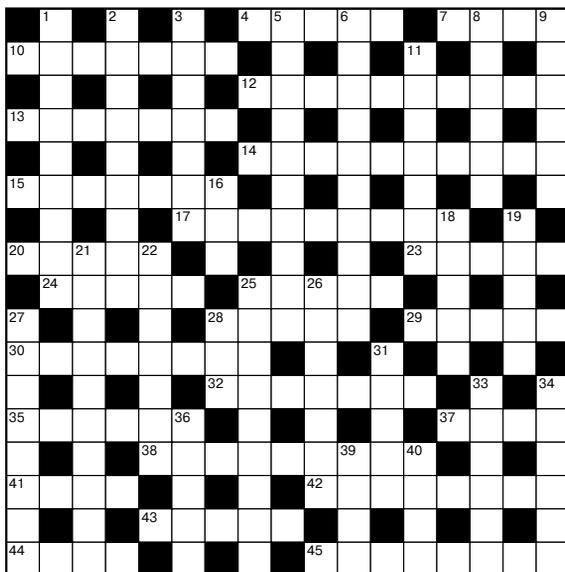
И что характерно — ни на миг не пожалел.

Только купил на обратном пути красивое и дорогое кольцо Наташке — его совесть дешевых отмазок не принимала...

В общем, время идет, а люди — если, конечно, не умирают — живут дальше.

Но, может, это и к лучшему? А иначе — если перестанут происходить новые события — о чем будут писать в новых книжках? □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Мохнатый шмель — на душистый ..., цапля серая — в камыши, а цыганская дочь — за любимым в ночь по родству бродяжей души». **7.** При каком пехотном построении «солдатики встают в квадратики»? **10.** Дрезденская ... бережно хранит «Сикстинскую мадонну» Рафаэля. **12.** Что особенно отличает лягушку с пугающим именем «листолаз ужасный»? **13.** «Дырокол» со скрепками. **14.** Жительницы балканской страны, объявившей в 1904 году войну Японии, чтобы доказать свою симпатию России. **15.** Историк местного масштаба. **17.** Княгиня из романа «Герой нашего времени». **20.** «Девять освобожденных женщин Востока» из фильма «Белое солнце пустыни». **23.** «По дру-

гую сторону ограды ... всегда зеленее». **24.** Седьмой по распространенности в земной коре химический элемент. **25.** Кто жил в том самом доме Екатеринбурга, где сейчас размещается Музей радио? **28.** Собачье лакомство из кинокомедии «Лучше не бывает» с Джеком Николсоном в главной роли. **29.** Природный «пластилин». **30.** «Видишь, на дворе кружит ..., первую любовь не вернуть назад». **32.** Какой камень стал символом власти в Китае? **35.** Игрушка из фантастического романа «Кольцо вокруг Солнца» американца Клиффорда Саймака, возвращавшая в «волшебную страну детства». **37.** Этому будущему королю исполнилось лишь 18, когда восторженные соотечественни-

ки после разгрома шведов воздвигли ему в 1959 году памятник. Кто он? **38.** Конкурент Остапа Бендера и Кысы Воробьянинова в поисках двенадцати стульев. **41.** «Достаточно просто перевернуть ..., и он вам уже ничего плохого не сделает!». **42.** Золотая нить, чье производство принесло почетную медаль будущему Константину Станиславскому на Всемирной выставке в Париже. **43.** Что обратило в бегство двух детишек с картины Константина Маковского? **44.** С какого города начинается рассказ в исторической повести «Прохиндей» Вячеслава Шишкова? **45.** «Труд сделал из обезьяны человека, но ... все вернул на свои места».

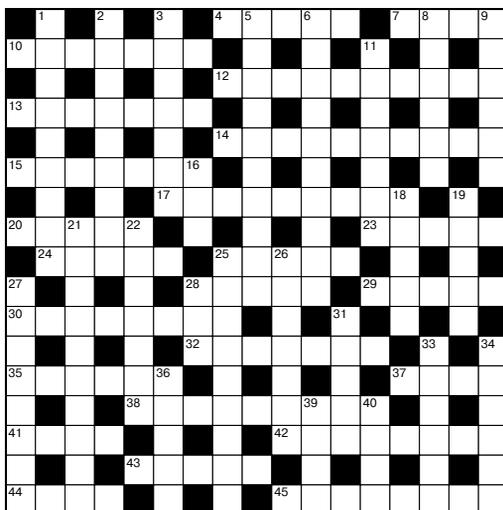
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Овощ, идущий на сердечные препараты. **2.** Произвол, «совсем потерявший чувство меры». **3.** Партия «Черный ...» с Георгием Плехановым и Верой Засулич. **5.** Каждый из трех отпрысков на картине «Утро в сосновом лесу». **6.** Какой путешественник похоронен в стенах Вестминстерском аббатства, но сердце его покоится в африканской земле? **8.** Что «рождается из столкновения человеческого разума и безрас-

судного молчания мира»? **9.** Какого лидера актер Зиновий Гердт назвал «самым жутким разочарованием в старости»? **11.** Травма духовного происхождения. **16.** Именно его древние летописи называют «первым из славянских царей» Киевской Руси. **18.** Какому богу поют гимн в опере «Снегурочка»? **19.** «Промежуточное ...» в передаче информации. **21.** ... коммуналки. **22.** Киноартист, чей герой пытался защитить свою «Волгу» от угонщиков с помощью волчьего капкана. **25.** Любовь к мелочам. **26.** «И долго в плену обнимающих ручек барахтался неотразимый ...». **27.** К какому складу грузовики с зерном спешат? **28.** Какой праздник завершает балет «Спящая красавица»? **31.** Бык, чье мясо составляло основу питания американских индейцев. **33.** Хинное ... попало на герб Перу. **34.** Какая рыба праздничное застолье под шубой встречает? **36.** Есть и плюющаяся ..., которая может выстреливать ядом. Плевков достигает цели на расстоянии до двух метров и почти моментально вызывает слезоточивость. **39.** Скороговорочный похититель кораллов. **40.** Допинг для мушкетеров.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Обувь. **9.** Генотип. **11.** Топаз. **12.** Гобелен. **14.** Гобой. **15.** Радость. **16.** Галоп. **18.** Зураб. **20.** Кочегар. **23.** Содом. **25.** Дума. **28.** Коттедж. **29.** Айкидо. **30.** Баку. **32.** Долив. **33.** Диван. **34.** Интернет. **36.** Шампиньон. **38.** Дуремар. **39.** Белок. **40.** Таксист. **41.** Штифт. **42.** Блюдо. **43.** Камелия. **44.** Крейф.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ледоруб. **2.** Волопас. **3.** Миг. **5.** Брелок. **6.** Веер. **7.** Шоколад. **8.** Вахта. **10.** Подарок. **13.** Надежда. **17.** Портсигар. **19.** Бондарчук. **21.** Рукав. **22.** Валун. **24.** Молот. **26.** Факир. **27.** Скотт. **30.** Бизнесмен. **31.** Каховский. **32.** Дезертир. **35.** Аппарат. **36.** Шалфей. **37.** Земля. **38.** Дождь.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Болезнь души», дававшая русским купцам «право на отдых от недели до месяца». **7.** Ткань термобелья. **10.** Что изображает 9-метровый памятник на главной площади канадского города Глэндон? **12.** Летательный аппарат, чей прообраз обнаружили в чертежах великого Леонардо да Винчи. **13.** «Русский Ницше». **14.** Кто, как говорили славяне, «ушел в ершову слободу»? **15.** «Вечный покой» для физика. **17.** Первая в мире машина с подушками безопасности. **20.** Царь, превращенный в созвездие Орла. **23.** Какого француза считают основателем сравнительной анатомии? **24.** Мастер, сделавший pistols для дуэли Ленского с Онегиным. **25.** Израильский премьер, подписавший Кэмп-Дэвидские соглашения,

которые принесли ему Нобелевскую премию мира. **28.** Какой конь вознес пророка Магомета на небо? **29.** Схватили как-то пирата Сюркуфа французские солдаты и начали допытываться, где он прячет награбленное добро. Он правдиво ответил: «С собой вожу!» Какая часть его корабля была из чистого золота? **30.** «Место, где тебе платят тысячу долларов за поцелуй и пятьдесят центов за твою душу». Какое «место» имела в виду Мэрилин Монро? **32.** Первая женщина, ставшая президентом Аргентины в итоге выборов. **35.** Первый в мире теплоход с двигателем внутреннего сгорания, построенный в 1903 году русскими кораблями. **37.** Из какого итальянского озера черпали вдохновение и Иоганн Гете, и Стендаль? **38.** Последний король

из династии Меровингов. **41.** Над чем в прежние времена русские ведуньи приговаривали: «Я тебя, ..., собирала, землю-матушку от слез вытирала»? **42.** Какой сыр итальянцы используют в своих состязаниях на дальность броска? **43.** Какой цветок наполнил шампанским русский поэт Игорь Северянин? **44.** «Бас» в скрипичном квартете. **45.** Героиня первого советского сериала, удостоенная по просьбам зрителей звания Героя Советского Союза.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Оружие Йонаса и Адольфа из сказки «Цветы маленькой Иды» Ханса Андерсена. **2.** Африканская «обезьяна», походившая на человека уже восемьсот тысяч лет назад. **3.** «Дыхание Сахары», долетевшее до Италии. **5.** Кто при дворе французских королей возвещал о выходе монарха к обеденному столу? **6.** Какое звание первым в античные времена завоевал повар Кореб из Элиды? **8.** Жаргон, в котором слова произносятся в обратном порядке называют «свинячья ...». **9.** Кто воровал шоколадные конфеты для Мальвины? **11.** Какая деталь предохраняет разрез на одежде от растяжения? **16.** Ка-

кой боксер вдохновил Сильвестра Сталлоне на создание фильмов о Рокки? **18.** Немецкий президент, однажды попавший в анекдот, пожелав счастья в личной жизни Папе Римскому. **19.** Дочь Катрин Денев от Марчелло Мастроянни. **21.** Мечта за вычетом того, что не сбылось. **22.** «Даже тот, кто ходит в бедняках, у себя в лачуге ...» (балкарская мудрость). **25.** Служитель в русских монастырях, следивший, чтобы все монахи являлись на заутреню. **26.** Самый маленький бекас. **27.** «... часто бывает нечаянно вырвавшейся истинной». **28.** Дерево, дощечки из которого были в древности популярным писчим материалом, что отразилось в германских языках при обозначении книги. **31.** Любимая карточная игра Уинстона Черчилля. **33.** С какого коктейля начиналось почти каждое утро Эрнеста Хемингуэя? **34.** Галица из «Слова о полке Игорева». **36.** Какой стране принадлежит самый лаконичный из современных флагов? **39.** Иномарка из гаража русского императора Николая II. **40.** Кто из великих французских помогал друзьям тем, что подписывал чужие картины своим именем?

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Эпоха. **9.** Перванш. **11.** Тибет. **12.** Хеншелл. **14.** Чвирь. **15.** Иудаизм. **16.** Однер. **18.** «Аджиб». **20.** Тирозин. **23.** Кефир. **25.** Тюни. **28.** Саратов. **29.** Мерило. **30.** Лото. **32.** Жажда. **33.** Цапов. **34.** Доберман. **36.** Болиголов. **38.** Кератин. **39.** Церий. **40.** Браслет. **41.** Калла. **42.** Ясень. **43.** Щекорог. **44.** Тайна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Медведь. **2.** Дворник. **3.** Анх. **5.** Паштет. **6.** Холи. **7.** Динамит. **8.** Ферзь. **10.** Шелдаис. **13.** Луноход. **17.** Ричардсон. **19.** Беглербей. **21.** Нюроп. **22.** Титов. **24.** Раман. **26.** Шмидт. **27.** Арабы. **30.** Ладожское. **31.** Токоферол. **32.** Жарарака. **35.** «Ситроен». **36.** Биллон. **37.** Месси. **38.** Кианг.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту:

sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С апреля открыта подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Во второй половине восемнадцатого века возшла ослепительная звезда необыкновенной женщины, новой русской императрицы Екатерины II, которую поэты славили под именем «Северной Семирамиды». Волею случая неизвестная немецкая принцесса попала в Россию, волею случая оказалась вознесена на престол, но собственной стальной волей придала ему неведомые доселе блеск и величие. Последняя самодержица российская, давшая свое имя целому веку...

Светлана **Бестужева-Лада** «Семирамида Севера»

« Судьба раскладывает, как карты в сложнейшем пасьянсе, не только людские жизни, но и многие исторические процессы и события. Тасует их, меняет местами, отбрасывает и достает новые. В этом пасьянсе нет правил, как карта ляжет... Вот и мы решили рассмотреть расклад «европейского пасьянса» в начале восемнадцатого века. Масти еще не смешались так прихотливо, как это произойдет через столетие, но уже можно было предугадать, как ляжет та или иная карта, и как это скажется на общей картине...

Денис **Логинов** «Исторический пасьянс»

« Как-то Пикассо забрел в лавку папаши Сулье, увидел картину Руссо «Портрет женщины» и тут же приобрел ее за смешную цену — пять франков. Этот случай натолкнул его на мысль устроить в честь Руссо банкет у себя в мастерской, где вместе с ним снимали комнаты многие художники и литераторы, приехавшие в Париж за славой и успехом. Но вряд ли все они тогда понимали, что Анри Руссо, или Таможенник Руссо, как его называли, этот наивный и часто смешной человек — великий художник, чье имя в истории искусства XX века будет стоять рядом с их именами...»

Ирина **Опимах** «Как картина спасла Руссо от каторги»

« Много ли вы знаете названий пород животных? Попробуйте перечислить, и, будьте уверены, уже на четвертом десятке вы признаете свое поражение. А вот Альфред Брэм не только знал несколько тысяч наименований зверей, но описал их внешность и повадки в книге «Жизнь животных», которая и по сей день остается одной из самых интересных и удивительных книг о животном мире...

Евгения **Гордиенко** «Немецкий охотник за знаниями»

« Криминальный роман Александра **Аннина** «Хромой пеликан»